Проф И. Е. ЕВСѢЕВЪ.

ОЧЕРКИ

ПО ИСТОРІИ

СЛАВЯНСКАГО ПЕРЕВОДА БИБЛІИ.

ПЕТРОГРАДЪ.
Типографія М. Мѣркушева, Невскій пр., № 6.
1916.

Проф И. Е. ЕВСѢЕВЪ.

ОЧЕРКИ

ПО ИСТОРІИ

СЛАВЯНСКАГО ПЕРЕВОДА БИБЛІИ.

ПЕТРОГРАДЪ.
Типографія М. Мѣркушева, Невскій пр., № 6.
1916.

Извлечено изъ журнала «Христіанское Чтеніе» 1914 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ

Очерковъ по исторіи славянскаго перевода Библіи.

Стр.

Необходимость изученія бытовой исторіи славянской Библіи. 1—10

Геннадіевская Библія 1499 года, какъ начало сдвига славянской Библіи съ греческаго русла въ латинское. . . . . 10—22

Переводы библейскихъ толкованій Максима Грека . . . . . 22—28

Толкованіе на Псалтырь Брунона Гербиполенскаго въ переводѣ Дмитрія Герасимова 1536 г. . . . . 28—29

Общія условія западно-русской церковной жизни XV—XVI вв.

Обзоръ библейскихъ текстовъ западно-русскаго происхожденія XV—XVI вв. Древне-славянскій текстъ Библіи меѳодіевскаго перевода. Болгарскій (симеоновскій) текстъ. Десятоглавъ Матвѣя Десятого (1502 — 1507). Западно-русскіе переводы съ еврейскаго. Переводъ Скорины. Пересопницкое Евангеліе. Евангеліе Тяпинскаго. Евангеліе Негалевскаго 1581 года. Псалтирь Румянцевскаго Музея въ переводѣ съ польскаго XVI в. Псалтирь Румянцевскаго Музея въ переводѣ съ польскаго по рукописи XVII в. Малорусскій переводъ Пѣсни Пѣсней. Западно-русскій переводъ съ польскаго библейскихъ книгъ по рук. Императорской Публичной Библіотеки XVII в. Русско-польское изданіе Псалтири 1638 г. Глаголическій хорватскій переводъ Новаго Завѣта 1562—1563 г. . . . . 29—59

Защитная библейская литература на юго-западѣ Руси Толковые библейскіе переводы князя Андрея Курбскаго: толковая Псалтирь, Толковый Апостолъ . . . . . 59—63

Учительныя Евангелія. Заблудовское Евангеліе 1569 г. Евангеліе Кирилла Транквилліона. . . . . 63—67

Компиляціи библейскихъ толкованій 67—74

Острожская Библія 1581 года, какъ охрана библейскаго текста на Руси. Назначеніе Острожскаго изданія для борьбы противъ социніанъ. Источники Острожской Библіи. Обстоятельства происхожденія острожскаго изданія; главные сотрудники изданія—Герасимъ Даниловичъ Смотрицкій и дьяконъ Иванъ Ѳедоровъ Москвитинъ . . . . . 74—101

Историческое значеніе Острожской Библіи въ русской жизни и въ литературной исторіи славянскихъ и другихъ, связанныхъ съ ними, народовъ—болгаръ, сербовъ, молдавянъ и хорватовъ. Изданія библейскихъ текстовъ у этихъ народовъ . . . . . 101—137

Судьба библейскаго текста въ Москвѣ въ XVI и XVII вв. Текстъ Библіи въ Четь-Минеяхъ и Макарія Печатные библейскіе тексты богослужебныхъ книгъ. Общая характеристика этихъ текстовъ. Степень исправности библейско-богослужебныхъ текстовъ XVI—XVII в. въ связи съ дѣятельностью печатниковъ и справщиковъ. Первые печатники—Иванъ Ѳедоровъ и Невѣжины. Справа библейскихъ текстовъ при патріархѣ Никонѣ. Значеніе московскаго издательства библейско богослужебныхъ текстовъ съ 1564—1663 гг 137—156

Замѣна усовершенія славянскаго библейскаго текста въ московской Руси другими средствами. Одно изъ такихъ средствъ—снабженіе текста лицевыми изображеніями. Лицевыя библейскія рукописи: Библія Іоанна Грознаго, Псалтири, Евангелія и Апокалипсисы . . . . . 156—166

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Исторія славянской Библіи будетъ написана еще не скоро. Въ настоящее время, по состоянію источниковъ, возможно только уясненіе отдѣльныхъ сторонъ этой исторіи. Въ связи съ подготовительными работами въ Коммиссіи по научному изданію славянской Библіи, пишущій эти строки рѣшилъ принять на себя разработку бытовой обстановки славянской Библіи въ жизни славянскихъ народовъ, вмѣстѣ съ историко-литературнымъ обзоромъ письменныхъ и печатныхъ библейскихъ текстовъ, въ ихъ историческомъ движеніи. По особымъ обстоятельствамъ разработка начата не съ начальнаго періода славянской Библіи, а со времени окончательнаго перехода ея исторіи на русскую почву, съ конца XV вѣка. Въ общемъ планѣ составителя предлагаемыя нынѣ страницы изъ исторіи Библіи будутъ составлять первый выпускъ второй части «*Очерковъ по исторіи славянскаго перевода Библіи*».

ОЧЕРКИ

по исторіи славянскаго перевода Библіи.

II.

Черты бытовой исторіи славянской Библіи съ конца XV до XVIII вѣка.

(Къ 200-лѣтію со времени изданія перваго царскаго указа объ усовершеніи славянскаго текста Библіи).

14-го ноября 1912 года исполнилось 200 лѣтъ со дня высочайшаго указа Императора Петра I высшей церковной власти о надлежащемъ усовершеніи славянскаго текста Библіи, въ согласіи съ греческимъ текстомъ LXX. Какъ и въ другихъ областяхъ церковной и государственной жизни, участіе великаго преобразователя въ дѣлѣ устроенія славянскаго библейскаго текста составляетъ знаменательную эпоху въ судьбѣ славянской Библіи, ставитъ грань для старой исторіи и программу для новой исторіи нашей славянской Библіи. Осуществленіе этой программы выпало на долю его преемниковъ и является единственнымъ примѣромъ вполнѣ опредѣленнаго заботливаго попеченія о судьбѣ славянской Библіи нашей государственной власти, а вслѣдъ за нею и по ея настоянію, и нашей церковной власти за все время, когда попеченіе о Библіи лежало на отвѣтственности русскихъ, т. е. съ XV-го вѣка. Дѣйствіе властнаго петровскаго распоряженія продолжается и до настоящаго времени: и мы пользуемся славянскимъ текстомъ Библіи, образовавшимся въ силу указа 1712 года и его позднѣйшихъ подтвержденій. Даже болѣе: подъ вліяніемъ двухсотлѣтняго господства петровской идеи или ея практическихъ видоизмѣненій относительно славянской Библіи, въ нѣкоторыхъ кругахъ русскаго общества одно время возможно было наблюдать значительную переоцѣнку продукта этой идеи, въ видѣ извѣстной исторической попытки въ сороковыхъ годахъ

прошлаго столѣтія канонизовать принятый нынѣ славянскій текстъ печатной Библіи. Однимъ словомъ, для истекшаго 200 лѣтія петровскій указъ былъ непререкаемымъ авторитетом въ исторіи славянскаго текста Библіи, хотя въ полной мѣр не осуществленнымъ до настоящаго времени, по недостатк вниманія и нѣкоторой холодности къ этому дѣлу высшей цер ковной власти.

Далекое отъ научныхъ замысловъ, рѣшительное и опре дѣленное слово Императора Петра имѣло въ виду упорядо чить только практическое, бытовое положеніе славянскаго тек ста. Имъ опредѣлялось направленіе, въ какомъ долженъ идт этотъ текстъ, устанавливались рамки его развитіи. И есте ственно, что поставленный въ это русло славянскій библей скій текстъ развивался исключительно въ бытовой обстановкѣ создававшейся условіями времени. Даже въ то время, когд наука стала пытаться подойти къ этому тексту съ нѣсколько иными запросами, онъ властно отстаивалъ свое бытовое поло женіе. По юридическому опредѣленію, славянскій библейскій текстъ принялъ положеніе предмета обычнаго права, а н строго обоснованной кодификаціи. Поэтому этотъ текстъ можно разсматривать только съ точки соотвѣтствія его бытовым запросамъ и нормамъ русской жизни, а отнюдь не со сто роны его научнаго значенія.

Возникновеніе петровскаго указа было подготовлено пред шествующею бытовою исторіею библейскаго славянскаго текста Такимъ образомъ значеніе этого указа можетъ быть уяснен только на почвѣ раскрытія житейской обстановки текста въ ег исторіи, предшествующей 1712 году.

Но этотъ единственный въ исторіи славянской Библіи факт высшаго правительственнаго вмѣшательства въ судьбу Библі настолько значителенъ и характеренъ, что его съ большим правомъ можно разсматривать какъ нравственное средоточі или жизненный фокусъ всей вообще бытовой исторіи славян ской Библіи въ Россіи съ XV вѣка. Это самая яркая быто вая и юридически опредѣляющая точка, подлѣ которой воз можно объединить весь бытовой матеріалъ, связанный съ сла вянскою Библіею русскаго періода и до этого указа и посл его изданія. Съ точки научной такое центральное мѣсто в исторіи славянской Библіи съ XV вѣка слѣдовало бы отве сти геннадіевской Библіи 1499 года: въ ней даны всѣ эле менты, изъ которыхъ слагалась исторія Библіи съ XV вѣка

и ею, ея направленіемъ и природой въ значительной степени обусловливалась вся послѣдующая дѣятельность въ области славянской Библіи. Но въ дѣйствительности памяти о ней хватило въ русскомъ обществѣ только на полтора столѣтія. Здѣсь въ ея исторіи случился крупный переломъ: изъ частнаго пользованія она перешла въ руки церковной власти, и послѣдующая ея исторія, съ половины XVII в. (съ 1663 г.), естественно считалась только съ тѣмъ видомъ Библіи, какой установился къ моменту перехода ея къ новому владѣльцу. «Первопечатная» Библія 1663 г., пріобрѣла для послѣдующаго времени характеръ святыни, хотя по существу она воспроизводила то же, что было и въ болѣе раннемъ частномъ Острожскомъ изданіи 1581 года, что, далѣе, впервые дано было въ геннадіевской редакціи. И только не связанный канонической дисциплиной съ первопечатнымъ московскимъ изданіемъ, указъ Петра, какъ повелѣніе высшей государственной власти, отрѣшается отъ господствующей традиціи даннаго момента, объединяетъ предшествующую исторію славянской Библіи съ ея желательнымъ будущимъ упорядоченіемъ и такимъ образомъ ставитъ вопросъ о славянской Библіи русскаго періода такъ широко и съ такимъ подъемомъ мысли, какъ никакой другой актъ въ исторіи этой Библіи за послѣднія четыре столѣтія. На основѣ этихъ, поставленныхъ указомъ Петра I, принципіальныхъ рамокъ, изслѣдователь имѣетъ право и даже рѣшительное побужденіе осмотрѣть всю вообще бытовую исторію русской Библіи за два вѣка, предшествующихъ и два вѣка послѣдующихъ за этимъ указомъ. Что этотъ указъ отмѣчалъ существеннаго въ прежней исторіи славянской Библіи, съ XV в. до 1712 г., и что узаконялъ въ ней на будущее время? Каковы были, другими словами, господствующія настроенія въ русскомъ мыслящемъ обществѣ относительно Библіи, которыми вызывалось появленіе петровскаго указа, какова идеологія самого петровскаго указа и жизненное примѣненіе этой идеологіи въ послѣдующее время?

Уяснить бытовую сторону въ исторіи славянскаго библейскаго текста слѣдовало бы на всемъ протяженіи ея съ IX вѣка. Библія въ славянскомъ переводѣ болѣе чѣмъ какое-либо другое литературное явленіе связана съ духомъ и требованіями времени, съ укладомъ и строемъ жизни, съ подъемомъ или извѣстною степенью національнаго просвѣщенія. Библія у славянъ не была запечатаннымъ семью печатями предметомъ

отвлеченнаго почитанія, какъ латинская вульгата: она бы
пущена въ самую толщу народной жизни, и къ ней не м
не пристать и нагаръ церковной свѣчи, и копоть келей
лампадки, и досужій домыслъ высокихъ архіерейскихъ хоро
равно какъ не могли на ней не отразиться и самыя свят
сокровенныя помышленія народа отъ воспроизведеній вы
кихъ святоотеческихъ созерцаній священнаго писанія
приспособленія этихъ таинственныхъ созерцаній къ соврем
нымъ переживаніямъ. На ней лежитъ глубокій національн
отпечатокъ. И изученіе славянской Библіи внѣ этого исто
ческаго отпечатка несправедливо и недостаточно. Она не р
кроетъ своего лица и своей души тѣмъ, кто не постарае
войти въ пониманіе ея исторической обстановки, не подс
детъ къ этой ея исторической судьбѣ съ самою искренн
проникновенностью. Недостаточную до настоящаго време
научную разработку славянскаго текста Библіи, не смотря
давнюю заинтересованность ею ученыхъ, мы объясняемъ гл
нымъ образомъ отсутствіемъ внутренней органической зав
тересованности и нравственнаго сродства работавшихъ на
этимъ вопросомъ ученыхъ съ тою областью, къ которой с
щественнымъ образомъ принадлежитъ славянская Библія.

Нельзя ожидать, что ученый глубоко и основательно из
читъ Пушкина, если ограничитъ свои наблюденія однимъ толь
его языкомъ; не высока будетъ цѣна того изученія аѳинска
акрополя, которое старательно погрузится въ опредѣленіе свойст
мрамора историческаго Парѳенона и не въ состояніи буде
обнять ни художественнаго содержанія, ни историческихъ тр
диній этого памятника. Между тѣмъ славянская Библія въ н
стоящее время изучается наукой только со стороны ея языка
письменной традиціи и на основаніи этого дѣлаются оконч
тельныя сужденія о ея древнѣйшемъ видѣ, о ея минувш
судьбѣ. Посколько это дѣлается по методическимъ соображ
ніямъ, это понятно: другія стороны не изучены, не доступ
для соображеній, естественно заключенія должны основ
ваться только на доступной изслѣдованію языковой сторон
Но въ изученіи славянской Библіи мы видимъ не то: изсл
дователи этого предмета переоцѣниваютъ значеніе результатов
своихъ изученій: они почитаютъ, повидимому, свою задач
исполненной, какъ скоро уяснена языковая сторона и тек
стуальное преданіе извѣстной части Библіи. По крайней мѣр
намъ не приходилось читать, чтобы кто-нибудь изъ изслѣдо

вателей сознавалъ, что подобная работа—только черновой, подготовительный набросокъ къ возстановленію цѣлой картины, связанной съ славянской Библіей. Никакихъ горизонтовъ, никакихъ дальнѣйшихъ точекъ зрѣнія на предметъ не указывается: такимъ элементарнымъ уясненіемъ все почитается достигнутымъ. Если такъ, то здѣсь слѣдуетъ усматривать не временное, методическое ограниченіе въ изслѣдованіи предмета отдѣльной стороной его, а принципіальную узость постановки предмета. И это непростительно, потому что въ изслѣдованіи другихъ памятниковъ древней русской и славянской литературы такого ограниченія нѣтъ: въ книгѣ Эноха Праведнаго почитается возможнымъ возводить идейные корни славянскаго апокрифа за 2 вѣка до нашей эры [1]); въ повѣсти объ Акирѣ Премудромъ идейное и рукописное соотвѣтствіе славянскому переводу отыскивается въ глубинѣ VII—V в.в. до Р. Х., въ ассирійской литературѣ [2]). Словомъ, уясненіе судьбы славянской Библіи не можетъ отождествляться съ уясненіемъ языка и рукописнаго преданія этой Библіи, какъ это пытается сдѣлать современный господствующій пріемъ разработки этого предмета. Къ этой области долженъ быть примѣненъ въ полной мѣрѣ методъ историко-литературнаго изученія со всею сложностью его задачъ, какъ это примѣняется въ наукѣ къ другимъ памятникамъ славянской и русской старины. Въ кругъ этого изученія неизбѣжно должно войти подробное уясненіе жизненной обстановки славянскихъ библейскихъ письменныхъ памятниковъ до возстановленія ближайшихъ и отдаленныхъ литературныхъ предковъ и родичей этихъ памятниковъ, до уясненія идеологіи славянской Библіи во всей ея полнотѣ. Примѣненіе къ изученію славянской Библіи въ нашей современной наукѣ почти исключительно метода языковаго изученія списковъ, выдвиганіе на первое мѣсто интересовъ славянскаго языкознанія, а не Библіи, какъ цѣльнаго памятника, высоко важнаго, помимо его идеологическаго значенія, и для уясненія древней литературной и культурной исторіи славянъ, — такое явленіе

---

[1]) Проф. М. Н. Соколовъ, Славянская книга Еноха Праведнаго. Посмертный трудъ автора приготовилъ къ изданію М. Сперанскій. Изданіе Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Императорскомъ московскомъ университетѣ, М. 1910.

[2]) Повѣсть объ Акирѣ Премудромъ. Изслѣдованіе А. Д. Григорьева. Чт. О. И Др. Р. 1912, I.

мы считаемъ только временнымъ предубѣжденіемъ, а не окончательнымъ рѣшеніемъ науки. Сами представители и вдохновители языковой разработки библейскихъ памятниковъ сознаютъ, что при такой ограничительной постановкѣ вопроса не всегда достижимы даже ихъ спеціальныя задачи. Въ этомъ отношеніи знаменательно признаніе И. В. Ягича въ Славянской Энциклопедіи, I, 24, что ни изслѣдованія Сырку, ни изданія Калужняцкаго не выяснили сущности грамматической реформы тырновскаго митрополита Евѳимія. Но почтенный славистъ не указываетъ, что упомянутые изслѣдователи охотились за рыбьей чешуей съ очень рѣдкою сѣтью: рыба проскочила въ широкія звенья сѣти, и чешуя осталась на спинахъ ихъ владѣльцевъ.

Самое предубѣжденіе современной науки трактовать славянскую Библію исключительно только съ точки изученія ея языка, по нашему мнѣнію, объясняется не столько состояніемъ нашей науки, не столько ея подготовительной формой изслѣдованія въ этой области, сколько подражаніемъ примѣру начальной вліятельной разработки. Съ самаго начала разработка славянскаго библейскаго матеріала направлена была на грамматическіе вопросы, призвана была обслуживать только языковые интересы, такъ какъ попала въ руки западно-славянскихъ ученыхъ (Добровскій), ни въ какой мѣрѣ не связанныхъ съ славянскою Библіею по своимъ жизненнымъ традиціямъ. Въ этомъ направленіи, благодаря, правда, солиднымъ научнымъ вкладамъ западно-славянскихъ ученыхъ, изученіе это шло и идетъ у насъ до послѣдняго времени. Но теперь есть голоса, заявляющіе о необходимости не ограничиваться изученіемъ только языковой стороны вопроса, настоятельно выдвигающіе и другія стороны предмета, какъ равно достойныя и заслуживающія изученія, и время отождествленія научнаго изслѣдованія славянской Библіи съ изученіемъ ея языка, надо думать, безвозвратно миновало. Столь многогранный предметъ, какъ славянская Библія, способенъ вызвать десятокъ точекъ зрѣнія для всесторонняго обслѣдованія, и каждая будетъ имѣть и свое законное оправданіе и научное значеніе для уясненія вопроса.

Въ настоящемъ случаѣ мы дѣлаемъ попытку уяснить бытовую сторону славянской Библіи съ конца XV-го до XVIII вѣка. Она должна будетъ уяснить значеніе того высокаго правительственнаго акта, какой 200 лѣтъ назадъ, подъ

перомъ великаго преобразователя русской жизни, опредѣлилъ принципіальный бытовой взглядъ на славянскую Библію тогдашнихъ правительственныхъ и духовно-общественныхъ круговъ и какой по существу остается исповѣданіемъ русской правящей власти и до настоящаго времени. Но бытовой осмотръ этой области будетъ имѣть и другое значеніе. Какъ одна изъ частей многогранника въ изученіи славянской Библіи, бытовое изученіе естественно должно будетъ раздвинуть рамки вопросовъ, подлежащихъ научному изслѣдованію въ этой области. По существу бытовое опознаніе Библіи является другимъ видомъ изученія предмета, по сравненію съ научнымъ изученіемъ. Наука недавно получила обзоръ научнаго изученія славянской Библіи, т. е. обзоръ изученія языка и текстовъ преимущественно древнѣйшаго перевода Библіи, со второй половины XVIII вѣка, въ трудѣ проф. А. В. Михайлова [1]). Не безполезно, думаемъ мы, осмотрѣться и съ другой стороны: что поставлено было въ исторіи и что получило развитіе относительно славянской Библіи въ сознаніи другой части славянскаго міра, жившаго не научными представленіями, а интересами практическаго примѣненія славянской Библіи къ жизни, при томъ значительно ранѣе XVIII вѣка.

По существу и въ научномъ изученіи и въ бытовомъ опознаніи славянской Библіи—одинъ процессъ: то и другое стремится къ уясненію, къ усвоенію одного и того же предмета. Но пути, цѣли и средства въ томъ и другомъ методѣ различны. Бытовое уясненіе Библіи возникло и питалось жизненными потребностями, главнымъ образомъ желаніемъ улучшить, или исправить текстъ славянской Библіи, придать ему болѣе соотвѣтственный требованіямъ времени языковый видъ, канонический порядокъ, или провести чрезъ него какія-либо новыя идеи. Однимъ словомъ въ центрѣ этого усвоенія лежатъ запросы и интересы практической жизни. Этотъ видъ бытового усвоенія стоитъ въ неразрывной связи съ тою средою, которая въ своей жизни содержитъ славянскую Библію въ богослужебномъ и домашнемъ употребленіи, въ литературномъ пользованіи и въ той или другой степени въ основѣ своего культурнаго міросозерцанія. Эта среда — восточное православіе. Другой видъ усвоенія предмета—научное изученіе возникло изъ общенаучныхъ потребностей ознакомиться съ древнѣйшимъ общеславян-

[1]) Опытъ изученія текста книги Бытія пророка Моисея въ древнеславянскомъ переводѣ. Часть I. Паримейный текстъ. Варшава 1912.

скимъ достояніемъ—славянскимъ языкомъ, по времени явилось значительно позднѣе перваго направленія и связано съ Библіей довольно случайною связью—недостаткомъ другихъ древнихъ памятниковъ. Это теченіе зародилось и развилось преимущественно въ средѣ западныхъ славянъ, въ средѣ, въ общемъ порвавшей связи съ славянскою Библіею, какъ живымъ преданіемъ. И то и другое теченіе одинаково законны и цѣнны: и жизненные запросы времени и отвлеченныя потребности научнаго изслѣдованія—каждое, въ мѣру своихъ возможностей, должно помочь общему всестороннему уясненію вопроса. Одна струя выдвигаетъ неотвратимую правду жизни, другая—правду логики. Хорошо было бы, если бы то и другое объединилось: если бы для рѣшенія поставлены были вопросы, заявленные жизнью, если бы къ нимъ приложена была научная изыскательность, примѣненная уже наукой къ предмету теоретическаго значенія. При такомъ порядкѣ могло бы получиться дѣйствительное знаніе славянской Библіи.

Знаменитый именной указъ Петра I 14 ноября 1712 года объ изданіи славянской Библіи гласилъ слѣдующее: «Въ Московской Типографіи печатнымъ тисненіемъ издать Библію на славянскомъ языкѣ, но, прежде тисненія, прочесть ту славянскую Библію и согласить во всемъ съ греческою 70 преводниковъ Библіею, и быть у дѣла того въ смотрѣніи и правленіи Еллиногреческихъ школъ учителю, іеромонаху Софронію Лихудію, да Спасскаго монастыря архимандриту Ѳеофилакту Лопатинскому, да типографіи справщикомъ Ѳедору Поликарпову и Николаю Семенову, въ чтеніи справщикомъ же—монаху Ѳеологу да монаху Іосифу. А согласовать и править въ главахъ и стихахъ и рѣчахъ противу Греческія Библіи грамматическимъ чиномъ, а буде гдѣ въ славянскомъ противъ греческой Библіи явятся стихи пропущены, или главы перемѣнены или въ разумѣ Писанію Священному греческому противность явится, и о томъ доносить преосвященному Стефану, митрополиту рязанскому и муромскому, и отъ него требовать рѣшенія. Таковъ Великаго Государя имянной указъ объявилъ Преосвященному Стефану, митрополиту рязанскому и муромскому, и въ типографіи вышеписаннымъ сказалъ тайный совѣтникъ графъ Иванъ Алексѣевичъ Мусинъ-Пушкинъ» [1]). Прямой смыслъ указа совершенно

[1]) Описаніе документовъ и дѣлъ Св. Синода, т. III, стр. 28; пр. XIII, стр. XLVII, II, ч. 1, № 268, ч. 2, № 1188.

ясенъ. Боролись двѣ партіи, или два направленія духовнаго просвѣщенія—восточное и западническое. Указъ 14 ноября отдавалъ рѣшительное предпочтеніе восточному просвѣщенію и осуждалъ западническія, вѣрнѣе католическія стремленія въ обществѣ, властно выдвигавшіяся тогда въ жизнь вмѣстѣ съ латинско-схоластической системой образованія въ тогдашней духовной школѣ. Идейная побѣда греческаго просвѣщенія выражена въ повелѣніи произвести перестройку главнѣйшаго источника духовнаго просвѣщенія—Библіи по типу греческаго оригинала, въ противовѣсъ ея уклоненію къ строю латинской Вульгаты. Ближайшимъ образомъ здѣсь осуждалось «латинство» духовныхъ московскихъ круговъ конца XVII вѣка, заявлялась правота сторонниковъ греческаго просвѣщенія. Непосредственно подвергалась косвенному осужденію первопечатная московская Библія 1663 года, по традиціи передававшая справу греческой истины по латинскому оригиналу. Все это достаточно ясно съ перваго взгляда и подробно будетъ у насъ разъяснено далѣе. Но дѣло этимъ не ограничивается: указъ Петра I направленъ противъ такой слабой стороны русскаго просвѣщенія, корни которой восходятъ далеко глубже 1663 г.

Библія московскаго изданія 1663 года съ научной точки представляется несамостоятельнымъ, совершенно малоцѣннымъ предпріятіемъ московской церковной власти второй половины XVII вѣка. Оно вызвано было назрѣвшими къ тому времени потребностями въ духовномъ просвѣщеніи, но, по рѣшительному недостатку образованныхъ людей въ распоряженіи духовныхъ властей того времени, исполнено было поученически плохо: оно представляло, по обычаю того времени, не совсѣмъ точную перепечатку Острожскаго изданія Библіи 1581 года. Острожское же, важное для своего времени изданіе, сдѣлано было въ свою очередь при самомъ существенномъ пособіи библейскаго свода 1499 года, т. наз. Геннадіевской Библіи. Этому своду 1499 года принадлежитъ начало сближенія славянскаго библейскаго текста съ латинской Библіей, въ этомъ сводѣ находитъ свой источникъ латинское русло въ изданіяхъ и Острожскомъ и Московскомъ. Съ теченіемъ времени, съ половины XVII вѣка, латинствующая струя, связанная съ этими изданіями Библіи, разлилась широкой рѣкой въ основныхъ церковныхъ источникахъ и духовной литературѣ, но съ 1499 г., въ теченіе болѣе 150-ти лѣтъ, почти только одна славянская Библія напоминала вдумчивому наблюдателю о новомъ

пути славянскаго просвѣщенія, который въ церковно-канонической области усердно подготовлялся не собственными запросами и рѣшеніями, а флорентійскимъ и тридентскимъ соборами. Такимъ образомъ логика указа 14 ноября прямо и непосредственно подвергаетъ оцѣнкѣ и осуждаетъ построенное на латинской канвѣ московское первопечатное изданіе славянской Библіи 1663 года, но при полной несамостоятельности и безотвѣтственности этого изданія, эта оцѣнка должна относиться всецѣло на долю его первоисточника—Геннадіевской Библіи 1499 года.

Вся древнѣйшая исторія славянской Библіи, отъ ея появленія въ IX в., при св. Кириллѣ и Меѳодіи, до конца XV-го вѣка, стоитъ въ неразрывной связи съ греческимъ текстомъ Библіи. Съ латинской Библіей судьба сталкиваетъ славянскій переводъ только въ концѣ XV вѣка, въ Геннадіевскомъ библейскомъ сводѣ. Чѣмъ объясняется поворотъ къ латинскомъ заимствованіямъ въ Геннадіевской Библіи 1499 года? При какихъ условіяхъ произошелъ въ концѣ XV вѣка сдвигъ славянской Библіи съ греческаго русла?

Здѣсь мы неизбѣжно сталкиваемся съ уясненіемъ религіозной бытовой психологіи русскаго общества конца XV вѣка. Допустить, что главнѣйшій источникъ восточно-православнаго міросозерцанія могъ незамѣтно подвергнуться дополненіямъ и исправленіямъ изъ латинскаго оригинала, подобно простому литературному памятнику, мы не можемъ. Это противорѣчитъ всему складу русскаго міросозерцанія съ древнѣйшихъ временъ до половины XVII вѣка или, по крайней мѣрѣ, до конца XVI-го вѣка. Извѣстное самодовольство русскихъ своимъ православіемъ побуждало ихъ относиться недовѣрчиво даже къ православію грековъ послѣ паденія Цареграда. Тѣмъ съ большею подозрительностью долженъ былъ относиться русскій XV-го вѣка къ существенной вѣроисповѣдной особенности латинянъ. Остается признать, что наклонъ къ сближенію съ латинствомъ въ области библейскаго текста произошелъ не обычнымъ путемъ, а былъ произведенъ искусственно, былъ результатомъ вѣроисповѣднаго натиска римской церкви.

Въ этомъ мы убѣждаемся изъ цѣлаго ряда соображеній и наводящихъ фактовъ.

И прежде всего—составъ и объемъ славянской Библіи съ самого ея появленія у славянъ былъ очерченъ и опредѣленъ совершенно твердо. Правда, по довольно неудобному примѣру

византійцевъ, наши предки пользовались Библіею не въ одномъ сплошномъ кодексѣ, а въ видѣ отдѣльныхъ разрозненныхъ ея частей. Но это не свидѣтельствуетъ, что никакой кодификаціи библейскаго состава у славянъ не было. На стражѣ опредѣленнаго состава Библіи стояло древнее церковное каноническое сознаніе, проявившееся и въ дѣятельности свв. Кирилла и Меѳодія и въ болѣе позднее время—въ XII и XV вв.—въ видѣ признанія въ Библіи только каноническихъ книгъ, съ яснымъ выдѣленіемъ изъ ихъ числа книгъ неканоническихъ (объ этомъ—см. въ нашей рѣчи «Рукописное преданіе славянской Библіи» 1911 г.). Здѣсь у славянъ мы видимъ самое твердое слѣдованіе исконной восточной традиціи относительно библейскаго канона, въ противовѣсъ рѣзко очерченной западной традиціи, существенною особенностью которой было расширеніе древняго канона позднѣйшими неканоническими книгами.

Какихъ либо потребностей въ расширеніи канона для надобностей теоретическихъ или практическихъ въ дѣятельности Геннадія—виновника этого расширенія канона—не видно. Для круга интересовъ Геннадія и его единомышленниковъ новыя библейскія добавленія не даютъ ни одного полезнаго штриха. Ни Геннадій, ни его литературный союзникъ, Іосифъ Волоцкій, новыми пріобрѣтеніями не пользуются. Практическое употребленіе изъ этого латинскаго пріобрѣтенія мы увидимъ значительно позднѣе, въ XVII в., и при томъ въ области далеко не геннадіевскихъ интересовъ.

Можно допустить одну практическую возможность обратиться къ латинскимъ переводамъ: желаніе достигнуть полноты библейскаго состава и невозможность достигнуть этого при наличности готовыхъ въ то время переводовъ. Потребность въ обобщающихъ сводахъ по различнымъ отраслямъ литературы въ эту эпоху подведенія Новгородомъ своихъ культурныхъ итоговъ была несомнѣнна: извѣстенъ въ теченіе первой половины XVI столѣтія сводъ богослужебныхъ книгъ, сводъ житій святыхъ. Но судьба этихъ сводовъ не вызываетъ никакого недоумѣнія. Богослужебные и житійные памятники были объединены въ предѣлахъ тѣхъ текстовъ, какіе въ то время извѣстны были въ Новгородѣ. Нѣкоторыя житія, повидимому, по заказу переведены были съ греческаго для надобностей тогдашняго свода. Все это только углубляетъ принятую до того времени церковно-бытовую традицію. Въ сводѣ Библіи мы видимъ дру-

гое: готовые. извѣстные въ то время, тексты библейскихъ книгъ, правда, собраны, но далеко не въ достаточномъ размѣрѣ. Геннадіевской справой использованы только поздніе новгородскіе тексты. Кромѣ новгородскихъ позднихъ, извѣстны были новгородскіе ранніе, а также не новгородскіе, напр., виленскіе тексты. Всѣ эти тексты, не говоря уже о текстахъ южно-славянскихъ, совершенно не были привлечены къ дѣлу библейскаго свода справой Геннадія. Но и при этомъ условіи, при наличности однихъ употребительныхъ тогда текстовъ, Геннадій могъ составить почти цѣлую славянскую Библію. Дополненія потребовали бы только двѣ книги Паралипоменонъ, книги Ездры и Нееміи. Ожидалось бы, что Геннадій поручитъ ихъ перевести съ греческаго текста, поручитъ провѣрить другія книги по тому же греческому тексту—и славянская Библія, въ позднемъ русскомъ ея изводѣ, будетъ готова. Оказалось не то. Не только не найденныя въ славянскомъ переводѣ четыре книги поручено было перевести съ латинской Библіи и по той же Библіи произвести провѣрку и восполненіе собранныхъ переводовъ, но признано было нужнымъ сдѣлать существенныя добавленія къ традиціонной славянской Библіи. Переведены были неканоническія книги. не вводившіяся до того времени въ славянскую Библію: двѣ книги Ездры, книги—Товитъ, Іудиѳь, Премудрость Соломона и двѣ книги Маккавейскія. Въ намѣреніе редактора, очевидно, входило не только восполненіе текстовъ до размѣра традиціонной славянской Библіи, въ предѣлахъ 60-ти каноническихъ книгъ, по счисленію І. Дамаскина, но болѣе того—до размѣра римской традиціи (восходящей еще къ Карѳагенскому собору), до времени Геннадія рѣшительно не признаваемой на Востокѣ. Здѣсь мы имѣемъ дѣло, очевидно, болѣе чѣмъ съ простымъ литературнымъ явленіемъ.

Первые серьезные изслѣдователи труда Геннадія—Горскій и Невоструевъ объясняли появленіе въ Геннадіевомъ сводѣ Библіи латинскихъ привносовъ предположеніемъ, что у составителей этого свода могло не быть греческихъ рукописей или переводчиковъ, знающихъ греческій языкъ. Подъ руками оказалась латинская Библія, нашлись знатоки латинскаго языка—отсюда естественно явились восполненія изъ латинской Библіи [1]).

[1]) Описаніе славянскихъ рукописей Московской Синодальной Библіотеки, I. VII—VIII стр. А. И. Соболевскій затрудняется объяснить, за чѣмъ непосредственый переводчикъ дополнительныхъ книгъ въ Ген-

Выходная запись Геннадіевской Библіи 1499 г.

Въ виду идейной значительности этихъ восполненій, мы думаемъ, что дѣло обстояло не такъ просто. А то обстоятельство, что переводчикъ съ латинской Вульгаты былъ не свой новгородецъ, а доминиканскій іеромонахъ Веніаминъ, пришедшій издалека, заставляетъ спрашивать, почему новгородскій владыка для важнаго дѣла редактированія и упорядоченія славянской Библіи не могъ пригласить ученаго грека и достать греческую Библію. Едва ли выполнить обычный для тогдашней Руси пріемъ обращенія къ греческимъ источникамъ было труднѣе, чѣмъ обзавестись латинскимъ переводчикомъ.

Намъ дѣло представляется такъ, что въ этомъ неожиданномъ появленіи въ XV в. въ составѣ славянской Библіи знаменательнаго добавленія неканоническихъ книгъ (и части кн. Есенрь, 11—16 гл.) въ переводѣ съ латинской вульгаты, появилось насильственное воздѣйствіе на каноническую особенность восточнаго православія католической пропаганды [1]). Для насъ совершенно невѣроятно, чтобы въ такомъ существенномъ пунктѣ разногласія между православіемъ и католичествомъ, обсуждавшемся на множествѣ соборовъ, начиная съ IV вѣка, Геннадій въ XV в. съ легкимъ сердцемъ, сознательно и добровольно пошелъ на капитуляцію и признавъ необходимость восполнить источникъ своего исповѣданія добавленіями католическими, рѣшительно отвергавшимися до того времени православною перковію. Психологически, съ церковно-бытовой точки зрѣнія, для архіепископа XV вѣка, по-своему ревнителя чистоты православія, подобная растерянность трудно допустима. Подобныхъ безусловныхъ уступокъ въ этой существенной области вѣроисповѣдныхъ разногласій—безъ всякаго обсужденія и борьбы—исторія рѣшительно не помнитъ.

Натиски католичества на Русь извѣстны издавна. Еще въ половинѣ XIII вѣка была сдѣлана попытка основать во Псковѣ католическую епископію [2]). Въ 1439 году на флорентійскомъ соборѣ, по мнѣнію католиковъ, положено было и юридическое основаніе ихъ домогательствамъ къ подчиненію восточнаго православія католической догмѣ. Между прочимъ, на этомъ соборѣ съ особенною силою выдвинутъ былъ вопросъ о при-

---

надіевскомъ сводѣ—доминиканецъ Веніаминъ попалъ въ Россію (Переводная литература московской Руси XIV—XVII вв., 1903, 258 стр.).

[1]) Объ этомъ мы указывали въ рѣчи—Рукописное преданіе славянской Библіи, 1911, 28—29 стр.

[2]) Трусманъ, Введеніе христанства въ Лифляндіи, Спб. 1884, 259 стр.

знаніи каноническаго значенія за неканоническими книгами, въ виду того, что въ католичествѣ развивались уже такія догматическія теченія, для которыхъ Римъ могъ выискивать опору только въ этихъ книгахъ [1]). Греческіе члены собора не признавали эти книги въ томъ достоинствѣ, какое утверждали за ними католики, но чрезъ это католики вовсе не останавливались въ своемъ домогательствѣ внушить признаніе ихъ богодухновенности православнымъ. Какая тактика могла быть избрана для осуществленія этого замысла, отчасти можно видѣть изъ аналогичнаго примѣра, изъ отношенія католиковъ въ началѣ XVI столѣтія къ проведенію принципа объединенія православной богослужебной практики съ католическою. Въ 1526 году въ Римѣ былъ переработанъ по католическому чину и изданъ греческій Евхологій. Искуснымъ движеніемъ онъ возведенъ былъ въ достоинство оригинала для венеціанскихъ греческихъ изданій Евхологія въ типографіяхъ, прикровенно находившихся въ рукахъ католиковъ. Такимъ образомъ римская корректура предупредительно снабжала богослужебными изданіями и грековъ и чрезъ нихъ насъ, русскихъ, такъ какъ наши справы XVII в. основывались на этихъ *подлинныхъ* греческихъ изданіяхъ [2]). Что дружеское содѣйствіе предложено было, подобно служебнику, и для Библіи, у насъ прямыхъ фактовъ нѣтъ, но оно весьма вѣроятно и по тому, что вопросъ канонизаціи неканоническихъ книгъ весьма сильно занималъ римскую курію съ флорентійскаго собора до самаго разрѣшенія его на тридентскомъ соборѣ въ 1546 году, и еще болѣе по тому, что неожиданное практическое разрѣшеніе его

---

[1]) Свои новыя доктрины о 1) Filioque, 2) объ исхожденіи Св. Духа, 3) о чистилищѣ—латиняне доказывали на этомъ соборѣ ссылками на слѣдующія мѣста *божественнаго* писанія: 1) Премудрости Іисуса сына Сирахова XXIV, 31: Qui elucidant me vitam aeternam habebunt (мѣсто это неподлинное: кромѣ латинскаго текста, въ другихъ текстахъ не читается),—Mansi, t. XXXI^b, col. 1477; 2) Прем. Солом. VII, 25—Mansi, t. XXXI^b col. 1653; 3) 2 Маккав. XII, 46—Mansi, ibid., col. 1662. Подобныя доказательства широко были распространены потомъ, въ XVII в., въ нашей южно-русской уніатской литературѣ. Окончательно доказательная сила за этими спорными до того времени въ католической церкви книгами признана была на тридентскомъ соборѣ, въ 1546 г.

[2]) Докладъ проф. А. А. Дмитріевскаго въ Императорскомъ Обществѣ Любителей Древней Письменности 11 февраля 1911 года—О венеціанскихъ изданіяхъ греческаго Евхологія XVI—XIX вв. (библіографич. замѣчанія).

въ славянской Библіи сопровождается созданіемъ весьма сгущенной католической атмосферы вокругъ главнаго виновника этой канонизаціи на славянской почвѣ—архіеп. Геннадія. Только въ XVII-мъ вѣкѣ мы замѣчаемъ потомъ такое же проявленіе воинственнаго католическаго духа въ русской церковной жизни. Вліяніе католичества вокругъ Геннадія проявляется особенно ярко въ его расправѣ съ жидовствующими и въ его церковно-имущественной идеологіи. Жестокое до безсмысленности издѣвательство Геннадія надъ еретиками стоитъ совершенно особнякомъ въ древней исторіи Новгорода и явно ведетъ свое начало отъ практики Филиппа испанскаго, о чемъ «цесарскій посолъ» имѣлъ бесѣду съ Геннадіемъ, изъ практики инквизиціи. Защита церковныхъ имѣній, выпущенная въ это время отъ имени ревнителя православія—архіепископа, несомнѣнно, Геннадія, проведена въ духѣ и формѣ римскихъ іерархическихъ воззрѣній [1]). Совершенно въ духѣ этой обстановки, въ московской литературѣ появляется съ 1490 г. пропагандистъ единенія католичества съ православіемъ Николай Нѣмчинъ (изъ Любека), написавшій въ 1516 г. цѣлое посланіе по этому предмету, а въ переводѣ библейскихъ книгъ, повидимому, съ того же 1490 г., принимаетъ участіе доминиканецъ Веніаминъ, «родомъ славянинъ, а вѣрою латинянинъ».

Кто былъ этотъ Веніаминъ, по языку его перевода нѣсколько ясно [2]). Онъ употребляетъ формы 1 лица единств. числа настоящаго времени на—*имъ* и—*емъ*: да предъ Богомъ сіе сотворимъ и кровь мужей тѣхъ піемъ (1 Паралип. XI) = = ut faciam... bibam. Формы эти въ XV в. по преимуществу свойственны сербскому языку. Изрѣдка встрѣчающіяся у него формы, чуждыя церковно-славянскому и русскому языку, какъ *въ углохъ стѣнахъ* = in angulis murorum (2 Паралип. XXVI) также по преимуществу сербскія. Въ словарномъ матеріалѣ перевода Веніамина бросается въ глаза пѣлый рядъ словъ или необычныхъ для церковно-славянскаго и русскаго языковъ, или употребляемыхъ въ необычномъ для этихъ языковъ значеніи: коваčъ = faber, краты = vices (*по кратихъ* = per vices 1 Паралип. XXIII), одножъ = unaque вмѣстѣ, скважня = fo-

[1]) Слово кратко противу тѣхъ, иже въ вещи священныя... вступаются и отъимати... дерзаютъ. Изд. А. Д. Григорьевымъ, Чт. О. И. и Др. Р. 1902, Библіографическія матеріалы, № XXI.

[2]) А. И. Соболевскій, Переводная литература Московской Руси, стр. 256—259.

гашеп. Екклис. XIIз. Это слова сербскія: ковач, крат, једнош и т. д. Въ синтаксисѣ также проявляется одна сербская особенность—употребленіе формы дат. пад. безъ предлога при глаголахъ движенія, на вопросъ куда: возвратися *дому* ахавлю = everteret domum Achab (2 Паралип. XXII); обратися *Іерусалиму* = reversus est Ierusalem (1 Паралип. XXI). По всѣмъ этимъ основаніямъ, при полномъ отсутствіи полонизмовъ и чехизмовъ въ языкѣ перевода Веніамина, можно съ увѣренностію полагать, что этотъ славянинъ-католикъ былъ хорватъ-глаголитъ изъ приморской Хорватіи, хорошо знакомый съ церковно-славянскимъ языкомъ по своимъ богослужебнымъ книгамъ и, какъ католикъ, владѣвшій и латинскимъ языкомъ [1]).

Особенности языка Веніамина обрисовываютъ его обликъ *и съ болѣе частныхъ сторонъ. Онъ* часто передаетъ латинское *b* черезъ *славянское в*: Іоавъ, Аминадавъ, василика; латинское *c* черезъ к: Кисъ, кимбалъ, кентуріонъ. Отсюда можно заключить, что онъ зналъ греческій языкъ. Повидимому, есть у него слѣды знакомства съ итальянскимъ языкомъ (= фрязскимъ): ветигалъ = vestigal (1 Ездры IV), костелла = castra (1 Паралип. XXI). Церковно-славянскій языкъ того времени, помимо указанныхъ выше сербскихъ особенностей, содержитъ слѣды русскаго, псковскаго наречія: *кромѣ* = arx, какъ въ псковскихъ лѣтописяхъ, *кремль* = castrum, *посадъ* = urbs, *ларець* = arca и т. п. [2]).

Причину появленія хорватскаго глаголита въ Новгородѣ А. И. Соболевскій указываетъ очень простую: онъ могъ придти сюда съ попыткой поискать счастья въ мало кому извѣстной тогда Россіи. Путь его изъ приморской Хорватіи могъ лежать чрезъ Прагу и Краковъ, гдѣ въ это время, повидимому, еще раздавалось славянское богослуженіе. Но намъ эта случайность кажется положительно невѣроятной. Чтобы случайный искатель приключеній такъ легко произвелъ завоеваніе своему духовному отечеству въ той области, на которую были обращены большія силы систематической атаки, это недопустимо. Да онъ и не можетъ быть названъ случайнымъ гостемъ: онъ

---

[1]) А. И. Соболевскій, указ. соч. 257—258 стр.

[2]) Мѣстныя особенности могли быть внесены въ переводъ Веніамина его русскими сотрудниками—Димитріемъ Герасимовымъ и Власіемъ, на обязанности которыхъ могло лежать приближеніе его языка къ русскому.

былъ вполнѣ вооруженъ тѣмъ оружіемъ, какое требовалось для даннаго момента.

Мы не имѣемъ возможности сопоставить текста Геннадіевской Библіи въ частяхъ переводныхъ съ латинскаго съ текстомъ глаголическихъ хорватскихъ бревіаріевъ и миссаловъ: глаголическіе тексты съ латинскаго оригинала еще не изданы. Но мы произвели провѣрку правленной при Геннадіевскомъ собраніи книги Екклисіастъ съ глаголическимъ текстомъ I Вербницкаго бревіарія нач. XIV в. и отчасти (съ XI^{в}) бревіарія собранія коллегіи пропаганды XV в., по изданію Вайса [1]), и можемъ свидѣтельствовать о значительной степени совпаденія текстовъ. И это въ особенности намъ кажется цѣнно потому, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ переводомъ съ греческаго: геннадіевскій списокъ книги Екклисіастъ взятъ былъ въ переводѣ съ грчѣскаго и сопоставленъ съ глаголическимъ текстомъ, переведеннымъ съ латинской вульгаты. Совпаденія въ переводахъ до буквальности въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ греческій и латинскій тексты представляютъ сходныя чтенія, по нашему мнѣнію, не случайно и свидѣтельствуютъ о вліяніи глаголическаго текста. Вотъ примѣры совпаденій:

Глаголич. текстъ нач. XIV в.	Геннадіевскій текстъ 1499 г.
Екклис. 1 4 родъ' прѣходитъ'. родъ' минуетъ'. земла же въ вѣки стоитъ'.	родъ минуетъ и родъ преходитъ, а земла в' вѣкы стоитъ.
2 8 с'брахъ' мнѣ сребро и злато и имѣнiѣ цѣсаръ толи странъ'. створихъ' мнѣ пѣсни(вце) и пѣснивице.	и собрахъ же злато и сребро. имѣнiа царь и странъ створи поющаѧ. моужска полоу и женска
2 19—18 емоуже трудихсе прѣбивае наслѣднику по мнѣ. егоже не знаю. аще мудръ' или безумнъ' будущи естъ' в'звладаетъ в' трудѣхъ' моихъ'. имиже потихъ' се и печалнъ' бѣхъ'	'яко 'оставлю "е человѣкѫ бѫдѫщомѫ по мнѣ. яко то есть мѫдръ ли бѫдетъ ли безуменъ 'и 'wбладаетъ ли имать всѣм трѫдомъ моимъ еже мудрѡвахъ под солнцемъ.
2 26 чловѣку добро [2]) прѣдъ' собою даетъ' [3]) Богъ' моудрость и разоум' и радост'	яко человѣкѫ благо пред лицемъ его. да есть моудрость разѫмъ и веселiе

[1]) Joseph Vajs, Glagolitica. Publicationes palaeoslavicae Academiae Veglensis, fascic. 2. Veglae, 1905.

[2]) Вульг. *bono*, греч. τῷ ἀγαθῷ. Ошибка въ переводѣ съ латинскаго передалась и переводу съ греческаго.

[3]) Вульг. dedit, греч. ἔδωκεν. Опять одинаковая ошибка!

Глаголич. текстъ нач. XIV в.

3 7—8. Врѣме разд'ртиѣ. и врѣме швениѣ. Врѣме мл'чаниѣ. и врѣме глаголаниѣ. Врѣме брани. и врѣме мира.

3 17 и рѣх' въ срдци моем'. прав(е)днаго и нечистиваго судит' господь

5 5—6 не дажд' уст' твоих' да створет' плът' твою. ни р'ци прѣд' алделом' нѣст' просмотрѣниѣ. еда прогнѣваетъ се на те богъ. и погубитъ вса дѣла рук' твоихъ'. Идѣже много сън', много и ешут'. и словеса неисчислна. ти же боисе бога.

7 17 не буди праведенъ' много. ни веле мудр'

11 1—5 Пошли хлѣб' твои на приходищих' вод'.

ѣко по мнозѣ временѣ обрещеши и. Дан чест' седму и още осму ѣко не знаеши которо хощет' бити зло на земли. Аще наплънени будут' облаци дъжда на землю излѣют'. аще падет' дрѣво на юго. или на буру. и в' которо любо мѣсто падет'. ондѣ будет'. Иже гледает вѣтра, не сѣет'. и иже гледает' облаки. николиже жънет'. Якоже не знаеши котори пут' духа. и которим' рачуном' ставляют се кости в чрѣвѣ трухлѣ. тако не знаеши дѣла божия. иже ест' с'здател' всѣх'

11 6 [2]). Съ ютра сѣи сѣме твое. и к вечеру да не престанетъ рука твоѣ. ѣко не вѣши

Геннадіевскій текстъ 1499 г.

врема въздрати, и врема сшити. врема млъчати и врѣма глаголати... врема рати и врема мира.

'и рѣх 'аз въ сердци моем. съ праведными [1]) 'и съ нечестивыми сѫдит богъ.

не даждь ѫстенъ своихъ съгрѣшати плоти своей. да не речеши пред лицем божїимъ. яко да невидѣнїе есть. еда прогнѣвается богъ о мысли твоеи. и растлит твоем якоже въ множествѣ снѣи. и сѫетствіи. 'и слѡвесъ мнѡгъ. яко ты бога боисѧ.

не бѫди праведенъ велми, ни мѫдрисѧ велми.

Посли хлѣбъ твои на лице водѣ.

яко въ множествѣ и обрѧщеши. даждь часть седми и бойсѧ, ꙗко не вѣси, что бѫдеть лѫкаво на земли. Аще исплънятсѧ облаци дождѧ, на землю изливаютъ. и аще паде[т] древо 'ѫгом. 'аще ли на вѣрнѣ[й] мѣстѣ. 'идеже падеть древо. тоу бѫдеть. Блюдыи вѣтра не сѣет и смотрѧи въ ѡблакы не пожнет. в них же нѣсть водь (=вѣды). и что бѫдеть духа яко кости ражающѧ въ чревѣ тако не разѫмѣеть дѣлъ божїихъ елико же сотворити всѧчьскаѧ

'и заѫтра сѣи сѣмѧ свое и вечеръ да не оставлѧет рѫкы твоем яко не вѣси которо

[1]) *Съ*—буквальный переводъ греч. σὺν: σὺν τὸν δίκαιον!

[2]) Глаголич. текстъ по сп. коллегіи пропаганды XV в.

Глаголич. текстъ нач. XIV в.	Геннадіевскій текстъ 1499 г.
котери веще изникнет сие или оно. аще ли обою вкупъ боле будетъ.	ѹлучитсѧ се'ли или оно. 'аще ли 'обое вкѹпѣ то благо.
11 7 слатка свѣтлостъ и угодна е(сть) очима слънце видити.	и сладко свѣтѹ и благъ очима зрѣти и слънцем
11 8 Аще много лѣтъ живетъ чловѣкъ. и въ всѣх' ихъ весели бил би. споменутиемъ много вримене тамнаго. и днъ мнозихъ	ꙗко аще и лѣта многа живет. человѣкъ въ всѣх ихъ възвеселитсѧ. и помънет дни тмы. ꙗко мнози бѹдуть
11 9—10 Веселисе убо юноша въ юности твоеи и добро буди срце въ дни юности твоее. и ходи в ,нихъ срцемъ твоимъ и по гледанию очию твоею. и знаи. яко за все сие приведет те богъ на суд.	Веселисѧ ѹното въ ѹности своей. егда 'ѹблажи т҃ сердце твое въ день 'ѹности твоеѧ 'и ходи въ пѹтехъ сердца твоего. непороченъ. 'и в' видѣнии 'очїю своею разѹмѣ яко о всѣх сих приведет тѧ бог на сѹдъ.
12 1 Помени Создателя твоего в дни юности твое преде неже придет врѣме умученiѣ и приближит се. от нихже речеши нѣстъ мнѣ угодни.	И помѧни створшаго тѧ въ день ѹности твоеѧ дондеже не придѹть днїе злобы и приспѣют лѣта и речеши ми нѣсть ми въ нихъ хотѣніа
12 3 егда же подвижутсе страже дому и всколибают се мужи прѣкрѣпци и уб'ени будутъ мелющее прѣдобрѣем' числомъ и ота(м)нетъ зрѣще по *скважняхъ*.	вънже подвижетсѧ, стражїе домѹ. и' развратѧтсѧ мѹжи силы. и ѹпразднишасѧ мелящаѧ ꙗко 'изнемогошѧ. и помрачатсѧ гладающїи *в скважнѧ*.
12 10—11 и написа словеса [глаголи] приправие и рѣсноти плни. Словеса премудрихъ *яко остни*	и написана правостїю словеса и'стин'ны словеса мудрыхъ *'яко остни*.

Какъ бы ни смотрѣть на соотношенія этихъ переводовъ, намъ кажется, все-таки нельзя не признать, что переработка геннадіевскаго списка считалась съ слововыраженіемъ глаголическаго текста. Оставаясь по существу самостоятельной, вѣрной греческому чтенію, переработка эта проходила чрезъ призму хорватскаго слововыраженія, совершалась какъ бы чрезъ свѣрку съ хорватскимъ переводомъ и приспособленіе его къ формамъ церковно-славянскаго языка русскаго типа. Объясненіе буквальныхъ совпаденій случайностью, пользованіемъ однимъ и

тѣмъ же литературнымъ церковно-славянскимъ богослужеб нымъ языкомъ, едва ли возможно: и общія ошибки въ пере водѣ и одинаковое употребленіе рѣдкихъ словъ (*скважня остынъ*) и большая ясность и древность языка хорватскаг глаголическаго текста (12 10 *ръсноша*) не позволяютъ довольство ваться предположеніемъ случайности. Впрочемъ, повторяемъ что степень вліянія глаголическихъ текстовъ въ геннадіев скомъ библейскомъ сводѣ можетъ быть установлена тольк послѣ уясненія глаголическихъ переводовъ съ латинскаго и сравненія ихъ съ такими же переводами съ латинскаго ген наділевской справы.

Искусная, тайная побѣда католическаго библейскаго ка нона надъ исконнымъ восточнымъ канономъ оказалась воз можною, благодаря рѣшительной невнимательности, и не брежности церковной власти того времени. Занятая борьбок съ «еретиками» своего времени—жидовствующими и съ идей ными противниками имущественной политики церковной іерар хіи и монастырей, какъ преп. Нилъ Сорскій съ его едино мышленниками, московская церковная власть совершенно про смотрѣла свою обязанность слѣдить за чистотою источниковъ своего вѣроученія. Эту обязанность она оставила на попече ніе частной заботливости, совершенно не поинтересовалась этимъ дѣломъ, когда эта частная заботливость внесла корен ной переворотъ въ этомъ источникѣ, и сама, безъ всякаго просмотра, затѣмъ, чрезъ 164 года, приняла это частное до стояніе въ свои руки и издала его отъ своего имени, снаб дила его своимъ авторитетомъ. До оцѣнки этой своей капи туляціи въ важнѣйшемъ пунктѣ своего исповѣданія, церков ная власть никогда не доходила. Только общее опасеніе ла тинскаго наступленія вызвало въ XVII в. нѣкоторый отпоръ и критику латинскаго завоеванія въ этой области, результатомъ чего и явился знаменитый указъ Петра о возвращеніи славян ской Библіи къ исконнымъ берегамъ греческаго текста LXX.

Для католиковъ эта мирная, добровольная сдача передовой позиціи православія была связана съ значительными выгодами въ послѣдующей исторіи. Мы уже упоминали, что непосред ственно вслѣдъ за этой позиціей ими атакована была другая цитадель—богослужебныя книги—и завоеваніе ихъ въ этой области шло столь успѣшно, что потребовалось цѣлое народ ное движеніе въ XVII в., чтобы положить предѣлъ этому по бѣдоносному шествію. Разумѣемъ оппозиціонный Никону, а

Первый листъ библейскаго текста Геннадіевской Библіи по рукоп. Синод. библ. № 1 (915). 1499 года.

въ его лицѣ и всей іерархіи, недостаточно осмотрительной по части охраны восточнаго чина и строя въ церкви—расколъ старообрядчества. Какъ бы ни расцѣнивали внутреннія пружины этого движенія, нельзя отрицать, что недовольство исправленіемъ богослужебныхъ книгъ при Никонѣ опиралось на реальныя основанія оппозиціи. Книги правлены были по кіевскимъ могилянскимъ изданіямъ и греческимъ печатнымъ текстамъ, а по текстамъ этимъ—и греческимъ и кіевскимъ славянскимъ—весьма замѣтно прошлась рука католическаго исправителя. И народному движенію нельзя вынести одобренія за форму его противодѣйствія, но нельзя отказать въ извѣстной степени вполнѣ здоровой чуткости къ исконному, бытовому достоянію православія.

Согласіе въ составѣ славянской Библіи съ Библіей латинской не только идейно облегчило движеніе въ Россіи католическихъ идей и католическаго строя устраненіемъ одной изъ существенныхъ преградъ между вѣковыми вѣроисповѣдными и бытовыми разногласіями. но стало однимъ изъ могучихъ орудій къ распространенію идей католичества. Оно давало высокую идейную опору тѣмъ домогательствамъ римской догмы и церковной дисциплины, какія, мы видѣли, со стороны католиковъ выдвигались передъ греками еще на флорентійскомъ соборѣ и какія не могли найти для себя, безъ высшаго священнаго авторитета, болѣе или менѣе терпимаго пріема у русскихъ. Вотъ на чемъ обосновывались новые римскіе догматы въ XVII вѣкѣ передъ уніатами и передъ вовлекаемыми въ унію православными въ текущей, можно сказать, уличной литературѣ того времени.

Въ Сборникѣ Софійской библ. XVII—XVIII в. № 1536, л. 69—70, читаемъ: «О приношеніи за умершихъ, о чистцу, и о грѣшныхъ душахъ, гдѣ суть». Доказательства перваго, подготовительнаго къ ученію о чистилищѣ положенія, основываются на такихъ данныхъ: О *Товите* такъ мовитъ: «хлѣбъ твой со алчнимъ и со требующимъ яждъ, и отъ одѣнии твоихъ нагихъ одѣнь. Хлѣбъ твои и вино твое при погребении даваи праведнаго...» *Сирахъ* мовитъ (гл. 38): «Чадо, надъ мертвецемъ источи слезы и, яко злѣ стражда, начни плача, и якоже достоитъ ему, сокрый тѣло его, и не презри погребения его», и далѣе: «упокой мертвеца, конѣчай память его и утѣшися о немъ во исходе души его». «*Иуда же Маккавеи* крепчайше моляше люди снабдѣти себе без грѣха, очима видяще бывшее грѣха

ради и сотворъ из мужей собрание у тваре, яко двѣ тисечи дидрахмъ сребра и посла во Іерусалимъ принести за грѣхи мертвыхъ жертвъ, предобре и угодне творя, и воскресении помышляя»... Послѣ этой подготовки дается главное разсужденіе: *Очистецъ*, *И гдѣжъ и которое писмо проповѣдаетъ чистецъ*... (л. 71 об.). Едва ли путь для такихъ разсужденій былъ бы такъ гладокъ, если бы народное русское сознаніе не было подготовлено къ нему предшествующею дѣятельностью въ духѣ флорентійскаго и тридентскаго соборовъ, т. е. сближеніемъ библейскаго канона русской церкви съ канономъ католическимъ, возведеніемъ нужныхъ для католической догмы писаній въ рядъ высоко авторитетныхъ *священныхъ* книгъ.

Послѣдующая исторія славянской Библіи въ московской Руси, въ XVI вѣкѣ, связана главнымъ образомъ съ дѣятельностью преподобнаго Максима Грека.

По существу его работа въ этой области относилась не къ тексту Библіи въ собственномъ смыслѣ, а къ изъясненію нѣкоторыхъ частей Библіи. По словамъ самого Максима въ его посланіи къ царю Ивану Васильевичу, онъ призванъ былъ въ Москву исключительно для перевода Толковой Псалтыри: «Ни во что же прочее потребенъ азъ благовѣрному и преславутому граду Москвѣ, егоже получити желаніе мною грѣшникомъ, получилъ уже сокровище разума спасительнаго и неистощаема, глаголю же соборное толкованіе 150 боговдохновенныхъ псалмовъ» [1]). Въ дѣйствительности потребность въ толкованіяхъ и книжной учительности въ Москвѣ оказалась значительно шире, чѣмъ было заявлено Максиму, при его вызовѣ, и ему пришлось дать здѣсь, въ ряду другихъ работъ, цѣлый рядъ другихъ толкованій и библейскихъ исправленій. Эти работы его были слѣдующія [2]).

1. Переводъ съ греческаго толкованія на Псалтирь. Свѣдѣнія о происхожденіи, времени перевода, именахъ переводчиковъ и нѣкоторыхъ толкователяхъ Псалтири даны Максимомъ Грекомъ въ предисловіи къ своей Толковой Псалтири [3]).

---

[1]) Сочин. Максима Грека, казанское изданіе, 2, 377—378.

[2]) Библіографія переводовъ Максима Грека въ значительной степени указана въ трудѣ С. А. Бѣлокурова—„О библіотекѣ московскихъ государей въ XVI ст.“, М. 1899, и у акад. А. И. Соболевскаго въ „Вѣстникѣ Арх. и Ист.“, XIII, 280—281; *его же* Перев. литер. Библіографіи трудовъ Максима Гр. посвящено кандидатское сочиненіе 1901 г. г. Нумерова (рукоп. въ библіотекѣ СПБ. дух. акад.).

[3]) Укажемъ ближайшіе списки: Имп. Публ. Библ. XVI в. F. № 71. F. 1 № 415, F. 1 № 530, СПБ. дух. акад. $A^{1}/_{171}$. Предисловіе къ Псалтири на-

Кромѣ этого, исторія перевода толковой Псалтири, значеніе ея и тѣхъ толкователей, изъ которыхъ она составлена, дается самимъ Максимомъ Грекомъ въ посланіи его къ великому князю Василію Ивановичу [1]). Въ посланіи, между прочимъ, указывается, что московское правительство переводомъ Псалтири намѣревалось достигнуть и нѣкоторыхъ высшихъ политическихъ цѣлей: возвысить достоинство новаго свободнаго царства внесеніемъ въ него духовнаго просвѣщенія. Толковая Псалтирь разсматривалась какъ энциклопедія высшей мудрости, высшихъ озареній и созерцаній.

2. Переводъ съ греческаго толкованія на книгу Дѣяній Апостольскихъ. Трудъ этотъ былъ предпринятъ Максимомъ Грекомъ по просьбѣ митрополита Варлаама въ лѣто 7027, т. е. въ 1519 г. Ранѣе книга Дѣяній съ толкованіями была переведена на церковно славянскій языкъ только въ предѣлахъ первыхъ 13 главъ, 30 зачалъ. Варлаамъ просилъ Максима Грека докончить переводъ Дѣяній и провѣрить имѣвшійся переводъ. Максимъ сдѣлалъ дополнительный переводъ съ того же свода отеческихъ изъясненій (Catena in Acta ss. Apostolorum, изд. Cramer'a), съ какого переведена была начальная часть Дѣяній. По мѣстамъ, впрочемъ, пользовался онъ и толкованіями Ѳеофилакта Болгарскаго. Ранѣе переведенныя 13 главъ съ толкованіями Максимъ Грекъ исправилъ [2]).

печатано у Бѣлокурова. прилож. VI$_{\text{ж}}$–VII. Толк. Пс. Максима Грека издано въ 1896 г. московской единовѣрческой типографіей по списку 1592 г.

[1]) Посланіе напечатано въ казанскомъ изданіи сочиненія Максима Грека въ II, стр. 296—319, а также ранѣе въ извлеченіи въ Описаніи рукописей Синодальной Библіотеки II, ч. 1, стр. 83—87. Въ извлеченіи также у Попова, Описаніе рукописей Хлудовской библіотеки, стр. 44—45.

[2]) Рукописи перевода Максима Грека на кн. Дѣяній Апостольскихъ съ толкованіями: повидимому, наиболѣе исправный текстъ даетъ рукоп. Кирил. Бѣлоз. библ. XVI в. № $^{24}/_{149}$ (здѣсь въ записи о времени перевода, л. 181 об., указанъ 1520 годъ), Импер. Публ. Библ. F. 1 № 82, XVI в.—списокъ отличный отъ другихъ: здѣсь, послѣ Дѣяній, приведены толкованія на посланія соборныя и св. ап. Павла, зато въ началѣ опущены вступительныя статьи; Троиц.-Серг. Лавры № 118, отсюда запись издана у С. А. Бѣлокурова, прилож., CCLXIX стран.; Соловецкой библ. № 150 и № 151, запись о времени перевода въ отрывкѣ издана въ Описаніи рукоп. Соловецкой библ. I, стр. 177, годъ перевода показанъ 7028 (1520). Имена толкователей указаны въ № 151. Есть много и другихъ списковъ въ разныхъ книгохранилищахъ. Текстъ подлиннаго перевода Максима въ рукописяхъ не представляетъ различій, исправленныя же главы въ спискахъ разнятся. Исправленія состояли въ провѣркѣ по греческому тексту и обновленію языка (Солов. XV в. № 150

3. Переводъ толкованій св. Іоанна Златоустаго на Евангеліе Матѳея и Іоанна. Въ предисловіи къ этому труду Максимъ Грекъ указываетъ содержаніе книгъ, свѣдѣнія о писателяхъ и толкователяхъ и время своего перевода (7032=1524 годъ). Бесѣды 45, видимо, не оказалось въ греческой рукописи, и она заимствована въ «выкладѣ изъ латинскихъ книгъ князя Курьбскаго» [1]).

4. Исправленіе перевода Псалтири (безъ толкованій). Это исправленіе сдѣлано было Максимомъ Грекомъ по просьбѣ ученика его, Нила Курлятевыхъ въ 1552 году. Потребность въ исправленіи выясняется изъ современнаго сужденія упомянутаго ревностнаго ученика Максима, видимо, удрученнаго темнотою перевода Псалтири. Источникъ этой темноты онъ приписалъ обилію сербскихъ словъ въ переводѣ, внесенныхъ въ Псалтирь, по его словамъ, митрополитомъ Кипріаномъ [2]). Трудъ Максима состоялъ въ упрощеніи славянскаго текста Псалтири, въ его приближеніи къ тогдашнему виду языка. Образцы его исправленій даны въ

въ Дѣян. 3ъ: старый переводъ *отъ влазящихъ*—Максимъ: *отъ входящихъ*). Домаксимовское толкованіе на Дѣянія апостольскія и соборныя посланія, принадлежащія св. Іоанну Златоусту, переведены были съ греческаго на болгарскій языкъ при Іоаннѣ-Александрѣ, въ 1516 году (7024)—сп. 1516 г. Публ. Библ. F. I № 516. Иконниковъ, Кіевск. Ун. Изв. 1866, 1866, отд. изд. стр. 117, Жмакинъ, митрополитъ Даніилъ и его сочиненія, Спб. 1881, стр. 160.

[1]) Рукописи толкованій на св. Матѳея и Іоанна—библ. Воскресенскаго монастыря (Новый Іерусалимъ), №№ 79 и 82 (Бѣлокуровъ, указ. соч., прилож. CCLXX—CCLXXI); Импер. Публ. Библ.—полный списокъ толкованій на св. Матѳея—Іоанна Златоустаго въ 2-хъ книгахъ—собр. Погод. №№ 1147, 1148. Предисловіе къ переводу напечатано у Ягича—Изслѣдованія по русскому языку, т. I, 1895 г., стр. 626—631. Большое участіе въ переводѣ этихъ толкованій принималъ сотрудникъ Максима—инокъ *Селиванъ*. Въ воспоминаніи 45 бесѣды толкованія Евангелія Матѳея и 22 бесѣды на Іоанна съ греческаго участвовалъ инокъ *Кипріанъ* (рукоп. Дерманскаго монастыря — Бесѣды I. Зл. на Ев. Іоанна, 1605 г., № 388, л. 183).

[2]) Рукоп. собр. гр. Уварова XVI в. № 14, въ записи: „Кипріанъ митрополитъ по-гречьски гораздно не разумѣлъ и нашего языка довольно не зналъ же (аще и съ нами единъ нашъ языкъ, сирѣчь словеньскыи, да мы говоримъ по своему языку чисто и щумно, а они говорятъ моложаво, и въ писаніи рѣчи наши не сходятся), и онъ мнился что поправилъ Псалмовъ по нашему, а болши неразуміе въ нихъ написалъ, въ рѣчахъ и въ словехъ, все по сербьскы написалъ; и нынѣ многыя у насъ и въ ся времена книгы пишутъ, а пишутъ отъ неразумія все по сербскы, и говорити по писму по нашему языку прямо не умѣютъ, и многыа неразумныа смущаются".

Описаніи рук. Соловецкой Библ. I, подъ №№ 12 и 13. Въ разныхъ спискахъ эти исправленія были неодинаковы. Повидимому, къ нимъ присоединялись исправленія и другихъ исправителей [1]). Трудъ исправленія Псалтири исполненъ Максимомъ Грекомъ въ 1552 году [2]).

На составъ Библіи, на характеръ ея славянскаго текста переводы Максима Грека не могли оказать вліянія. Они стояли внѣ Библіи. Самое появленіе ихъ обусловливалось не библейскою любознательностью, а практическимъ требованіемъ богослужебнаго чина и церковной уставной учительности. Всѣ переведенныя Максимомъ Грекомъ толковыя священныя книги были назначены для рядовыхъ уставныхъ церковныхъ чтеній: *толковая Псалтирь* на воскресные и праздничные дни великаго поста; чтеніе назначалось послѣдовательное, въ размѣрахъ двухъ или трехъ листовъ для утрени, двухъ для перваго часа и полуторыхъ листовъ для прочихъ часовъ; *Дѣянія Апостольскія*— на паннихидахъ бдѣній, отъ Антипасхи до Пятидесятницы; для чтенія назначалось каждый разъ около восьми листовъ; отъ недѣли всѣхъ святыхъ до недѣли Ваій положены были на тѣхъ же бдѣніяхъ чтенія изъ посланій апостольскихъ, при чемъ, по прочтеніи всѣхъ посланій, они въ томъ же порядкѣ, начиная съ посланія къ Римлянамъ, повторялись; *Евангелія Матѳея и Іоанна съ толкованіями* положены были для чтенія на утрени въ седмичномъ кругѣ въ такомъ порядкѣ: съ полунощницы, а иногда съ утрени Пасхи до недѣли всѣхъ святыхъ—толкованіе Златоуста на св. Іоанна; съ 1-го сентября по 20 декабря вторая книга толкованія Златоуста на св. Матѳея (съ недѣли всѣхъ святыхъ до 1 сентября—толкованіе на посланіе къ Римлянамъ); съ 20 декабря до великаго поста— первая книга толкованій Златоуста на евангеліе Матѳея [3]).

---

[1]) Рукописи Псалтири, правленной Максимомъ Грекомъ: Софійской библ. № 1525, XVI в., Погод. собр. № 1143, 4°, XVI в.

[2]) См. объ этомъ Соф. № 1525, л. 81, Погод. № 1143, л. 1 и др.

[3]) Въ славянскихъ типиконахъ всѣхъ приведенныхъ здѣсь особенностей мы не могли найти: указанія о чтеніи Дѣяній и Толкованій на св. Матѳея и Іоанна въ типиконѣ даются, но нѣтъ предписанія о чтеніи Толковой Псалтири. Повидимому, это уставное требованіе было не въ общепринятомъ, а въ какомъ-либо монастырскомъ уставѣ. Мы заимствовали приведенную въ текстѣ систему чтеній, съ указаніемъ на Толковую Псалтирь, изъ предписаній греческаго устава (ср. ст. В. П. Виноградова „Уставныя чтенія“ въ Богословскомъ Вѣстн., іюль—авг. 1912 г., стр. 711—716).

Съ именемъ Максима Грека въ рукописяхъ связаны и другіе труды по истолкованію и переводу библейскихъ книгъ, но принадлежность ихъ ему въ большей или меньшей степени сомнительна. Приводимъ перечень этихъ трудовъ, въ интересахъ послѣдующаго уясненія ихъ происхожденія.

Ему приписывается переводъ *толкованій Василія Великаго на псалмы*. Этотъ переводъ содержится въ одной рукописи Московской Синодальной библіотеки № 238, XVI вѣка, подробно описанной Горскимъ и Невоструевымъ, II, 1, 75. Въ бесѣдахъ дано изъясненіе отдѣльныхъ мѣстъ слѣдующихъ псалмовъ: 1, 7, 14, 28, 29, 32, 33, 37, 44, 45, 48, 59, 61, 104, 105. Основаніе относить этотъ переводъ къ рукѣ Максима Грека довольно нетвердое [1]).

Еще меньше основаній считать трудомъ Максима Грека *сокращеніе толковыхъ пророчествъ*. Оно извѣстно въ рукописи сочиненій Максима Грека Московской Синодальной библіотеки № 191 (491) XVI вѣка, лл. 574—598, Погод. собр. № 1144, л. 314, Акад. Н. 32. 14. 1, л. 303, Софійск. библ. № 1200, л. 339, № 1201, л. 340 и содержитъ выборки отдѣльныхъ мѣстъ изъ древняго перевода толковыхъ пророковъ, сдѣланныя съ особою обличительною цѣлью. Въ виду этой задачи, по мѣстамъ произведено подновленіе древняго славянскаго языка. Упрощеніе нелегкихъ для пониманія толкованій на пророческія книги нельзя не признать полезною работою, но не видно, чтобы это дѣлалъ Максимъ Грекъ. Обличительныя толкованія находили большое примѣненіе въ западной Руси (ср. Румянц. Муз. № 12), ими занимался почитатель Максима, князь Андрей Курбскій, и этому продолжателю дѣла Максима на юго-западѣ Руси, кажется, съ большимъ основаніемъ можно приписать составленіе этого сокращенія толковыхъ пророковъ.

Приписываются Максиму Греку, подъ видомъ двухъ особыхъ статей, *переводъ 1 Царствъ* 17 $_{4}$ — $_{7}$, $_{32}$ — $_{37}$, $_{43}$, $_{45}$, $_{46}$. Этотъ переводъ извѣстенъ въ указанномъ сейчасъ сборникѣ Синодальной библіотеки № 191, Горскій и Невоструевъ II, 2, 574, Софійск. библ. № 1201, л. 360 об., Имп. Публ. библ. Q. 1 № 219, л. 322, и Общества Любит. Древн. Письменности № 1291, XVIII в., л. 342. Судя по особенностямъ языка (*важитъ*=вѣсить, *пансыръ*), здѣсь слѣдуетъ видѣть руку западно-русскаго переводчика; съ Максимомъ Грекомъ этотъ

[1]) См. у А. И. Соболевскаго, Переводная литер., 269.

отрывокъ связанъ случайно, только какъ съ центромъ подобныхъ переводовъ въ Московской Руси въ XVI в.

Въ ряду сочиненій Максима Грека помѣщается *четвертая Маккавейская книга*, подъ именемъ «*Іосипа іюдеянина слово о томъ, яко благочестивый помыслъ самодержецъ есть страстемъ, и сіе являетъ отъ вышеестественаго терпѣнія, еже к горчайшимъ мукамъ, Маккавьох, мученых бывших Антиохомъ. Нач. Философское слово повѣдати хотя* [1]). Списки этой книги: Синод. библ. № 191 (491) л. 602, (Горскій и Невоструевъ II 2, 573), Троиц. Сер. Лавры № 201, л. 112 и др. Этотъ переводъ не можетъ принадлежать Максиму Греку, такъ какъ онъ извѣстенъ еще въ спискѣ XIV или XV вѣка—Импер. Публ. библ. Q. I № 2 [2]).

Съ Максимомъ Грекомъ въ московской Руси почти закончилась, старая, безпрерывная традиція славянской Библіи, ея тѣснѣйшая связь съ господствующимъ церковнымъ взглядомъ на составъ и характеръ изъясненія Библіи на греческомъ востокѣ. Новшество новгородскаго архіепископа еще не отразилось въ библейскихъ трудахъ Максима. До половины XVI вѣка оно почти не проявляетъ видныхъ признаковъ жизни. Великолѣпный лицевой списокъ первой части Библіи половины XVI вѣка, по всѣмъ признакамъ изготовленный для библіотеки Іоанна Грознаго (въ рукописи Московскаго Историческаго

---

[1]) Греческій текстъ—въ кодексахъ Синайскомъ, Александрійскомъ, московскомъ изданіи Библіи 1821 года, а также Flavii Josephi opera, Parisiis 1847, t. II, 392—411.

[2]) Приписывается Максиму Греку и еще цѣлый рядъ мелкихъ отрывочныхъ толкованій отдѣльныхъ библейскихъ мѣстъ и переложеній. Вотъ эти мѣста: 1. *Молитва цѣломудренныя Сосанны* — Софійск. библ. № 1200, л. 355, № 1201, л. 358, Погод. № 1144, л. 345 и Ак. Н. 32. 14. 1, л. 313 об. 2. *Отъ третьяго видѣнія Даніилова*—Софійск. библ. № 1200, л. 355 об., 1201, л. 358, Погод. № 1144, л. 345 об., Ак. Н. 32, 14, 1, л. 313 об. 3. *Отъ восьмаго видѣнія Даніилова*—во всѣхъ предъидущихъ рукописяхъ. 4. *Повѣсть объ Есвири*--Погод. № 1144, л. 361. 5. *Толкованія одного ст. 103 псалма* Импер. Публ. библ. F. 1 № 250, л. 43, 425, 301 об. 6. *Толкованіе одного ст. 18 псалма.* Публ. б. F. № 250, л. 39 об., 425, 301 об. 7. *Толкованіе Ис. 26го*—Импер. Публ. б. F. 1 № 425, л. 492. 8. *Толкованіе Ев. Іоанна 21*25—Импер. Публ. б. F. I № 425, л. 236, Соф. б. № 1200, л. 230 об. 9. 2-я кн. Ездры, гл. 3—4. Сборн. Публ. библ. Q. 1 № 219, л. 458 и др. 10. *Мелкія отрывочныя изъясненія* — Импер. Публ. б. F. I № 425, л. 559, Q. I, № 219, л. 483, F. I № 250, л. 67 об., 425, 272.

Музея, инвент. № 34541) [1]), не содержитъ ни одного признака, указывающаго на знакомство писцовъ и рисовальщиковъ половины XVI вѣка, вблизи царскихъ московскихъ теремовъ, съ содержаніемъ дополнительной новопереведенной части Библіи. Составитель знаменитыхъ Четьихъ-Миней, митрополитъ Макарій въ это же время «собиралъ святыя книги, которыя обрѣтались въ русской землѣ», въ томъ числѣ и библейскія книги; къ геннадіевскимъ переводамъ съ латинскаго онъ отнесся очень несочувственно: онъ ихъ не принялъ въ свой сводъ. Новыя книги въ его глазахъ не были «святыми» Но новая полоса въ жизни славянской Библіи не могла не быть замѣтной.

Возникшее въ Новгородѣ новое теченіе—сближеніе славянской Библіи съ латинскою — въ московской Руси, послѣ Геннадіевскаго свода 1499 года, продолжалось медленно. Можетъ быть, это объясняется тѣмъ, что все существенное въ этой области было сдѣлано Геннадіемъ, а естественныя дополненія въ московской Руси вызывались къ жизни неспѣшно. Не считая вводныхъ статей къ Библіи съ нѣмецкаго, 1500 г., въ XVI вѣкѣ, можно указать одно литературное пріобрѣтеніе этого рода—переводъ съ латинскаго толкованій Псалтири Брунона. Оно принадлежитъ тому же центру просвѣщенія начала XVI столѣтія тогдашней Руси—Новгороду и даже болѣе—возникло непосредственно въ тѣхъ же условіяхъ, какія вызвали Геннадіевскую Библію: переводъ сдѣланъ новгородскимъ переводчикомъ, извѣстнымъ Дмитріемъ Герасимовымъ, по «понужденію» новгородскаго митрополита Макарія, въ 1536 году. Продолжала жить извѣстная культурная среда, продолжалась и ея дѣятельность. Текстъ псалмовъ переводчикомъ взятъ обычный, церковно-славянскій, переведены только толкованія Брунона, епископа Гербиполенскаго († 1045). Списковъ толкованія Брунона сохранилось много: Софійск. библ. № 1255, XVI в.. Синод. библ. № 77 (305) XVII в. и др. Толкованіе Брунона сопровождено добавочными статьями, частью въ переводѣ съ латинскаго, частію въ готовомъ церковно-славянскомъ текстѣ; эти статьи даютъ понятіе о псалмахъ и псалтири, составителѣ псалмовъ, западныхъ толкователяхъ псалтири, о переводчикахъ Библіи, кончая Іеронимомъ, о способахъ толкованія, о мессіанскихъ псалмахъ; въ концѣ толкованій дано изъясненіе 10 библейскихъ пѣсней, молитвы Господней, Апостольскаго

[1]) В. Н. Щепкинъ, Изв. отд. русск. яз. Ак. Н. 1899, IV, 1345—1385.

символа и символа Св. Аѳанасія. Переводчикъ критически отнесся къ особенностямъ латинскаго текста и проявилъ внимательность при передачѣ латинскихъ привносовъ въ символъ Аѳанасія. По свѣжести матеріала, переводъ толкованій на Псалтирь латинскаго толкователя могъ быть полезенъ, и это выразилось въ значительномъ вниманіи къ отдѣльнымъ частямъ этого перевода въ послѣдующей письменности, но тогда была уже сводная толковая Псалтирь Максима Грека, и намъ непонятно, какими потребностями вызывалось это состязаніе латинской истолковательной библейской литературы съ сводомъ отеческихъ толкованій восточныхъ отцовъ и писателей.

Тому же XVI вѣку выпало на долю дать и еще цѣлый рядъ библейскихъ переводовъ и переложеній славянской библіи. Всѣ они относятся не къ московской, а къ юго-западной и, главнымъ образомъ, западной Руси и завершаются знаменитымъ изданіемъ Острожской Библіи 1580 и 1581 гг.

Правда, всѣ эти западно-русскіе переводы относятся преимущественно къ русскимъ, а не славянскимъ переложеніямъ Библіи, но всѣ они тѣсно связаны съ славянскимъ текстомъ, то какъ источникомъ, то какъ литературнымъ образцомъ, поэтому обойти ихъ молчаніемъ въ бытовой исторіи славянской Библіи въ XVI в. невозможно. Они характеризуютъ исторію русско-славянской Библіи иными, новыми чертами, какихъ мы не находимъ въ текстахъ московской Руси. Существенная особенность библейскихъ текстовъ восточно-русскихъ, т. е. новгородскихъ и московскихъ, консервативное сохраненіе давней южно-славянской традиціи въ текстѣ и въ языкѣ, съ сравнительно небольшимъ, ненамѣреннымъ привносомъ русскихъ особенностей. Тексты западно-русскіе въ этомъ отношеніи представляютъ полную противоположность: они пытаются вносить въ Библію живой мѣстный языкъ, правда, еще нѣсколько искусственнаго построенія. Въ связи съ этимъ тексты первой категоріи сохраняютъ въ общемъ вѣрность греческой библейской основы, тогда какъ вторые почти всецѣло переходятъ въ латино-польское русло. Въ этихъ двухъ теченіяхъ, въ общемъ, проявляется центростремительная и центробѣжная сила, достаточно уравновѣшивающая одна другую. Планомѣрное сочетаніе этихъ элементовъ обѣщало дать новый цѣльный типъ еще не успѣвшей къ тому времени выработаться славянской Библіи

русскаго извода. Острожское изданіе и было такимъ новымъ видомъ Библіи, знаменательнымъ для всей послѣдующей исторіи славянской Библіи.

Какими же библейскими текстами располагала западная Русь въ XVI в.?

Эти библейскіе тексты разнообразны и многочисленны. Ихъ появленіе связывается съ сложными особенностями западно-русской жизни, и этимъ обстоятельствомъ объясняется ихъ различіе по языку, оригиналу и ихъ значенію въ ряду библейскихъ переводовъ.

Главною особенностью западно-русской жизни XV—XVI вѣковъ было столкновеніе ея съ польскою стихіею. Отсутствіе прочнаго общерусскаго центра, въ удѣльный періодъ, и господство татаръ не могли выработать прочныхъ культурныхъ и государственныхъ связей между восточною и западною частями Руси. Существовало, правда, между этими частями церковное единеніе; и оно долгое время оставалось почти единственнымъ осязательнымъ цементомъ между этими отдаленными одна отъ другой частями Руси. Въ XIV в., напр., митрополитъ Кипріанъ, наравнѣ съ московскою митрополіею, объѣзжалъ и литовскія епархіи, когда государственная власть восточной Руси не могла имѣть никакихъ притязаній на западныя земли. Государственная жизнь въ западной Руси слагалась въ это время вокругъ Литвы. Въ церковномъ же и культурномъ отношеніи западноруссы по прежнему продолжали оставаться въ связи съ московскою Русью: отсюда они получали епископовъ, богослужебныя книги, духовную литературу. Но связи эти мало по малу ослабѣвали. Московскіе владыки не всѣ обладали такимъ сознаніемъ, какое проявлялось у Кипріана, пренебрегали своею обязанностью непосредственно посѣщать свою отдаленную западнорусскую паству. Поэтому литовскіе князья естественно пришли къ мысли—по политическимъ соображеніямъ—поставить у себя отдѣльнаго митрополита. Въ 1416 году они осуществили свою мысль: литовскій князь Витовтъ добился утвержденія особой русско-литовской митрополіи, и соборомъ западно-русскихъ епископовъ въ санъ митрополита для западной Руси возведенъ былъ Григорій Цамблакъ. Послѣ смерти Цамблака, русскія митрополіи иногда соединялись, но сношенія восточной и западной Руси естественно ослабѣвали все болѣе и болѣе.

На почвѣ этого разъединенія западной Руси отъ восточной

естественно происходило сближеніе западно-русской части съ западными сосѣдями, главнымъ образомъ съ католической Польшей. Уже династическое объединеніе Литвы съ Польшей, посредствомъ брака Ягайлы съ Ядвигой въ 1386 г., открывало путь на западную Русь польскому вліянію. Рядъ же послѣдовавшихъ за тѣмъ законодательныхъ мѣропріятій, какъ Городельскій актъ (1413 г.), грамота Владислава (1443 г.) и др., дѣлали это вліяніе все болѣе и болѣе сильнымъ. Развивавшаяся государственная и общественная жизнь—сеймы и магдебургское право—вводили высшій и средній классы русскаго общества въ кругъ новыхъ жизненныхъ отношеній и понятій. Простой народный русскій языкъ не могъ уже съ успѣхомъ обслуживать новыхъ жизненныхъ запросовъ и на помощь ему въ область высшей культурной жизни естественно призванъ былъ польскій языкъ, болѣе приспособившійся въ то время къ выраженію новыхъ европейскихъ жизненныхъ потребностей. Это сближеніе съ польской стихіей усилилось послѣ государственной Люблинской уніи (1569 г.), когда литовское государство особенно гостепріимно открыло свои двери для прилива въ него польской шляхты, а еще болѣе послѣ церковной Брестской уніи 1596 г., когда польскому вліянію предоставлена была и духовная жизнь русскаго народа. Примѣненіе и развитіе обычнаго въ то время литературнаго языка было сдвинуто съ своего настоящаго русла. Церковно-славянскій языкъ былъ мало понятенъ не только для простого народа и сельскихъ пастырей, но даже для большинства высшаго духовенства, оказавшагося вообще далеко не на высотѣ своего положенія [1]). Духовное просвѣщеніе не находило для себя пріюта даже въ монастыряхъ. Попеченіе о сохраненіи вѣры и исконныхъ русскихъ традицій, вслѣдствіе полнаго равнодушія къ этому высшей іерархіи, перешло въ руки свѣтскихъ магнатовъ и братствъ. Естественно, что эти свѣтскія лица не могли стоять за языкъ церкви. Польское вліяніе со всѣхъ сторонъ производило натискъ на русскую жизнь, включая даже и традиціонный языкъ православной церкви. Въ окружномъ посла-

---

[1]) Условія, неблагопріятныя для органическаго развитія западно-русскаго языка, отчасти указаны проф. Е. Ѳ. Карскимъ — Западно-русскіе переводы Псалтыри въ XV—XVII вѣкахъ, Варшава, 1896, стр. 3—7. Общее положеніе церковной жизни въ Западной Руси въ это время—см. Макарій, Исторія Церкви, т. IX.

нін 1592 года православные такъ характеризовали свое положеніе: «Ученіе святыхъ писаній зело оскудѣ, паче же словенскаго россійскаго языка, и вси человѣци приложишася простому несъвершенному лядскому писанію, сего ради въ различныя ереси впадоша, не вѣдуще въ богословіи силы совершеннаго грамматическаго словенскаго языка» [1]). Такой же отзывъ о церковномъ языкѣ того времени даетъ посланіе Іоанна Вишенскаго: «Евангелія и Апостола въ церкви на литургіи простымъ языкомъ не выворочайте; на литургіи же, для выразумѣнья людского, попросту толкуйте и выкладайте. Книги церковные всѣ и уставы словенскимъ языкомъ друкуйте: сказую бо вамъ тайну великую, яко діаволъ толикую зависть имастъ на словенскій языкъ, же ледво живъ отъ гнѣва: радъ бы его до щеты погубилъ, и всю борбу свою на тое двигнулъ, да его обмерзитъ и въ огиду и ненависть приведетъ: и то нѣкоторіе наши на словенскій языкъ хулять и не любять [2])». Такъ естественнымъ путемъ западная Русь отдѣлилась отъ восточной по своему языку, быту и общественнымъ и государственнымъ интересамъ. Старая литература, въ частности славянскіе библейскіе тексты могли сохраняться здѣсь только по традиціи. Новыя предпріятія въ области этихъ текстовъ должны были носить уже новый западно-русскій народный обликъ съ массою польскихъ и латинскихъ элементовъ.

Но этого мало. На ряду съ естественной уступкой славянскаго языка въ библейскихъ текстахъ въ пользу народнаго или вѣрнѣе—почитаемаго за народный, искусственно вырабатываемаго западно-русскаго языка, происходило насильственное вытѣсненіе его новыми западно-русскими библейскими переводами и переложеніями. Лишенное прочной и правильной организаціи на мѣстѣ, оторванное отъ надлежащаго общенія съ устойчивыми центрами, православіе въ польско-литовскомъ государствѣ представляло въ XV—XVI вв. очень заманчивую область для иновѣрной пропаганды. Эти вѣка на Западѣ были временемъ особеннаго религіознаго оживленія, возникшаго исторически вслѣдствіе многихъ причинъ, въ частности — возрожденія гуманизма и вызваннаго имъ освобожденія отъ средневѣковаго гнета религіознаго, умственнаго и общественнаго. Движеніе это, въ формѣ раціонализма, очень рано проникло

[1]) Акты, относящіеся къ исторіи Западной Россіи, т. IV, 42.

[2]) Акты, относящіеся къ исторіи Южной и Западной Россіи, т. II, 210.

чрезъ Польшу и въ Литовскую Русь и здѣсь нашло для себя благопріятную почву въ укладѣ тогдашней западно-русской жизни. Каждая волна той или иной формы раціонализма, т. е. ересь жидовствующихъ, гусситство, лютеранство, кальвинизмъ, социніанство—все это несло съ собой въ Западную Русь свой собственный, болѣе или менѣе полный библейскій переводъ или вызывало такой переводъ у самихъ западноруссовъ. Поэтому въ столѣтіе съ послѣдней четверти XV в. и до послѣдней четверти XVI в.—въ періодъ усиленнаго натиска на западно-русскую церковь иновѣрной раціоналистической пропаганды—мы видимъ здѣсь столько новыхъ библейскихъ переводовъ и переложеній, какъ ни въ какой другой періодъ западно-русской исторіи. Наступившая затѣмъ, въ концѣ XVI вѣка, полоса католическаго воздѣйствія на православныхъ и протестантовъ вызвала уже сравнительно незначительную дѣятельность въ области библейскихъ текстовъ. Это объясняется, повидимому, тѣмъ, что переводовъ этихъ къ этому времени было достаточно, да и потребность въ нихъ, по особенностямъ католической практики, могла проявляться сравнительно скромная. На долю самихъ православныхъ съ несомнѣнностью можно отнести въ этотъ періодъ весьма немногое: несомнѣнно имъ принадлежатъ списки старыхъ церковно-славянскихъ текстовъ. Въ переводахъ же народныхъ, западно-русскихъ, добровольное участіе самихъ западноруссовъ можно видѣть только въ рѣдкихъ случаяхъ.

Вотъ какіе библейскіе тексты — славянскіе и западно-русскіе, съ тѣмъ или инымъ отраженіемъ славянскихъ—извѣстны были въ западной и юго-западной Руси въ XV—XVI вв.

1. *Древне-славянскій текстъ.* Въ церковномъ употребленіи западная и южная Русь знали исключительно обычный церковно-славянскій текстъ священныхъ книгъ, отличавшійся отъ принятаго текста восточной половины Руси только нѣкоторымъ привносомъ мѣстныхъ особенностей языка. Извѣстны списки Евангелія, Апостола и Псалтири этого рода. Укажемъ нѣкоторые: Галицкое Евангеліе 1144 г. (Моск. Синод. библ.), Холмское Евангеліе XIII—XIV вв. (Румянц. Муз. № 106). Каменецъ-Стромиловское Евангеліе 1411 г. (Кіев. Ц.-Археол. Муз.), Луцкое Евангеліе 1491 г. (библ. гр. Уварова), Евангеліе 1539 г. (библ. Импер. Общ. Истор. и Древн. Росс.); Апостолы: южно-русскій Ап. XV в. (Кіевскій Ц.-Археол. Музей), Луцкій Ап. XV в. (Импер. Публ. библ. F. I, № 407).

Особенно много извѣстно Псалтирей: а) Псалтирь слѣдованная 1296 года, писанная Захаріей «на Волоцѣ» (Московской Синодальной библіотеки № 13 (235). Это списокъ обычнаго русскаго типа Псалтири, писанъ въ новгородской области, по порученію боголюбивой княгини Марины для церкви Благовѣщенія Пресвятой Богородицы. Писецъ Захарія жилъ когда-то въ западной Руси и внесъ въ свою работу нѣсколько особенностей западнорусскаго нарѣчія [1]). аа) Кіевская Псалтирь 1397 г. (Общ. Л. Др. Письм.). б) Псалтирь XIV в., на пергаменѣ, Императорской Публичной библіотеки собр. Фролова № 2. В. 7. Судя по припискѣ XV вѣка (1431 г.), рукопись въ XV в. находилась въ Смоленскѣ: княгиней Ульяной, въ иночествѣ Еленой, дана была въ церковь чуда Архангела Михаила, на поминъ души великаго князя Глѣба смоленскаго, и его семейства [2]). в) Толковая Псалтирь XV—XVI в. Виленской Публичной библіотеки № 49, изъ Супрасльскаго монастыря. г) Псалтири скорининскаго типа, т. е. Псалтирь 1543 г. рукописнаго собранія Е. В. Барсова, въ Москвѣ, написанная по порученію старосты пинскаго и кобрынскаго, Ивана Михаиловича; южно-русскій списокъ библейскихъ книгъ 1569 г., библіотеки гр. Красинскихъ, въ Варшавѣ, д) Витебская толковая Псалтирь библіотеки Кіево-Печерской лавры, № 4; ж) толковая Псалтырь 1609 года, съ особенностями малорусскаго нарѣчія, библіотеки С.-Петербургской духовной академіи. А $^{1}/_{136}$ [3]); рукопись написана Мартыномъ въ г. Нѣженковичахъ, а затѣмъ куплена въ Корничи (то и другое мѣсто находится въ Галицкой Руси); текстъ Псалтири церковно-славянскій, надписанія же псалмовъ и толкованія сдѣ-

---

[1]) Описаніе слав. рукоп. Московской Синод. библ. 1855. I. стр. 181—186. Карскій, Западно-русскіе переводы, Псалтири, стр. 22—23. Ягичъ, Четыре палеограф. статьи, стр. 87. Матеріалы для исторіи письменъ восточныхъ, греческихъ, римскихъ и славянскихъ, М. 1855, стр. 23—29, снимокъ. Соболевскій, А. И. Лекціи по исторіи рус. яз. 2-ое изд., 15. Владиміровъ, Обзоръ южно-русскихъ и западно-русскихъ памятниковъ письменности отъ XI до XVI ст., Кіевъ, 1890, стр. 13. Срезневскій, В. И. Древній слав. перев. Псалтири. Спб. 1877, стр. 50—51.

[2]) Карскій, Западно-рус. перев. Псалтири, стр. 23. А. И. Соболевскій, Кіев. Ун. Изв. 1887, май, Владиміровъ, Обзоръ, 16 стр.

[3]) Родосскій, А. С. Алфавитный указатель книгъ 1889 г., стр. 78—84; А. И. Соболевскій, Замѣтки о малоизвѣстныхъ памятникахъ юго-западно-русскаго письма XVI—XVII вв. Кіевъ, 1894; Карскій, Западно русскіе переводы Псалтири, стр. 35—41.

ланы на малорусскомъ и бѣлорусскомъ нарѣчіяхъ подъ сильнымъ вліяніемъ польскаго, такъ какъ эти сопроводительные тексты Псалтыри переведены съ изданія польской Библіи Врубля 1540 года. в) Къ этой же категоріи церковно-славянскихъ текстовъ съ слѣдами юго-западно-русскаго нарѣчія относится большинство изданій Псалтири, вышедшихъ изъ типографій западной Руси или изъ рукъ западно-русскихъ уроженцевъ, каковы: Псалтирь съ возслѣдованіемъ, напечатанная въ Краковѣ въ 1491 году; Псалтирь, напечатанная въ Прагѣ Францискомъ Скорпиною въ 1517 году; таже Псалтирь, почти безъ перемѣнъ въ языкѣ, перепечатана въ «Малой подорожной книжицѣ» Скорины, въ 1525 году; Псалтирь съ Часословцемъ, изданная въ Заблудовѣ въ 1570 году Иваномъ Ѳедоровичемъ Москвитинымъ; подобная же Псалтирь съ возслѣдованіемъ, изданная въ Вильнѣ у Мамоничей въ 1586 году, и другое изданіе 1593 года; Псалтирь и Новый Завѣтъ 1611 года, въ Евю, на средства Богдана Огинскаго; Псалтирь 1623 года, въ Вильнѣ, на средства Сапѣги; такая же Псалтирь, 1623 года, большаго формата; Новый Завѣтъ и Псалтирь, въ Вильнѣ, 1641 г. [1]).

Но, кромѣ этого обычнаго церковно-славянскаго текста, въ западной Руси былъ извѣстенъ другой церковно-славянскій библейскій переводъ, не богослужебнаго типа, а потому вообще крайне рѣдкій. Цѣльныхъ списковъ этого текста мы не знаемъ, но въ отдѣльныхъ рукописяхъ извлеченія изъ этого текста извѣстны. Текстъ этотъ представляетъ исключительную важность, такъ какъ въ полномъ видѣ онъ не сохранился, и для его возстановленія западнорусскія извлеченія являются однимъ изъ существенныхъ источниковъ. Сюда относятся нѣкоторыя библейскія книги 1) въ сборникѣ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ XV в. № 902/1468, 2) въ двойникѣ этого архивскаго сборника—виленскомъ хронографѣ XVI в. № 147 (109) и 3) въ хронографическомъ сборникѣ библіотеки Императорской Академіи Наукъ XVI в. № 15. 13. 4. Въ этихъ хронографическихъ сборникахъ, въ ряду съ обычнымъ болгарскимъ текстомъ, помѣщенъ текстъ св. первоучителя Меѳодія. Въ переводѣ Меѳодія мы находимъ здѣсь книгу пророка Даніила почти въ полномъ составѣ и нѣсколько

[1]) Карскій, Западно-русскіе переводы Псалтыри, стр. 41—44.

отдѣльныхъ главъ кн. пророка Іереміи (и Варуха) [1]). Литовско-русское происхожденіе архивскаго списка (въ основѣ своей не позднѣе 1262 г.) установлено прочно; второй списокъ писанъ въ Супрасльскомъ монастырѣ, что удостовѣрено прямою записью. Вообще, извѣстность этого рѣдкаго текста западной Руси не допускаетъ сомнѣній. Что особенно важно—текстъ этотъ въ XV—XVI вѣкѣ вошелъ въ переработку западно-русскаго перевода съ еврейскаго библейскаго текста. Въ книгѣ пророка Даніила, напр., изъ 12 главъ—2, 4, 5, 6 и 7 главы заимствованы изъ этого перевода [2]). Все это свидѣтельствуетъ, что въ западной Руси былъ извѣстенъ такой древнѣйшій полный библейскій текстъ, какой нынѣ сталъ извѣстенъ по небольшимъ слѣдамъ на юго-западѣ и югѣ славянства, а ранѣе былъ подмѣченъ только въ сѣверо-восточной Руси, въ Новгородѣ. Въ самомъ началѣ нашей письменности, въ ряду текстовъ, пересылавшихся великимъ княземъ Ярославомъ сыну его, новгородскому князю Владиміру Ярославичу, былъ замѣченъ этотъ текстъ, при томъ также, какъ и въ виленскихъ текстахъ, въ соединеніи съ другимъ текстомъ древне-болгарскаго происхожденія. Этотъ новгородскій остатокъ меѳодіевскаго текста сохранился въ спискахъ толковыхъ пророчествъ, извѣстныхъ въ копіяхъ со списка 1047 года, именно въ книгахъ малыхъ пророковъ Аггея, Сοфоніи, Захаріи и Малахіи. Тексты глаголическіе въ этомъ переводѣ указаны были, вслѣдъ за нашей III-ей «Замѣткой», въ 1902 г., г. Нахтигалемъ въ книгахъ малыхъ пророковъ — Осіи, Іоиля, Амоса, Авдія, Михея, Наума, Аввакума, а послѣ того продолжаютъ уясняться изъ изданій глаголическихъ библейскихъ текстовъ Іосифа Вайса. Тексты южно-славянскіе, а также соотвѣтствующіе имъ русскіе — меѳодіевскаго типа еще не получили надлежащаго уясненія.

Интересно было бы узнать, откуда западная Русь получила это меѳодіевское наслѣдство? По примѣру Новгорода, можно заключать, что этотъ источникъ текстовъ былъ въ Кіевѣ. Но нѣтъ ничего невѣроятнаго допустить и непосредственный путь—

[1]) О библейскомъ славянскомъ переводѣ св. Меѳодія мы говорили въ нашемъ изслѣдованіи о кн. проф. Даніила, стр. XV—XXXII. Ранѣе того мы говорили объ этомъ переводѣ въ III Замѣткѣ по древне-славянскому переводу Св. Писанія, 1899.

[2]) Наша Замѣтка по древне-славянскому переводу Св. Писанія, VI, М. 1902, стр. 2—3.

съ запада. Если славянское богослуженіе раздавалось въ Прагѣ въ XIV в., въ Краковѣ въ XIV и XV вв., если библейскіе переводы чешскіе XIV в., польскіе XIV—XVI вв. отражали на себѣ. въ значительной мѣрѣ, вліяніе древне-славянскаго библейскаго текста [1]), то такой же путь непосредственнаго движенія съ запада возможно, повидимому, допустить и для библейскихъ славянскихъ текстовъ западной Руси. Впрочемъ, этотъ путь для древне-славянскихъ текстовъ требуетъ уясненія ихъ отраженія въ чешскихъ и польскихъ переводахъ, а также въ старыхъ текстахъ прикарпатской Руси.

2) *Старый болгарскій переводъ*. Отдѣльныхъ рукописей этого перевода, содержащихъ тѣ или иныя части Библіи, извѣстно нѣсколько. По существу это—тотъ же четій текстъ, что извѣстенъ въ другихъ русскихъ спискахъ и вошелъ въ сводъ архіепископа Геннадія 1499 года. Отличія незначительны и состоятъ въ мѣстной діалектической окраскѣ славянскихъ текстовъ. Характернымъ признакомъ болгарскихъ текстовъ, писанныхъ въ въ литовской Руси, могутъ почитаться прежде всего—болгарская языковая основа, и на ней особенности западно-русскаго или южно-русскаго языка, а затѣмъ — со стороны состава — присутствіе среди учительныхъ книгъ—Притчей, Премудрости Соломона и Іисуса сына Сирахова — книги Менандра, языческаго писателя III в. до Р. Х., книги, по условіямъ

---

[1]) Vondrák, Die Spuren der altkirchenslavischen Evangelienübersetzung in d. altböhm. Litteratur, Wien 1893, SWA. philol.-histor. Kl. Bd. 129. Здѣсь указывается, что переводъ съ Вульгаты въ старыхъ чешскихъ текстахъ Евангелія сопровождался справками съ переводомъ древне-славянскимъ, т. е. вѣрнѣе—старый славянскій переводъ сверенъ съ Вульгатой. Menčík, Dva evangelistáře, Prag, 1893,—въ введеніи дается указаніе о текстѣ евангелія XIV в.; Jos. Jireček, Rozbor českého překladu starého zákona, ČČM. 1864. Bd 38. 1872. Bd 46. Въ старыхъ польскихъ библейскихъ переводахъ древне-славянскіе элементы также несомнѣнны. Укажемъ на *Флоріанскую Псалтирь* XIV в. (Psalterii Florianensis partem polonicam ad fidem codicis recensuit apparatu critico, indice locupletissimo instruxit Wladislaus Nehring, 1883), *Пулавскую Псалтирь* XV в. (фотографическое изданіе 1880 г. Psalterz Pulawski, Z kodeksu pergaminovego księcia Wladislawa Chartoryskiego przedruk homographiczny wykonali Adam i Stanislaw Pilińscy. Nakladem bibliotheki Kornickiej), библіографія у Нернига—Archiv für slav. Philol. V, 1881, стр. 216—267, *Шарошпатацкую Библію* (королевы Софіи) XV в. (Biblia królewéj Zofii... przez A. Maleckiego, we Lwowie 1871), краковское изданіе Библіи 1561 г., брестское (кальвинское) изданіе 1563 г. и особенно социніанское, несвижское 1572 г.

распространенія, христіанизованной до степени обычной гражданской морали. Точная причина внесенія книги Менандра въ рядъ библейскихъ неканоническихъ книгъ не ясна [1]), но путь этого возвышенія Менандра прослѣдить возможно. Книга Менандра издавна помѣщалась въ славянскихъ Пчелахъ, въ ряду другихъ учительныхъ книгъ — Премудрости Соломоновой и изреченій Іисуса Сирахова — безъ всякаго отнесенія ихъ къ разряду библейскихъ книгъ [2]). Съ теченіемъ времени эти книги, съ присоединеніемъ къ нимъ однородной съ ними книги Притчей Соломона, выдѣлились изъ Пчелы и, по приведеніи ихъ текста въ сплошной видъ, вмѣсто разрозненныхъ чтеній, получили самостоятельное существованіе. Это возвышеніе книги Менандра до степени особенно почитаемыхъ книгъ не вводило эту книгу въ библейскій канонъ, такъ какъ вопросъ объ этомъ канонѣ не ставился ясно предъ сознаніемъ XV вѣка. Попрежнему Менандръ продолжалъ относиться къ свѣтской (въ тогдашнемъ смыслѣ) моральной письменности, которой отнюдь не отвергала и церковно-религіозная, духовная литература того времени. Былъ какой-то особенный спросъ на ученіе Менандра, покамѣстъ, намъ неизвѣстно, чѣмъ вызванный. Одновременно съ значительнымъ количествомъ рукописей Менандра (до 15) XV—XVI вв., появляется изображеніе Менандра въ иконописи, въ ряду древнихъ мудрецовъ и римскихъ сивиллъ, на стѣнахъ церквей и иконостасовъ XVI—XVII в. [3]). Статьи о Менандрѣ и сивиллахъ переводилъ Максимъ Грекъ [4]), такъ

---

[1]) Lostsch, Histoire de la Bible en France, 1910, указываетъ, что гномы Менандра использованы были первоначально іудеями для распространенія идеи своего закона.

[2]) Сперанскій М. Н. Переводные сборники изреченій въ славяно-русской письменности. Изслѣдованіе и тексты. М. 1905. Списки Менандра: Общ. Ист. и Др. Росс. № 189 XV в., собр. Ундольскаго № 1121 XV в., № 1135, XVI в., собр. Погодина № 78 XV в.

[3]) Укажемъ изображенія Менандра: въ Троицкомъ соборѣ, въ Ипатьевскомъ монастырѣ, въ Костромѣ, на входныхъ дверяхъ въ ряду съ Гомеромъ, Еврипидомъ, Платономъ; въ Троицкомъ соборѣ, въ Псковѣ, подъ нижнимъ ярусомъ иконостаса и др. Здѣсь присутствіе Менандра объясняется содержаніемъ его изреченія, начертаннаго на его свиткѣ: Менандръ рече: *Не (не)изслѣдованно и неизреченно и неразрушно божество въ три лица составляемо и отъ человѣкъ внемлемо и поклоняемо и прославляемо.*

[4]) Соч. Максима Гр., Казань, II, 187; III, 281.

же какъ ему приписывается Слово Іосифа Іудеанина, пытавшееся, выдвинуться въ составъ особенно уважаемой литературы, даже войти въ рядъ книгъ библейскихъ, подъ именемъ 4-ой книги Маккавейской [1]). Переводъ Менандра появился раньше статьи, переведенной Максимомъ, — (можетъ быть, онъ сдѣланъ въ домонгольское время), но вниманіе Максима къ этому имени указываетъ, что около этого времени было стремленіе ввести въ широкій литературный оборотъ этотъ гномологическій сборникъ. Это же съ другой стороны указываетъ, что и самая мысль о введеніи этой моралистической литературы въ широкій обиходъ можетъ принадлежать образованнымъ кругамъ русскаго общества, близкимъ къ иностранной литературѣ. По-видимому, книга Менандра повышена въ своемъ достоинствѣ учительной книги въ XV вѣкѣ, въ западной Руси.

Лучшимъ представителемъ, въ литовской Руси, библейскихъ переводовъ болгарскаго типа, уже обрусѣвшихъ въ XV вѣкѣ, является библейскій сводъ 1502—1507 года, т. наз. «Десятоглавъ» Матвѣя Десятого. Этотъ списокъ принадлежалъ нѣкогда Супрасльскому монастырю [2]) и впервые сталъ извѣстенъ наукѣ въ 1860 году [3]). Послѣ этого списокъ этотъ снова скрылся отъ взоровъ ученыхъ [4]) и обнаружился только въ 1910 г. въ числѣ поступленій въ библіотеку Императорской Академіи Наукъ отъ наслѣдниковъ акад. И. И. Срезневскаго [5]). Замыселъ составителя былъ скромный: «Яко же пчела съби-

---

[1]) Максимъ Грекъ—Синод. библ. № 491, л. 602 об., Троицк. Лавры № 201, л. 112 об. и др. Вмѣстѣ съ другими библейскими книгами Слово Іосифа Евреина о Маккавеѣхъ (4-я Маккав.). — Публ. библ. Q. I № 2, XIV или XV в.

[2]) Виленскій Археогр. Сборн. т. IX, Опись книгъ Супрасльскаго монастыря; Гильдебрандтъ П. А. Рукописное отдѣл. Виленск. Публ. библіот. 1871 года, стр. 17, и Добрянскій, Опис. рукоп. Виленской библ., стр. 185—въ помянникѣ Супрасльскаго монастыря: „Родъ з Торопца мѣста, з Москвы, благороднаго Матеея Іоанновича, написавшаго и надавшаго в монастыр Супрасльскій книгу великую, рекомую *Десятоглавъ*, 1507 года". Владиміровъ, Докторъ Францискъ Скорина, 1888, стр. 21.

[3]) Ст. архіеп. Филарета въ Изв. Импер. Ак. Н. VIII, стр. 144—150. Предъ этимъ списокъ этотъ былъ пріобрѣтенъ (въ 1859 г.), въ Вильнѣ или въ Жировицахъ, архим. Павломъ Доброхотовымъ.

[4]) См. сѣтованія о неизвѣстности мѣста его нахожденія у Владимірова, Докт. Фр. Скорина, стр. 23.

[5]) Отчетъ о дѣятельности Императорской Академіи Наукъ за 1910 г., Спб. 1910, стр. 36. Наша рѣчь—Рукописное преданіе славянской Библіи 1911 г., стр. 26—27.

раетъ... тако и сіа книги изложены отъ всѣхъ въ едину». Въ сводъ собраны: книги 16 пророковъ (съ нѣкоторыми отличіями отъ чтенія новгородскаго Геннадіевскаго свода 1499 года) [1]), Притчи, Екклисіастъ, Премудрость Соломона, Пѣснь Пѣсней, Іисусъ Сираховъ и Псалтирь съ предисловіемъ и замѣчаніями; изъ книгъ Царствъ и Іова приведены только параміи. Въ ряду этихъ книгъ помѣщена и книга Менандра, о которой упоминалъ архіепископъ Геннадій, когда указывалъ составъ библейскихъ книгъ у еретиковъ жидовствующихъ. Вслѣдъ за указанными ветхозавѣтными книгами, въ Десятоглавѣ помѣщены: четыре Евангелиста, ключъ Евангелію, Апокалипсисъ, о Апостолѣхъ 12, Дѣяніа Апостольска, Съборнаа посланіа, Павла Апостола посланіа, ключь Апостолу; Типикъ церковнѣй службѣ, Тропари, Свѣтильна, Отпустъ чрезъ все лѣто, Кондаки, Припѣлы, Руки Іоанна Дамаскина, Пасхаліа, Зодіи, Лунное теченіе на 19 лѣтъ. Въ концѣ свода даны любопытныя свѣдѣнія о составителѣ свода. Онъ по происхожденію былъ изъ литовской окраины, изъ города Торопца [2]). Семья его отца состояла изъ десяти сыновей (отсюда составитель свода назывался Матѳей Десятый) и трехъ дочерей. И вся эта многочисленная семья жила монашескими интересами. Одни изъ членовъ этой семьи постриглись въ Торопцѣ, другіе въ Новгородѣ, третьи въ Полоцкѣ и въ Супраслѣ. Одинъ изъ братьевъ Матѳея, въ иночествѣ Евфимій былъ игуменомъ въ Полоцкомъ монастырѣ св. Іоанна Предтечи и принималъ участіе въ виленскомъ соборѣ 1509 года. Матѳей Десятый дольше всѣхъ своихъ братьевъ и сестеръ оставался міряниномъ и находился на службѣ у бояръ. На такой службѣ, въ Вильнѣ, у нѣкоего вельможи Ѳеодора, писаря въ великомъ княжествѣ литовскомъ, онъ имѣлъ возможность «обрѣсти отъ службы въпокоя» и въ пять лѣтъ (1502—1507 г.г.) написалъ свою

[1]) Въ Десятоглавъ тексты внесены уже въ новгородской обработкѣ конца XV вѣка, съ добавленіями изъ латинскаго текста. Новгородская Библія 1499 года, подготовлялась по частямъ, отдѣльныя части расходились въ спискахъ раньше окончанія всей Библіи, и Матѳей Десятый, имѣвшій связи съ Новгородомъ, пользовался частями обработаннаго уже новгородскаго свода 1499 г., хотя, повидимому, не всѣ части были ему доступны. Собственные поиски текстовъ Матвѣя Десятого не были значительны и успѣшны.

[2]) Торопецъ до 1500 года принадлежалъ къ Литвѣ, въ 1500 году взятъ былъ московскими войсками и, по перемирію 1503 года, перешелъ къ Москвѣ (Соловьевъ, Исторія Россіи, V, стр. 149, изд. 1882).

книгу. Кончилъ свою книгу Матѳей Десятый въ Супрасльскомъ монастырѣ, гдѣ онъ принялъ монашество. Любопытно, что составитель замѣчательнаго виленскаго библейскаго свода стоитъ въ самой тѣсной связи съ Новгородомъ. Дѣятельность Геннадія нашла себѣ вниманіе и оцѣнку въ Вильнѣ на полстолѣтія раньше, чѣмъ въ Москвѣ, для которой она была назначена.

3) *Западно-русскіе переводы съ еврейскаго.* Есть два вида западно-русскихъ переводовъ съ еврейскаго въ спискахъ XVI вѣка—переводъ древній и новый. Древній видъ этихъ переводовъ сохранился только въ одной книгѣ Есѳирь; онъ извѣстенъ по рукописямъ съ XIV вѣка [1]). Переводъ этотъ восходитъ раньше списковъ, повидимому, на вѣкъ или на два. Второй, поздній слой этихъ переводовъ сохранился только въ одной рукописи Виленской Публичной библіотеки № 262 (10) XVI вѣка. Здѣсь въ переводѣ съ еврейскаго читаются книги: Іовъ, Руѳь, Псалтирь, Пѣснь Пѣсней, Екклисіастъ, Притчи, Плачъ, прор. Даніилъ и Есѳирь. Есѳирь въ этомъ переводѣ содержитъ меньше древнихъ особенностей русскаго языка и славянизмовъ, чѣмъ въ болѣе древнемъ переводѣ. Переводъ Псалтири и книги пророка Даніила представляетъ соединеніе перевода съ еврейскаго съ прежнимъ славянскимъ переводомъ съ греческаго. Отсюда, повидимому, можно заключить, что здѣсь текстъ уже не первоначальный, а переработанный. Къ этой же категоріи переводовъ относится исправленіе Пятокнижія въ спискахъ XV вѣка по еврейскому тексту и т. наз. Псалтирь въ переводѣ Ѳеодора жидовина [2]). Историческая обстановка этихъ переводовъ не достаточно ясна. Несомнѣнно только, что пе-

---

[1]) Отъ XIV в. извѣстны 2 списка Есѳири: Троице-Сергіевской Лавры № 2 и Императ. Публ. библ. Q I № 2. Первая глава кн. Есѳирь въ этомъ переводѣ издана нами по двумъ указаннымъ спискамъ въ Чт. О. И. Др. Р. 1902. Отъ XV—XVI вв. извѣстно до десятка списковъ. Съ мнѣніемъ А. И. Соболевскаго о переводѣ этого текста кн. Есѳирь не съ еврейскаго, а съ греческаго текста (А. И. Соболевскій. Переводная литература, стр. 433; ср. наша ст. Изв. Ак. Н. т. VIII (1898), стр. 342—343) мы не согласны. Греческаго текста, способнаго объяснить этотъ переводъ, нѣтъ и представить его существованіе невозможно; еврейскій же, обычный масоретскій текстъ, на-лицо, и всѣ особенности перевода имъ покрываются съ полнымъ успѣхомъ.

[2]) Псалтирь Ѳеодора Еврея по рукописямъ Кирилло-Бѣлозерской библіотеки—№№ 9/1086 и 6/1083 издана проф. М. Н. Сперанскимъ, Чт. О. И. Др. Р. 1907, II. Тамъ же данъ и обзоръ изученія этого памятника.

реводы эти сдѣланы евреями въ литовской Руси. Двойной переводъ Есѳири свидѣтельствуетъ, что тамъ существовала давняя еврейская традиція: книга, употребляемая при праздничномъ еврейскомъ богослуженіи [1]), переводится въ первый разъ не позднѣе XIV вѣка, а потомъ еще разъ, въ ряду другихъ книгъ, въ XV вѣкѣ.

Переводъ съ еврейскаго въ виленскомъ спискѣ мы относимъ къ XV вѣку, къ эпохѣ жидовствующихъ, потому что 1) переводъ этотъ несомнѣнно сдѣланъ съ еврейскаго текста, 2) въ языкѣ этого перевода нѣтъ отличій отъ текстовъ, относимыхъ по особенностямъ языка къ жидовствующимъ, 3) заинтересованность жидовствующихъ библейскими книгами стоитъ внѣ сомнѣнія (она-то и побудила архіеп. Геннадія собрать всѣ библейскія книги въ одинъ сводъ), и, что особенно важно—4) въ спискахъ Пятокнижія XV-го вѣка сдѣланы исправленія по еврейскому тексту, преимущественно въ собственныхъ именахъ, во всемъ сходныя съ переводомъ полныхъ книгъ, извѣстныхъ въ виленской рукописи № 262 (10) [2]). Рѣшительно же побуждаетъ насъ признать въ этихъ переводахъ руку жидовствующихъ 5) юдаистическое пониманіе мисіанскихъ мѣстъ въ библейскихъ книгахъ, что засвидѣтельствовано относительно двухъ книгъ—пророка Даніила и Псалтири, т. е. ложно выданнаго за Псалтирь Ѳедоромъ евреемъ еврейскаго молитвенника—Махазора и 6) бытовая, психологическая обстановка этого библейскаго перевода съ еврейскаго. Къ чему бы ни сводилась система вѣроученія жидовствующихъ, въ ней несомнѣненъ элементъ протеста противъ православнаго ученія. Основы своего міросозерцанія и своихъ возраженій жидовствующіе извлекали изъ показаній еврейскихъ текстовъ. Это засвидѣтельствовано теперь достаточно твердо относительно всей ихъ литературно-учительной дѣятельности. Было бы странно и рѣшительно непонятно, если бы въ существенной для нихъ, библейской области, они отказались отъ своего принятаго метода и остались на тѣхъ же библейскихъ текстахъ, какими обладали православные, когда они, жидовствующіе, имѣли въ

---

[1]) Есѳирь читается въ синагогѣ въ праздникъ Пуримъ.

[2]) О библейскихъ текстахъ виленской рукописи № 262 (10) см. нашу VI Замѣтку по древне-слав. переводу Св. Писанія (Чт. О. И. Др. Р. 1902). О ней отзывъ проф. Ѳ. Н. Перетца, съ изданіемъ по виленской рукописи книги Руѳь. Кіевъ 1905, 20 стр. (отт. изъ Кіев. Ун. Изв.).

своемъ распоряженіи несравненно болѣе пригодный для нихъ источникъ въ еврейскомъ текстѣ.

Есть въ наукѣ попытка совершенно устранить изъ исторіи вопросъ о библейской переводческой дѣятельности жидовствующихъ. А. И. Соболевскій въ своей книгѣ—«Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вѣковъ» книгу Есоирь не признаетъ переводомъ жидовствующихъ, потому что она извѣстна въ спискахъ XIV вѣка, т. е. явилась ранѣе ереси жидовствующихъ; библейскія книги виленскаго сборника № 262 относитъ къ переводнымъ памятникамъ XVI вѣка на томъ основаніи, что объ употребленіи «этого произведенія» жидовствующими или о какой нибудь связи его съ ересью нѣтъ никакихъ извѣстій; о Псалтири Ѳедора Жидовина, переводившаго эту мнимую Псалтирь съ благословенія митрополита Филиппа (до 1473 года), А. И. Соболевскій не указываетъ основаній, почему она не можетъ относиться къ переводу жидовствующихъ: онъ говоритъ только, что «на нашъ взглядъ, нѣтъ данныхъ, говорящихъ о принадлежности Ѳедора къ жидовствующимъ».

Намъ кажется, возраженія А. И. Соболевскаго и въ цѣломъ и въ частностяхъ не могутъ быть приняты. Книга Есоирь рѣшительно не устраняется изъ ряда переводовъ жидовствующихъ тѣмъ, что въ одномъ переводѣ съ еврейскаго она извѣстна ранѣе XV вѣка—въ спискахъ XIV-го вѣка: кромѣ стараго перевода, есть еще другой переводъ, въ виленской рукописи XVI вѣка, на ряду съ другими библейскими книгами, переведенными съ еврейскаго.

Извѣстно, съ какою поспѣшностью выискивалъ священныя книги архіепископъ Геннадій, съ какимъ отчаяніемъ указывалъ онъ, что «жидова еретическое преданіе дрьжатъ—*псалмы Давыдова или пророчества испревращали*, по тому какъ имъ еретици предали Акула и Симмахъ и Ѳеодотіонъ» [1]). Несомнѣнно, это же самое имѣлъ въ виду Геннадій, когда писалъ епископу сарскому Прохору, что онъ послалъ къ митрополиту (Геропгію), между прочимъ, «четрадь», по чему (жидовствующіе) молились по жидовски, и ты тамо узришь все, «что ся чинило и (какъ) превращены псалмы на ихъ обычай». Теперь, послѣ изданія полнаго текста Псалтири Ѳедора жидовина, не можетъ быть рѣчи о томъ, что намъ неизвѣстна Псалтирь

[1]) Посланіе къ архіеп. Іоасафу 1489 г.

жидовствующихъ: эта Псалтирь была, дѣйствительно, испревращеніемъ библейской Псалтири, вѣрнѣе самымъ чистымъ подлогомъ—настоящимъ еврейскимъ молитвенникомъ, лишь для отвода глазъ церковной власти надписаннымъ именемъ Псалтири и предупредительно снабженнымъ удостовѣреніемъ о благословеніи митрополита Филиппа [1]). Испревращеніе касается не формы или перевода, а самого существа книги: какъ и слѣдовало ожидать, испревращенная Псалтирь затѣняетъ ученіе о Троичности усиленнымъ подчеркиваніемъ единства Божія (пс. Ѳедора жидовина 8, 9). усиленнымъ проведеніемъ тенденціи о возстановленіи земнаго царства единаго Бога въ Израилѣ (пс. 4, 22, 50, 60, 68, 71 и др.). Именно эту сторону текстовъ жидовствующихъ, т. е. наклонъ ихъ въ пользу юдаистическаго пониманія, отмѣчаетъ Геннадій упоминаніемъ о еретикахъ Акилы, Симмахѣ и Ѳеодотіонѣ. Съ этими именами исторія связываетъ типическій юдаизмъ, постановку на мѣсто установившагося пониманія іудейской доктрины [2]).

Но Геннадій отмѣчаетъ, что у жидовствующихъ подверглись испревращенію не одни псалмы, а и *пророчества (псалмы или пророчества* испревращены). Въ литературѣ это указаніе на пророчества совершенно не обращало на себя вниманія. Пророчество обычно почитаютъ поясненіемъ книги псалмовъ [3]), но съ этимъ нельзя согласиться. Геннадій не могъ чувствовать потребности объяснять, что такое псалмы: его адресатъ, какъ и всякій русскій XV в., не нуждался въ объясненіи наименованія такой книги, какъ Псалтирь. Да и что это за объясненіе? *Псалмы, т. е. пророчества.* Это объясненіе необычное. Псалмы по существу не пророчества, а лирика, вдохновенные религіозные гимны. Область пророчества представлялась *пророками*, книгами пророковъ. Рѣчь Геннадія захватываетъ дѣло гораздо глубже,

---

[1]) Вмѣстѣ съ этимъ для насъ нѣтъ сомнѣній, что еврей Ѳеодоръ могъ быть жидовствующимъ. Назваться христіаниномъ, произвести подлогъ, ввести этотъ подлогъ въ богослужебное употребленіе среди жидовствующихъ—все это еврей Ѳеодоръ могъ сдѣлать при условіи завѣдомой принадлежности къ жидовствующимъ и даже выполненія заранѣе обдуманнаго плана.

[2]) Въ какомъ отношеніи къ этой богослужебной мнимой Псалтири жидовствующихъ стоитъ виленская переработка Псалтири въ переводѣ съ еврейскаго съ славянскимъ текстомъ, мы сказать не можемъ. Виленская Псалтирь—совершенно особый, самостоятельный литературный памятникъ.

[3]) Ср. Сперанскій, Псалтирь Ѳеодора еврея, стр. 13, прим. 4.

чѣмъ даетъ такое объясненіе. Еретики испревратили глубокое мессіанское содержаніе ветхаго завѣта, данное у пророковъ. извратили ветхозавѣтную опору для новаго завѣта. Провѣрка такого пониманія дѣла по надлежащимъ источникамъ нѣсколько доступна. Изъ пророчествъ мы можемъ указать на испревращеніе важнѣйшаго мессіанскаго мѣста о седьминахъ Даніила (Дан. 9, 24—27). По переводу съ еврейскаго, вмѣсто точнаго обозначенія времени, когда долженъ былъ явиться Христосъ-Старѣйшина, послѣ вавилонскаго плѣна, (что всегда выставлялось христіанствомъ, какъ верхъ ветхозавѣтнаго пророческаго прозрѣнія), предлагалось видѣть у Даніила предупредительное указаніе о появленіи у евреевъ *помазанника государя*, который возвыситъ еврейское царство, осуществитъ мечту евреевъ о здѣшнемъ. земномъ господствѣ. Извѣстно далѣе, что у жидовствующихъ были возраженія противъ пророчествъ въ церковномъ ихъ пониманіи: объ этомъ мы знаемъ изъ горячей полемики съ ними православныхъ въ XV в. [1]). Пророчества должны были оказаться орудіемъ въ рукахъ жидовствующихъ противъ православныхъ, и слѣды этого мы знаемъ.

Для отрицанія принадлежности библейскихъ переводовъ съ еврейскаго въ виленской рукописи № 262 (10) и Псалтири Ѳедора еврея къ литературному наслѣдству жидовствующихъ—мы не находимъ основаній. Часть этихъ переводовъ прямо упоминается Геннадіемъ, другая часть непосредственно связана съ упоминаемыми единствомъ тенденціи и формы.

4. *Западно-русскій переводъ Скорины.* Съ именемъ доктора Франциска Скорины связывается самое крупное и важное библейское предпріятіе въ западной Руси въ первой половинѣ XVI вѣка. До появленія Острожскаго изданія. трудъ Скорины былъ единственнымъ центромъ и образцомъ всѣхъ западнорусскихъ и южно-русскихъ переводовъ Священнаго Писанія. Переводъ Скорины сдѣланъ съ чешской Библіи изданія 1506 года, при пособіи церковно-славянскаго текста и комментаріевъ Николая де-Лиры. Языкъ перевода — искусственная, книжная обработка западно-русскаго нарѣчія со значительнымъ количествомъ чехизмовъ. Библейскія книги въ переводѣ Скорины частія были изданы, частію остались въ рукописяхъ, гдѣ, можетъ быть, были подвергнуты передѣлкѣ. Въ изданіи

[1]) Объ этой полемической литературѣ—см. ниже.

извѣстны (1517—1519 гг., въ Прагѣ чешской): Пятокнижіе Моисея, книга Іисуса Навина, Судей, Руѳь, Есеирь, Псалтирь, (извѣстно и другое виленское изданіе Псалтири), книга Іова, Притчи, Екклисіастъ. Пѣснь Пѣсней, четыре книги Царствъ, Плачъ Іереміи, кн. пророка Даніила, Премудрость Соломона, Премудрость Сираха. Іудиѳь, (въ 1525 г. въ Вильнѣ—) Апостолъ. Въ рукописяхъ извѣстны и другія книги въ переводѣ Скорины. Въ рукописи Онуфріевскаго монастыря, во Львовѣ, содержатся книги Моисеевы, Іисуса Навина, Судей, Руѳь, четыре книги Царствъ. *двѣ книги Паралипоменонъ* и начало молитвы Манассіи, оканчивающейся въ концѣ послѣдняго листа на словѣ «длъготрѣпе». Продолженіемъ этого списка является рукопись Императ. Публ. библіотеки, собранія Погодина № 85, начинающаяся продолженіемъ молитвы Манассіи: «..ливыи и велми милостивый». Въ этой рукописи, вслѣдъ за молитвой Манассіи, содержатся остальныя книги ветхаго завѣта, за исключеніемъ Псалтири и конца Маккавейскихъ книгъ. Такимъ образомъ въ львовской и погодинской рукописяхъ мы имѣемъ полный списокъ всѣхъ книгъ ветхаго завѣта въ переводѣ Скорины. Текстъ пророковъ, кромѣ Погод. 85, сохранился еще въ рукописи Виленской Публ. библ. № 47 XVI вѣка. Происходятъ главнѣйшія рукописи Скорины изъ юго-западнаго края: львовскій списокъ носитъ помѣту 1575 г., «Дмитро изъ Зѣпкова» (въ Подоліи), «писарчикъ»; погодинскій—1573 г., писанъ «въ неславнѣмже градѣ Моначинѣ». Есть свѣдѣнія о варшавскомъ спискѣ скорининской Библіи, въ 1832 году перешедшемъ въ Петербургъ и нынѣ оказавшемся въ собраніи гр. Красинскихъ, въ Варшавѣ; эта рукопись носитъ запись 1569 г., писана «повелѣніемъ же и пильностію худаго человѣка на имя Луки въ неславнемъ градѣ Тернополѣ» [1]). Переводы Скорины, сохранившіеся въ рукописяхъ, повидимому, не совсѣмъ точно сохранили свой оригиналъ: въ нихъ замѣтенъ наклонъ къ церковно-славянскимъ текстамъ [2]).

Подъ какимъ вліяніемъ возникъ переводъ Скорины и какова была цѣль появленія этого перевода? Владиміровъ, спеціальный изслѣдователь литературной дѣятельности Франциска

---

[1]) Карскій, Западно-русскіе переводы Псалтири, стр. 25. Чт. О. Нестора Лѣтописца, VIII, стр. 31.

[2]) Владиміровъ, Докторъ Францискъ Скорина, его переводы, печатныя изданія и языкъ, Спб. 1888, стр. 65—234.

Скорины, держится взгляда Викторова и другихъ русскихъ ученыхъ, что Скорина былъ православный, что къ переводу своему онъ приступилъ изъ желанія просвѣтить своихъ сородичей. До Владимірова загадочная личность Франциска Скорины освѣщалась неодинаково: одни, вслѣдъ за Добровскимъ, почитали его католикомъ (митр. Макарій, Огоновскій, Рус. Вѣстн. 1868, т. LXXVII,—«Бѣлоруссъ»), дѣйствовавшимъ въ интересахъ католичества или уніи, другіе, по примѣру Головацкаго, относили его дѣятельность къ проявленіямъ протестантства. Намъ обстановка появленія переводовъ Скорины представляется въ иномъ видѣ. Не говоря уже о католическомъ имени Франциска, о пребываніи Скорины въ Краковѣ, потомъ въ Прагѣ, гдѣ у Скорины появляется побужденіе къ занятію переводомъ Библіи и гдѣ потомъ печатаются эти переводы,—полное отсутствіе въ православной западно-русской средѣ какого-нибудь религіознаго подъема или движенія въ это время мало говоритъ за то, что здѣсь идетъ дѣло объ удовлетвореніи православныхъ потребностей въ родѣ того, что потомъ мы наблюдаемъ у князя Острожскаго. Здѣсь наблюдается что-то такое, что говоритъ о сторонней заинтересованности русскимъ православіемъ. Переводъ опирается на чешскую Библію 1506 года. Это изданіе чешскихъ реформатовъ—чашниковъ или утраквистовъ даетъ основаніе говорить, что именно этимъ искателямъ новыхъ путей въ церкви, посредствомъ Библіи, слѣдуетъ приписать привлеченіе Франциска Скорины къ переводческой дѣятельности въ области библейскихъ текстовъ. Духъ миссіонерской попечительности утраквистамъ былъ хорошо знакомъ. Библія 1506 года въ своемъ предисловіи содержитъ совершенно ясное указаніе, на то, что она назначалась не только для просвѣщенія чеховъ, но и всѣхъ другихъ странъ, куда доступъ для нея оказался бы возможнымъ: «Buoh wieczný a nesmrtedlný: yakož gest Cyerkew swú swatý ohradil zákonem a pismy swatými: aby z tee ohrady newystupowala: ale tu se pásla. Teež takee rosum nás poyal w službу wijery: aby se tau zprawuge: mohl z pijsem swatých k blahoslawenstwij przygijti. Ze pak wsseczka pijsma gruntownije a gistá: gsú nám w biblij sepsána. Yprotož Czechowee vžytek weliký zákona božyeho znagijce aby to dobré: *netoliko w Czeském národie: ale wssudy ginde mohlo se rozssyrzowati*». Сношенія гусситства и его позднѣйшихъ развѣтленій съ православ-

нымъ востокомъ давно извѣстны [1]). И крупное просвѣтительное предпріятіе, въ видѣ текста полной Библіи на народномъ или близкомъ къ народному западно-русскомъ языкѣ, мы почитаемъ возможнымъ отнести исключительно на счетъ энергіи утраквистовъ. Историческое преданіе также говоритъ о томъ, что Францискъ Скорина не былъ сторонникомъ и ревнителемъ православія. Князь Курбскій говоритъ, что онъ видѣлъ въ Литвѣ книги «ветхаго и новаго завѣта и пророческіе всѣ, а переводъ Скорины полоцкаго, переведены не въ давнихъ лѣтехъ, аки лѣтъ 50... съ препорченыхъ книгъ жидовскихъ». У лютеранъ же Курбскій замѣтилъ «Библій Люторовъ переводъ, согласующе по всему съ Скорининымъ Библіемъ» [2]). Ревнитель православія въ юго-западномъ краѣ, вскорѣ послѣ появленія труда Скорины, смотритъ на этотъ трудъ какъ на чуждый православію, не съумѣвшій вызвать къ себѣ признательности, именно по связи своей съ сторонниимъ вліяніемъ. Въ 1622 году авторъ уніатскаго полемическаго сочиненія Antelenchus (Wilno, 1622), указывая, что протестанты пользовались для пропаганды своихъ идей русскимъ языкомъ, назвалъ Скорину въ ряду протестантовъ, хотя отмѣтилъ его связь съ гуситствомъ: «До уніи былъ Скорина еретикъ-гуситъ, который печаталъ для васъ (православныхъ) книги по русски въ Прагѣ»... «Симонъ Будный и Лаврентій Кришишковскій печатали свой аріанскій ядъ по-русски»... «Помогли имъ (протестантантамъ) въ этомъ и извѣстные московскіе чернецы (указаніе на Артемія и Ѳеодосія Косого), которыхъ самъ чортъ научилъ ереси. За ересь они осуждены были въ Москвѣ, и пришедши сюда, въ наши края, присоединились къ первѣйшимъ сенаторамъ и отравили большое число русскихъ» [3]).

[1]) Припомнимъ посѣщеніе западной и сѣверо-западной Руси Іеронимомъ Пражскимъ въ 1413 г., помощь и сочувствіе юго-западной Руси чехамъ въ 1422 году, сношенія гусситовъ съ константинопольскимъ патріархомъ въ 1452 году; припомнимъ общины чешскихъ братьевъ въ Польшѣ, откуда чешскіе братья направлялись въ Литву и даже въ Москву: Марешъ Роковецъ въ 1491 году, Янъ Рокита въ 1570 году. Ю. Анненковъ, Гуситы въ Россіи въ XV и въ XVI столѣтіяхъ, Странникъ 1878 г. Проф. И. С. Пальмовъ. Чешскіе братья въ своихъ конфессіяхъ, т. I, стр. 15—36.

[2]) Православный Собесѣдникъ 1863 года, ч. 2, стр. 569- 571. Владиміровъ, Фр. Скор., 41 стр.

[3]) Проф. П. Н. Жуковичъ, Неизданное русское сказаніе о Жировицкой иконѣ Божіей Матери (Изв. Отд. рус. яз. и слов. Имп. Ак. Н. 1912, XVII, 2, стр. 176).

Чтобы современникъ Скорины или близкое къ нему поколѣніе высказались о его православіи, этого мы указать не можемъ.

Сравнительно близкій къ народному языкъ перевода Скорины нашелъ сочувствіе въ западно-русскомъ обществѣ. Его переводъ вызвалъ за собою рядъ подражаній и передѣлокъ, извѣстныхъ въ спискахъ XVI и XVII вѣковъ, въ отдѣльныхъ частяхъ Библіи, въ видѣ болѣе или менѣе свободныхъ переписокъ [1]) или передѣлокъ печатнаго текста. Можно сказать, что вся мѣстная, юго-западно-русская переводческая дѣятельность XVI вѣка, въ области библейскихъ текстовъ, стоитъ въ болѣе или менѣе тѣсной зависимости или идейной связи съ трудомъ Скорины.

Повидимому, къ такимъ переводамъ, зависимымъ отъ Скорины, нужно отнести два извѣстныхъ западно-русскихъ перевода Евангелія: *Пересопницкое Евангеліе* (1556—1561 г.г.) и *Евангеліе Василія Тяпинскаго* (около 1580 года). Точная зависимость отъ перевода Скорины здѣсь не можетъ быть указана, такъ какъ печатнаго Евангелія въ переводѣ Скорины не сохранилось, и его существованіе устанавливается, съ большою степенью вѣроятности, только на основаніи историческихъ свидѣтельствъ того времени.

5. *Пересопницкое Евангеліе* сохранилось въ рукописи Полтавской семинаріи (изъ Переяславской семинаріи [2]). По записи, оно устроено архимандритомъ пересопницкимъ Григо-

---

[1]) Замѣчателенъ списокъ Импер. Публичн. Библ. F. I № 4. Въ немъ нѣкто Василій Жугаевичъ изъ Ярославля (въ Галиціи) переписалъ въ 1568 году Скорининъ переводъ, съ измѣненіемъ правописанія,—въ предисловіи, вмѣсто имени Франциска Скорины, поставилъ свое имя и такимъ образомъ весь этотъ переводъ приписалъ себѣ.

[2]) Пересопницкое Евангеліе описано Житецкимъ въ Трудахъ III Археол. Съѣзда. О немъ у Владимірова, Фр. Скор., стр. 30, 34, 237. Обзоръ юж. рус. и зап. рус. пам. 1890, стр. 25, 27. Ю. И. Тиховскій—см. сообщеніе его на XIV-мъ черниговскомъ археологическомъ съѣздѣ (Труды съѣзда т. III, стр. 125): Евангеліе въ 1556—1561 г. переводится подъ покровительствомъ княгини Жеславской; въ 1571 г. это Евангеліе переписывается при участіи и, можетъ быть, по заказу, дочери и внучки кн. Жеславской... Эта копія хранится въ Житомірѣ въ семействѣ † 1911 г. протоіерея Н. Трипольскаго. Грузинскій А. С., Пересопницкое Евангеліе какъ памятникъ искусства эпохи возрожденія въ южной Россіи въ XVI в., Искусство, 1911, № 1. Павлуцкій, Г. Г. Орнаментъ Пересопницкаго Евангелія, Искусство, 1911, № 2. О литературной исторіи Пересопн. Ев.—Грузинскій А. С., Ж. М. Н. Пр. 1912 г., апр., іюнь, Чтенія въ О—вѣ Нестора Лѣтоп. 1911—1912 гг. Тамъ же, кн. 22, ст. И. М. Каманина.

ріемъ, т. е. исходитъ изъ среды православной. Назначеніе его— «для лепшого выразумленя люду христіанского посполитого». Кругъ читателей его не ограничивался православными, а включалъ въ себя также и латинянъ, т. е., надо думать, русскихъ, склонявшихся къ католичеству: въ рукописи объясняется, что главы (отмѣтка главъ, сверхъ зачалъ) «написаны для людій закону римского, сиречь латинянъ, иже въ нихъ не взываются зачала, едно капитулы, а по нашему языку главы. Буде ли онь тебе о што просити, абы еси ему немедло, сирочь борзо, нашедьши указаль» [1]). По характеру языка евангельскаго текста, Пересопницкое Евангеліе можетъ почитаться близкимъ къ языку скорининскаго перевода [2]).

6. *Евангеліе Василія Тяпинскаго* извѣстно въ видѣ неполнаго (отъ Матѳея и Марка) печатнаго изданія евангельскаго текста въ западно-русскомъ переводѣ. Текстъ этотъ сохранился въ рукописномъ сборникѣ XVI вѣка Имп. Публ. Библ., собр. Погод. № I. 1. 29. Предъ Евангеліемъ положено рукописное предисловіе, изъ котораго явствуетъ, что переводчикъ Евангелія и составитель предисловія называется Василіемъ Тяпинскимъ. Ни мѣсто, ни время изданія въ предисловіи не указаны; неизвѣстно также, выходила ли эта книга въ свѣтъ или осталась недопечатанной. Загадочная обстановка, которою окружено Евангеліе Тяпинскаго, выяснена нѣсколько, независимо отъ этого печатнаго изданія, благодаря стороннимъ историческимъ документамъ [3]).

---

[1]) Труды III археологическаго съѣзда, Приложенія, стр. 54.

[2]) Владиміровъ, Фр. Скорина, стр. 237. Ср. ст. А. С. Грузинскаго.

[3]) Личность Тяпинскаго, его міровоззрѣніе и обстановка его работы выяснены, главнымъ образомъ, на основаніи свѣдѣній, сохранившихся въ литовской метрикѣ, проф. М. В. Довнаръ-Запольскимъ въ ст. В. Н. Тяпинскій, переводчикъ Евангелія на бѣлорусское нарѣчіе, I—II (Изв. Отд. русск. яз. и слов. Импер. Ак. Н., 1899, т. IV, стр. 1031—1064). Сообщеніе о Тяпинскомъ Ю. И. Тиховскаго на черниговскомъ археологическомъ съѣздѣ,—въ Трудахъ XIV археологическаго съѣзда въ Черниговѣ, т. III, стр. 124—125. Переводъ Евангелія г. Тиховскій относитъ ко времени около 1575 года. Прежняя литература о трудѣ Тяпинскаго: архим. Леонидъ въ Ж. М. Н. Пр. 1884, V, Разборъ „Описанія“ Каратаева; Владиміровъ, Докторъ Францискъ Скорина. СПБ. 1888, стр. 30, 204, 234; Научное изученіе бѣлорусскаго нарѣчія въ послѣднія 10 лѣтъ (оттискъ изъ Кіев. Унив. Изв. 1898, стр. 14); Е. Ѳ. Карскій, Къ исторіи звуковъ и формъ бѣлорусской рѣчи, Варш. 1893, Западно-русскіе переводы Псалтири въ XV—XVI в. Варш. 1891.

Въ лицѣ Тяпинскаго мы видимъ интересный образецъ вдумчиваго народолюба литовской Руси половины XVI вѣка, крайне опечаленнаго заброшенностью и невѣжествомъ русскаго народа, стяжательностью и грубостью духовенства, подъ вліяніемъ чего, въ поискахъ лучшихъ условій жизни, Тяпинскій становится социніанином. Шляхтичъ, человѣкъ съ ограниченнымъ достаткомъ, безъ систематическаго образованія, Тяпинскій увлекся реформаціоннымъ движеніемъ въ западной Руси исключительно по идеальнымъ побужденіямъ. Жизненная энергія сектантства подкупала его благороднѣйшими сторонами своего проявленія—глубокою любовью къ низшей братіи и сознаніемъ пользы образованія. Эти, развитыя въ новомъ ученіи, свои убѣжденія онъ спѣшитъ примѣнить къ дѣлу и жертвуетъ своимъ трудомъ и своими средствами, чтобы дать своимъ соотечественникамъ наиболѣе полезное, по его мнѣнію, орудіе образованія—Евангеліе на родномъ языкѣ. Онъ весь проникнутъ любовью къ русскому народу, которому онъ преданъ всей душой. Русскій народъ и русскій языкъ онъ ставитъ очень высоко, хотя и скорбитъ о неуваженіи, которымъ онъ пользуется въ его время. Хулителямъ своего народа онъ съ гордостью указываетъ на славное прошлое въ исторіи славянъ, на заслуги ихъ первоучителей. Давно, за тысячу лѣтъ, первоучители славянъ дали народу такой переводъ Евангелія и Апостола, что трудно различить, какой языкъ переводчикъ зналъ лучше, греческій или славянскій. Славяне получили Слово Божіе въ то время, когда другіе народы еще не могли помышлять объ этомъ. Просвѣщенные такимъ образомъ раньше и лучше другихъ народовъ, славяне множество людей къ вѣрѣ изъ блуда «выдвигали», въ разныхъ языкахъ учеными были, свѣтили добрымъ примѣромъ другимъ...

Однако, авторъ, такъ высоко цѣнившій прошлыя заслуги предковъ, съ прискорбіемъ наблюдалъ глубокое паденіе прекрасныхъ народно-религіозныхъ качествъ въ современномъ ему обществѣ. Онъ видитъ передъ собой отступничество отъ національности среди наиболѣе видныхъ его членовъ, грубость и религіозную темноту простого народа и находитъ причины этого явленія въ пониженіи въ русскомъ народѣ образованности, въ особенности же въ умственномъ и нравственномъ паденіи учителей народа—духовенства. Вѣра, по выраженію Тяпинскаго, «яко устала, яко загинула». Нельзя безъ слезъ видѣть, какъ столь многія великія княжата, знатные паны, невинныя

дѣти, мужи и жены, въ средѣ такого ученаго народа, какъ русскіе, стыдятся своего роднаго языка; вслѣдствіе такого пренебреженія ихъ своимъ языкомъ, по Божію попущенію, ихъ врожденная въ словѣ Божіемъ мудрость отошла отъ нихъ, и ея мѣсто заступило невѣжество. Хуже всего то, что духовенство само не изучаетъ русскаго письма, не знаетъ его, не имѣетъ нигдѣ для науки школы, почему и само обращается и дѣтей своихъ направляетъ къ польскому письму. Исходъ одинъ: и лучшіе, сознательные представители народа, и духовенство должны вступиться за родное русское просвѣщеніе. Только вы, паны, могли бы изъ любви придти на помощь къ своей отчизнѣ: «простота чоловека беднаго посполитаго на васъ очи завжды удавала и удаетъ и за вами идетъ». Онъ совѣтуетъ панамъ показать примѣръ—придти отчизнѣ на помощь въ ея недостаткѣ науки, особенно же просить митрополитовъ и владыкъ позаботиться о распространеніи наукъ.

Духовенство высшее и низшее Тяпинскій обвиняетъ особенно сурово. Ради вѣчной награды себѣ отъ Бога, вы, паны, ради вашего бѣднаго и забитаго народа, «митрополита вашого», владыкъ и учителей вашихъ до того мольбами вашими побуждайте, чтобъ они не предавались подкупамъ, посуламъ «дле поседаня столиць одинъ передъ другимъ, не до животеи и привилеев одинъ надъ другимъ обваровавшейшихъ», но сами учились бы Слову Божію и другихъ «братью вашю» къ тому же побуждали; чтобы они (духовные) заложили школы и выдвинули науку Слова Божьяго, такъ много лѣтъ забытую. Школы должно устроить на средства маетностей и имѣній, которыя предки пановъ надали духовенству «не на марнотрацства, не на строй и што такого, але дле наукъ».

Свой переводъ Евангелія на народный языкъ Тяпинскій приноситъ какъ посильную жертву съ своей стороны для поднятія вѣры въ народѣ и для развитія, путемъ образованія, національнаго самосознанія. Его трудъ появляется въ то время, когда полонизація края дѣлаетъ первые шаги; онъ первый начинаетъ борьбу съ нею и при томъ не на почвѣ только религіозной, какъ это сложилось впослѣдствіи, но главнымъ образомъ на національно-культурной. Это подвигъ не только проповѣдника-миссіонера, но и гражданина.

Что служило оригиналомъ для Евангелія Тяпинскаго, опредѣлялось не одинаково. Владиміровъ предположительно считалъ этотъ текстъ передѣлкой Пересопницкаго Евангелія или того

оригинала, который лежалъ въ основѣ Пересопницкаго (Чешская Библія 1506 г.). Но Карскій указалъ оригиналъ перевода въ польской Библіи Буднаго (Несвижъ, 1572). Сличеніе перевода съ текстомъ Библіи Буднаго, произведенное Карскимъ [1]), не оставляетъ сомнѣнія, что именно это социніанское изданіе польской Библіи послужило основой работы Тяпинскаго.

7. Тоже социніанское движеніе вызвало еще другой переводъ Новаго Завѣта на западно-русскій языкъ *Валентина Негалевскаго.* Этотъ переводъ сдѣланъ былъ въ 1581 году, въ с. Хорошовѣ (нынѣ Острожскаго уѣзда, Волынской губерніи)— съ польскаго перевода Мартина Чеховича (изд. въ Раковѣ, 1577 года). Списокъ этого перевода находится въ Кіевѣ, въ Михайловскомъ монастырѣ. И трудъ Негалевскаго, подобно предъидущему, вызванъ былъ къ жизни не только миссіонерско-просвѣтительными, но и народно-культурными побужденіями. «Учинилъ (переводъ), пишетъ переводчикъ, за намовою и напоминанемъ многихъ ученыхъ, богобойныхъ, а слово Божіе милуючихъ, которые писма полского читати не умеютъ, а языка словенского читаючи, писмомъ русскимъ выкладу словъ его не розумѣютъ» [2]). По обычаю протестантскихъ библейскихъ изданій того времени (начиная съ Лютера), текстъ перевода—Евангелія Негалевскаго сопровожденъ многочисленными комментаріями.

Кромѣ Евангелія, большое вниманіе западно-руссовъ и южно-руссовъ, въ XVI вѣкѣ, возбуждалъ текстъ другой столь же почитаемой и употребительной при богослуженіи книги — Псалтири. При этомъ замѣчательно, что традиціонное уваженіе къ общеупотребительному богослужебному славянскому тексту Псалтири простиралось такъ далеко, что религіозное сознаніе долго не осмѣливалось коснуться самого текста этой книги и ограничивалось лишь приближеніемъ достаточно темнаго церковно-славянскаго перевода этой книги къ народному языку, посредствомъ небольшихъ діалектическихъ замѣнъ и

---

[1]) Переводы Псалтири, стр. 16—18.

[2]) Впрочемъ, предисловіе Негалевскаго, какъ доказываетъ Тиховскій, представляетъ переводъ и передѣлку Чеховича, поэтому въ этихъ словахъ только съ большою осторожностью можно видѣть указанія на обстоятельства, сопутствующія переводчику... Труды XIV черниговскаго археол. съѣзда. М. 1911, т. III, стр. 125, протоколы. О языкѣ перевода см. *Назаревскій, А. А.*, Кіевск. Унив. Изв. 1911: Языкъ Евангелія 1581 г. въ переводѣ В. Негалевскаго.—Архивъ юго-западной Россіи, Кіевъ, 1883. ч. I, т. VI, стр. 138—140.

подновленій языка, а также внесеніемъ сопроводительныхъ пояснительныхъ статей къ тексту на народномъ языкѣ, в большей части въ переводѣ съ польскихъ изданій.

Но, на ряду съ этими традиціонными текстами Псалтыр лишь немного окрашенными въ тонкихъ особенностяхъ язы мѣстнымъ западно-русскимъ и иногда малорусскимъ вліяніем извѣстны тексты, вполнѣ переведенные на мѣстное нарѣчі Текстовъ этихъ очень немного: спеціальный изслѣдовате Псалтири, проф. Е. Ѳ. Карскій указалъ всего два таки текста: одинъ XVI вѣка, другой XVII вѣка. Самый мѣстны языкъ западно-русскаго перевода только условно можетъ бы названъ народнымъ: это языкъ книжный, искусственный, в весьма значительной степени подчиненный языку польском Тексты эти слѣдующіе:

8. *Псалтирь Румянцевскаго Музея XVI вѣка № 335* [1] Она надписана: *Книга глаголимая по(л)ская Исо(л)тыре пр ложена с руског на по(л)ски, нехаи по неи хвалит Г(оспод)а.* Внизу страницъ съ 8—31 л. идетъ слѣдующая з пись: *Сия кн(и)га Переславля рязанского дому Пр(есвя)ты Б(огороди)цы с митрополича казенная. Подписалъ по ука преос(вя)щенного Павла митрополита рязанского и муро ского казенного приказу под(ь)ячеи Григореи Стеванов лѣт 7111 (1603) ноября въ 1 (де)нь.* По языку, почерку бумагѣ появленіе рукописи слѣдуетъ отнести къ половинѣ ил даже къ началу XVI вѣка. Оригиналъ этого перевода Пса тири—тотъ же польскій текстъ изданія Псалтири Врубля, ч проявился въ толкованіяхъ и надписаніяхъ псалмовъ, Псалтири С.-Петербургской духовной академіи А 1/136 1609 Но, при одномъ оригиналѣ, здѣсь мы видимъ совершенно друго переводъ и самого текста Псалтири и толкованій. Текс псалмовъ здѣсь не обычный, а переведенный съ польска текста; толкованія и надписанія псалмовъ заимствованы из Псалтири Врубля, но исполненіе перевода болѣе буквальн чѣмъ въ указанномъ спискѣ с.-петербургской духовной академі Кромѣ польскаго перевода Врубля, переводчикъ руководств вался въ текстѣ псалмовъ и церковно-славянскимъ текстом Псалтири, по наблюденію Карскаго, близкимъ, но не совсѣм совпадающимъ съ текстомъ Псалтири въ «Малой подорожно книжицѣ» Скорины.

---

[1]) Карскій, тамъ-же, стр. 46—132.

Въ какой средѣ и по какимъ побужденіямъ былъ сдѣланъ этотъ переводъ, твердо указать невозможно, такъ какъ для этого нѣтъ опредѣленныхъ данныхъ. На основаніи значительнаго увлеченія польскимъ текстомъ, т. е. иногда перепиской польскаго текста церковно-славянскими буквами, можно заключать, что православное духовное лицо не могло переводить эту книгу: отъ духовнаго лица мы въ правѣ были бы ожидать большаго вниманія къ традиціонному церковно-славянскому тексту. Проф. Карскій высказываетъ предположеніе, что переводчикомъ могло быть свѣтское лицо, достаточно владѣвшее обоими языками—церковно-славянскимъ и польскимъ, знакомое съ разговорною рѣчью тогдашняго общества. Оно могло предпринять свой трудъ по порученію какого-либо западно-русскаго магната, ревнителя просвѣщенія русскаго простого народа. Нельзя отрицать и цѣлей иновѣрной пропаганды. Мѣстами въ толкованіяхъ встрѣчаются выраженія, повидимому, отрицающія почитаніе иконъ: въ надписаніи 134 псалма переводчикъ, напр., передаетъ польскія слова Też tępi bálwány pogáńskie чрезъ *теж топит образы, што ся значат идолы* [1]). Время появленія перевода не противорѣчитъ такому предположенію: оно какъ разъ совпадаетъ съ распространеніемъ въ Польшѣ и Западной Руси лютеранства и кальвинизма.

9. *Западно-русскій переводъ Псалтири съ польскаго* въ рукописи Московскаго Публичнаго и Румянцевскаго музеевъ XVII в. № 1017. Польскимъ оригиналомъ этого перевода послужила кальвинская, польская Радивилловская Библія 1563 г. Переводъ буквальный до излишества. Вотъ, напр., одинъ стихъ этого перевода (пс. 36 8): «*не товариш с тыми, з которыми бы еси што злого чини(т) мьл*» = Радивил. 1563: nie towárzysz się z tymi z kthoremi byś co zle czynic miał. Вліяніе церковно-славянскаго перевода сказалось въ знакомствѣ переводчика съ традиціоннымъ церковно-славянскимъ текстомъ Псалтиря, но довольно слабо: славянизмы въ такой степени могли войти въ переводъ изъ обычнаго запаса словъ и выраженій, пріобрѣтаемыхъ изъ чтенія книгъ на церковно-славянскомъ языкѣ [2]).

Радивилловская Библія отразилась въ западно-русскомъ переводѣ не только здѣсь. Мы имѣли случай упоминать, что

---

[1]) Карскій, тамъ-же стр. 131—132.

[2]) Карскій, тамъ-же, стр. 60—61, 89, 131—132.

одно изъ толкованій на книгу пророка Даніила переведено или скорѣе составлено по этому польскому тексту [1]). Выборъ для перевода кальвинской Библіи едва ли могъ быть совершенно случаенъ: кальвинизмъ въ эпоху появленія Радивилловской Библіи усиленно искалъ прозелитовъ, и нѣтъ ничего невозможнаго, что западно-русскій переводъ съ этой Библіи назначенъ былъ для цѣлей кальвинской пропаганды.

10. *Малорусскій переводъ Пѣсни Пѣсней съ послѣдованіемъ.* Переводъ извѣстенъ въ рукописи Московской Синодальной библіотеки № 558 (437) конца XVI или начала XVII вѣка. Изданъ былъ, хотя не точно, въ «Основѣ» 1861, XII, стр. 49—64. Оригиналомъ послужилъ чешскій текстъ Библіи 1506 г. или вѣрнѣе какое-либо чешское изданіе Пѣсни Пѣсней съ прибавленіями церковно-уставнаго характера. Послѣ текста Пѣсни Пѣсней въ рукописи помѣщена статья *како ся миша чтеть римским обычаем Матце Божіей* и далѣе другая статья *съборъ осмый вроленцинскій* [2]). Переводъ, вѣроятно, католическій или уніатскій изъ эпохи католическаго натиска на православіе, около времени брестской церковной уніи 1596 г.

11. *Западно-русскій переводъ съ польскаго нѣсколькихъ библейскихъ книгъ* въ рукописи Императ. Публ. библіотеки нач. XVII вѣка F. I № 2. Переводъ содержитъ слѣдующія книги: Пятокнижіе, кн. Іисуса Навина, Судей, Руѳь, I—IV Царствъ, Товитъ.

Переводъ этотъ совершенно не изслѣдованъ [3]), поэтому приведемъ изъ него нѣсколько примѣровъ текста. *Быт.* 4 5: «такъ не будет: але каждыи, хто бы забил Каин... будет каран. И вложилъ Господь на Каине знамя, абы его не забывалъ каждни, котории бы его нашолъ». «*Пѣснь Девори пророкини*, глава 5 (кн. Суд.): И спѣвала Девора и Варакъ, сынъ авинеемовъ, пѣснь дня оного, мовячи: корысти доброволны оферовали Со Израиля души ваши на небезпеченство, благословите Господу. Слухаите цареве, берите во уши, княжата: яко есть, яко есть, которая Господу завспѣваю, спѣват буду

---

[1]) И. Евсѣевъ, Кн. пр. Даніила стр. L. Не понятна отмѣченная здѣсь связь радивилловской Библіи съ переводомъ жидовствующихъ.

[2]) Владимировъ, Фр. Скорина, стр. 238. Въ Люблянскомъ бревіарѣ XIV в., № 161, Пѣснь П. положена уставнымъ чтеніемъ въ навечеріе Рождества Пресвятой Богородицы.

[3]) Упоминаніе о рук. F. 1 № 2 сдѣлано у Владимірова, Франциска Скорина, стр. 241, примѣч. 2.

Господу Богу Израилевому. *И прочая пѣснь, глава вся.* И была въ покою земля чрезъ 40 лѣтъ». *Даніилъ* 1 1—2: «Року третего царства Иоакима, царя іюдѣиского пришолъ Навходоносоръ царъ вавилонскій до Іерусалиму и облеглъ его. И далъ Господь в руцѣ его Иоакима царя іюдѣиского и часть начатья дому Божьего». *Есѳиръ* 1 1: «...а дни Асѳера, то есть Артаксеркса, которій пановалъ отъ Индѣи ажъ до Еѳіопіи»... Оригиналъ этого перевода проф. Владиміровъ указывалъ въ польской Библіи, изданія 1561 года, сдѣланномъ въ Краковѣ z pilnośćia wedlug Łácinskiey Bibliey od kośćiola krześćiáńskiego powssechnego przyiethey.

Краковское изданіе 1561 года отразилось не только въ этомъ переводѣ, а и въ русско-польскомъ изданіи Псалтири 1638 года, сдѣланномъ иноками виленскаго монастыря въ Евью: Psalterz Блаженнаго Пророка и Царя Давида: z Graeckiego na Słowieński a z słowieńskiego ná Polski iezyk przełożony. Приданы суть и Величанія на праздники Господ(ъ)скіа Богородичны и всѣмъ Свѧтым. Pilnośćia y starániem. Zákonnikow Coenobii Wilenskiey. Wiewiv. Roku 1638. Псалтирь посвящена Nam Wielce M. Paniey iey Mśći Pániey Zofii iarosławownie z Drucka Sokolinskiey Podwoiewodzánce Polockiey P. Mikołaiowey Łomskiey. Обычный церковно-славянскій текстъ Псалтири, съ бѣлорусскими и малорусскими особенностями въ языкѣ, приведенъ здѣсь на ряду съ текстомъ краковскаго изданія польской Библіи 1561 года [1]).

По широтѣ замысла и по самостоятельности въ передачѣ на русскій языкъ значительной части Библіи, переводъ списка Импер. Публ. библ. F. I № 2 долженъ быть поставленъ очень высоко въ ряду другихъ переводовъ: ему по праву должно быть отведено слѣдующее мѣсто за переводомъ Скорины. Кому принадлежитъ этотъ переводъ—католической миссіи или православной защитѣ противъ католической пропаганды, мы сказать не можемъ, хотя болѣе основаній видѣть здѣсь католическій переводъ [2]).

12. Вѣкъ реформаціи проявилъ свое вліяніе по всей линіи славянскаго библейскаго текста. Одновременно съ оживле-

---

[1]) Карскій, Западно-русскіе переводы Псалтири, стр. 81—85.

[2]) Такъ заключаемъ потому, что оригиналъ этого перевода—краковское изданіе польской Библіи 1561 года — по происхожденію принадлежитъ католикамъ.

ніемъ и развитіемъ переводческой дѣятельности въ области славянскихъ библейскихъ текстовъ, въ XVI в., въ предѣлахъ западной Руси, замѣтенъ такой же *подъемъ въ этой области у юго-западныхъ славянъ*, пользовавшихся глаголическимъ библейскимъ текстомъ. Какъ ни обособлена была жизнь юго-западныхъ и восточныхъ славянскихъ племенъ того времени, какъ ни далеко стояли онѣ другъ отъ друга, раздѣленныя географическимъ положеніемъ, вѣроисповѣданіемъ и разностью кирилловскаго и глаголическаго письма, все таки совпаденіе въ характерѣ библейской дѣятельности у той и другой группы славянъ было весьма существенно. И наши западно-русскіе и глаголическіе переводы отъ старыхъ славянскихъ текстовъ переходили къ народному языку. Существеннымъ двигателемъ къ этой переводческой дѣятельности была одна и та же реформація. Наконецъ, народной языковой обработкѣ въ глаголическихъ текстахъ подвергался главнымъ образомъ Новый Завѣтъ, что мы видѣли и въ дѣятельности нашихъ западно-русскихъ переводчиковъ.

Народный переводъ глаголическаго текста Новаго Завѣта сдѣланъ былъ въ Тюбингенѣ, гдѣ и былъ напечатанъ въ 1563 г., въ 2-хъ частяхъ, въ 4°. Переводчиками были Антонъ Далматинъ, Стефанъ Истріянъ и Юрай Юричичъ. Во главѣ изданія стоялъ извѣстный дѣятель того времени—Примусъ *Труберъ* [1]). Свой переводъ они назначали для хорватовъ и другихъ южныхъ славянъ, объ обращеніи которыхъ въ реформацію особенно заботился въ то время въ Тюбингенѣ баронъ Унгнадъ. Переводъ сдѣланъ на основаніи стараго глаголическаго славянскаго перевода Евангелія и Апостола [2]) и латинской вульгаты. Вотъ для образца перевода 1—3 стихи 16 гл. Евангелія отъ Луки: *Говораше тада ки учеником своим: човик ники бише богат, коi имиѣше дворника, и та би озълоглашен при нем, како да би расчинил добра нега. И призва нега, и рече нему: што ти слишим о тебе? дай рачун од (послова на) дворства, ере нечеш мочи вече дво-*

---

[1]) О дѣятельности Трубера въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1836 г., ч. IX, 160—179; Шнурреръ—Slavischer Bücherdruck in Würtemberg, 1799 г. Первольфъ, Славяне, Ихъ взаимныя отношенія, т. 2, Варшава, 1888.

[2]) О перенесеніи въ Тюбингенъ для изданія какимъ-то попомъ глаголической Библіи 1547—1554 г. свидѣтельствовалъ въ свое время Труберъ († 1586).

рити. Рече тада дворник сам к себѣ: што хочу учинити, ере господин мои однимле од мене дворство? копати не могу, просити мене срам. Но этому тюбингенскому протестантскому переводу, какъ и всѣмъ современнымъ ему русскимъ народнымъ переложеніямъ библейскаго текста, не удалось пріобрѣсти себѣ прочнаго права гражданства у народа, для котораго онъ былъ назначенъ. Общепринятымъ библейскимъ текстомъ для хорватскихъ глаголическихъ богослужебныхъ книгъ съ XVII в. становится выработанный у насъ въ юго-западной Руси, въ противовѣсъ народнымъ переложеніямъ XVI вѣка, традиціонный славянскій библейскій переводъ русской редакціи.

Мы не сомнѣваемся, что сдѣланный нами обзоръ переводовъ библейскихъ книгъ на западно-русскій и южно-русскій языки не исчерпываетъ всей той кипучей дѣятельности въ этомъ отношеніи, какая проявлена была въ XV—XVI вѣкахъ представителями, проповѣдниками и защитниками многочисленныхъ исповѣданій, столкнувшихся въ этихъ краяхъ. Мы не видимъ, напр., кромѣ незначительныхъ слѣдовъ, проявленій библейско-переводческой дѣятельности католиковъ, что, между тѣмъ, ожидается съ необходимостью, такъ какъ извѣстно, что еще Антоній Поссевинъ совѣтовалъ католикамъ приблизить славянскія богослужебныя книги и Евангелія къ католическому типу. Совѣтъ этотъ едва ли оставался пустымъ звукомъ, между тѣмъ такого Евангелія мы, покамѣстъ, не знаемъ. Глаголическіе переводы XVI в. также не ограничивались однимъ Евангеліемъ. Былъ въ это время переводъ на народный языкъ пророческихъ книгъ, возможно, что были и другіе переводы. Мы оставляемъ ихъ въ сторонѣ.

Одновременно съ указанными переводами, распространена была и въ достаточной мѣрѣ сохранилась въ западныхъ и юго-западно-русскихъ текстахъ *защитная литература* этого рода, соединенная преимущественно съ толкованіями библейскаго текста. Въ противовѣсъ мѣстнымъ переводамъ, легко терявшимъ связь съ традиціоннымъ церковно-славянскимъ текстомъ, библейско-истолковательная литература этого типа основывалась на старыхъ церковно-славянскихъ переводахъ, приспособляла ихъ по языку и составу къ потребностямъ времени, но никогда не допускала перехода въ русло польскаго или какого-либо иного оригинала и слововыраженія. Это было вѣрнымъ воспроизведеніемъ того теченія, какое шло отъ южныхъ славянъ и

какое въ Москвѣ, какъ мы видѣли, нашло себѣ конечное завершеніе въ дѣятельности Максима Грека. Но здѣсь эта истолковательная литература приняла своеобразный характеръ: ея задачею стало не столько изъясненіе священнаго библейскаго текста, сколько защита по поводу текста опредѣленнаго міровоззрѣнія, опредѣленнаго уклада жизни. Библейскій текстъ самъ по себѣ, отдѣльно отъ этихъ жизненныхъ толкованій, мало занималъ юго-западно-русскихъ защитниковъ отеческихъ преданій: какого-либо движенія или творчества въ области библейскихъ текстовъ въ собственномъ смыслѣ, въ этой старорусской средѣ, мы не знаемъ, за исключеніемъ одной Острожской Библіи.

Лучшими представителями истолковательной библейской литературы XVI вѣка, въ традиціонномъ старо-русскомъ направленіи, въ юго-западной Руси, слѣдуетъ считать выходца изъ Московской Руси, князя Андрея Курбскаго и составителей Учительныхъ Евангелій.

Искренній почитатель Максима Грека и его просвѣтительныхъ завѣтовъ, князь Андрей Курбскій носилъ въ своей душѣ горячую привязанность къ національнымъ русскимъ основамъ (хотя только въ боярской формѣ), и, заброшенный судьбою на чужеземную почву, не преминулъ выступить въ своей литературной дѣятельности защитникомъ и проводникомъ старорусскихъ основъ духовнаго просвѣщенія. Въ числѣ его трудовъ этого рода должны быть поставлены составленные имъ сборники библейскихъ толкованій. Въ литературѣ о Курбскомъ эта сторона его дѣятельности затронута недавно Н. П. Поповымъ [1]). На основаніи особенностей текста Толковой Псалтири XVI в.. № 1 библіотеки Новоспасскаго монастыря, совпадающихъ съ особенностями «Новаго Маргарита», переведеннаго Курбскимъ, а также въ виду особеннаго уваженія этой Псалтири къ трудамъ Максима Грека и другихъ соображеній, г. Поповъ пришелъ къ мысли о принадлежности этой Псалтири особаго состава перу Курбскаго или его сотрудниковъ. Изъ сопоставленія историческихъ событій второй половины XVI вѣка, г. Поповъ время составленія Толковой Псалтири относитъ къ 1564—1577 гг., а назначеніе ея ви-

[1]) Рукописи Московской Синодальной (патріаршей) библіотеки. Вып. I. Новоспасское собраніе, М. (безъ года). Приложеніе I, стр. 117—157, а также описаніе рукоп. № 1, стр. 1—11.

дитъ въ удовлетвореніи потребности учащихся тогда въ Слуцкой школѣ въ руководствахъ къ точному изложенію православнаго ученія для борьбы съ еретиками — социніанами. Кромѣ списка Новоспасскаго монастыря, этотъ трудъ Курбскаго сохранился еще въ рукописи Главнаго Московскаго Архива Министерства иностранныхъ дѣлъ № 286 (665), въ собраніи кн. Оболенскаго.

Этотъ трудъ князя Андрея Курбскаго представляетъ замѣчательный плодъ учености и идейной проникновенности составителя. Въ немъ къ уясненію Псалтири собрано такое множество восточныхъ святоотеческихъ авторитетовъ и другихъ толкователей, что это толкованіе остается единственною въ своемъ родѣ гордостью нашей старой библейской литературы. Составитель добросовѣстно отмѣчалъ имена авторовъ, которыхъ онъ привлекалъ для своей работы, и вотъ каковъ списокъ этихъ именъ: Ѳеодоритъ, Аѳанасій (приписываемая ему Псалтирь), Василій Великій, Іоаннъ Златоустъ — это основа труда Курбскаго, далѣе слѣдуютъ: Анастасій Синайскій, Андрей Критскій, Герасимъ (Іеронимъ), Григорій Амиритскій, Григорій Богословъ, Григорій инокъ, Григорій Іерусалимскій, Григорій Нисскій, Григорій Писидъ, Григорій, пресвитеръ обители Пандократовы, Григорій Россійскій [1]), Григорій Святый, Евсевій (и съ добавленіемъ Памфилъ), Епифаній, архіеп. Іерусалимскій, Епифаній Кипрскій, Ефремъ Сиринъ, Исаакъ Сиринъ, Іаковъ Іудеянинъ, Іоаннъ Дамаскинъ, Іоаннъ Лѣствичникъ, Іустинъ Мученикъ, Кассіанъ, Кириллъ Іерусалимскій, Косьма Индикопловъ, Максимъ инокъ, Максимъ Исповѣдникъ, Никита Ираклійскій, Никонъ, Нилъ, Оригенъ (1 разъ), Павелъ, архіепископъ Солунскій, Пиминъ, Северіанъ Гавальскій, Сидоръ, старецъ Иѳачскій, (т. е. Меѳодій Патарскій), Терентій (разъ), Ѳеогній (іерусалимскій, епископъ іерусалимскій, пресвитеръ іерусалимскій), Ѳеофилактъ, Ѳеофилъ, архіеп. Александрійскій. Кромѣ того, есть два толкованія «отъ силоизмы» и отъ правилъ св. отецъ. Въ основу сводного толкованія у Курбскаго положено было два древнихъ переводныхъ толкованія, извѣст-

---

[1]) Григорій, пресвитеръ обители Пандократовы и Григорій Россійскій, повидимому—Григорій Цамблакъ; Максимъ инокъ—Максимъ Грекъ; онъ же разумѣется и подъ именемъ „иного“. Впрочемъ, текстъ толкованія изъ Псалтири Максимъ Грека заимствуется здѣсь не буквально, а въ переработкѣ.

ныхъ еще изъ начальнаго періода славянской письменности—толкованіе на Псалтирь блаженнаго Ѳеодорита и толковая Псалтирь псевдо-Аѳанасія. Какъ пользовался Курбскій своими источниками, это еще не изслѣдовано. Можно говорить только, что подъ руками автора были латинскіе тексты. Чтеніе псалтирнаго текста — близко къ напечатанному въ Острожской Библіи. Языкъ толкованій—церковно-славянскій, съ юго-западно русскими особенностями.

Но трудъ князя Курбскаго интересенъ и важенъ не только по широкому, исчерпывающему замыслу, а главнымъ образомъ по живому, охватывающему его чувству современности. Онъ весь приспособленъ и направленъ къ удовлетворенію насущной потребности того времени—огражденію православія отъ натиска соцініанства.

Мы уже видѣли въ числѣ западно-русскихъ переводовъ библейскихъ книгъ соцініанскія произведенія. Это—слабый отголосокъ энергичной и вліятельной соцініанской пропаганды въ юго-западной Руси, во второй половинѣ XVI вѣка. Въ общественной и государственной жизни юго-западной Руси соцініанство представляло молодую и вліятельную силу. Проникшее изъ западной Европы, въ половинѣ XVI вѣка, въ Польшу, раціоналистическое ученіе о единствѣ Божества, въ противовѣсъ христіанскому догмату о троичности Лицъ въ Богѣ, скоро успѣло привлечь на свою сторону значительную часть польскаго, затѣмъ русскаго общества русско-литовскаго государства, замѣнило собою существовавшее до того времени увлеченіе кальвинизмомъ и, подъ руководствомъ Фавста Социна, вылилось въ опредѣленную систему, въ крайней своей формѣ близкую къ противохристіанскому ученію жидовствующихъ. Предстояла надобность защищать основные догматы христіанства. И Толковая Псалтирь Курбскаго выразительно и энергично уясняетъ ученіе о божествѣ Іисуса Христа, о Его равенствѣ съ Богомъ Отцомъ, о второмъ пришествіи, о природѣ человѣка—однимъ словомъ даетъ цѣлую воодушевленную апологію христіанскаго ученія противъ современныхъ противниковъ церковной догмы. Псалтирь и древнія толкованія на нее послужили только удобной канвой для вызваннаго жизнью апологетическаго выступленія.

Дѣятельность князя Курбскаго, въ области библейскихъ текстовъ, повидимому, проявилась еще въ переводѣ или переработкѣ толковаго Апостола (Московской синодальной

библіотеки № 102 (10), XVII вѣка, бѣлорусскаго письма, *Горскій* и *Невоструевъ*, II, 1, 177). Здѣсь, какъ и въ Псалтири, къ древнему основному славянскому переводу сдѣланы дополненія изъ другихъ, преимущественно отеческихъ источниковъ; среди этихъ источниковъ встрѣчаются имена (въ Дѣяніяхъ апостольскихъ)—Ипполита, Евсевія Памфилейскаго, Ѳеодорита, *инаго*, *отъ силогизмы*, (въ посланіяхъ ап. Павла) — Іоанна Златоустаго (въ большихъ извлеченіяхъ), Григорія Омиритскаго, Іоанна Дамаскина, Анастасія Синаита, мученика Копрія, мученика Патермуѳія, Ѳеодора Студита, Василія Великаго, *инаго*, Аѳанасія Александрійскаго, Іустина мученика, старца Іоаческаго (=Меѳодія патарскаго), Макарія Египетскаго, Дидима, Никиты Ираклійскаго, Исаака Сирина, Григорія Богослова, Малахіи, Петра, патріарха антіохійскаго, Косьмы Индикоплевста, *Григорія Россійскаго*. Апостольскій текстъ близокъ къ Острожскому изданію. Толкованія носятъ полемическій характеръ. Обработка произведена при посредствѣ латинскихъ источниковъ. Все это рѣшительно сближаетъ эти толкованія Апостола съ толкованіями Псалтири [1]). Н. П. Поповъ высказалъ предположеніе, что свою Псалтирь Курбскій могъ предназначить для Слуцкаго братства, которое стояло во главѣ борьбы съ социніанствомъ. Съ этою цѣлью онъ вооружалъ свой трудъ всѣми доводами, какіе могли оказаться пригодными въ дѣлѣ братскаго наученія. Толковой Апостолъ могъ служить этой цѣли еще лучше. Въ социніанскихъ школахъ обученіе носило конфессіональный характеръ. Въ значительной степени религіозныя свѣдѣнія въ этихъ школахъ преподавались посредствомъ толкованія посланій апостола Павла (это извѣстно, напр., относительно Пинчевской социніанской школы). Дѣло естественнаго благоразумія требовало отъ православныхъ дать, въ соотвѣтствіе этому, *свое* толкованіе Павловыхъ посланій. И ученый трудъ князя Курбскаго по толкованію Апостола въ духѣ православія удовлетворяетъ этой потребности наилучшимъ образомъ.

Другой видъ апологетическихъ изъясненій Св. Писанія, широко распространенный въ это время (XVI—XVII вв.) — *Учительныя Евангелія* — стоялъ еще дальше отъ непосред-

---

[1]) Курскій имѣлъ намѣреніе перевести толкованія І. Златоуста на посланія ап. Павла (Новый Маргаритъ; Посланіе къ Марку Сарыгозину, Сказанія, стр. 225).

ственнаго вида священнаго текста, чѣмъ толкованія, собранныя княземъ Курбскимъ. Задача выяснить ближайшій смыслъ Евангелія въ это время, какъ и ранѣе, предоставлена была *толковымъ Евангеліямъ*. Уясненіе Евангелія по толкованіямъ Ѳеофилакта Болгарскаго введено было въ церковный уставъ и относилось къ ряду уставныхъ чтеній. Но, не смотря на это, въ юго-западной Руси наибольшее вниманіе сосредоточивалось на прикладной сторонѣ евангельскаго ученія, на болѣе подвижныхъ и болѣе связанныхъ съ современною жизнью поученіяхъ Учительнаго Евангелія. Изъ всѣхъ видовъ уясненія и проведенія въ жизнь библейской истины Учительное Евангеліе съ половины XVI в. и до второй четверти XVII в. было самымъ распространеннымъ и самымъ любимымъ литературнымъ типомъ. Оно не только читалось дома, но составляло книгу церковныхъ поученій и, при недостаткѣ живого слова, замѣняло собою церковную проповѣдь. Его служба дѣлу религіозно-нравственнаго просвѣщенія Руси, за указанное время, незамѣнима и несравнима. Это былъ самый удачный синтезъ евангельскаго ученія въ учительной формѣ, какого нельзя указать въ соотвѣтствующей русской литературѣ ни ранѣе, ни позднѣе.

Литературная исторія Учительнаго Евангелія наукой не разработана. Старый переводъ Учительнаго Евангелія съ греческаго собранія поученій константинопольскаго патріарха Каллиста на церковно-славянскій языкъ появился въ 1343 или (по менѣе достовѣрному показанію) 1407 годахъ [1]). Въ этомъ

---

[1]) Есть двѣ редакціи славянскаго перевода учительнаго Евангелія патріарха Каллиста (по греческимъ спискамъ патріарха Филоѳея)—одна Троицк. Л. № 99, другая Троицк. Л. № 100. Евангельскій текстъ перевода сходенъ съ чтеніемъ т. наз. перевода святителя Алексія. Былъ ли переводъ Учит. Евангелія Іоанна Златоустаго, и что это за Уч. Еванг. Златоустаго (А. И. Соболевскій, Перев. литер., стр. 5), намъ неизвѣстно. Намъ извѣстенъ списокъ Учительнаго Евангелія съ именемъ Іоанна Златоустаго—Моск. Архива Мин. Иностр. Дѣлъ № 607/1115, но сравненіе его со спискомъ Уч. Еванг. Каллиста—того же собранія № 650/1161 показываетъ, что между ними нѣтъ существенной разницы: подъ именемъ Златоуста помѣщено тоже самое Евангеліе Каллиста. Различіе ограничивается тѣмъ, что № 607/1115 не имѣетъ 1) поученія Кирилла Туровскаго на Вознесеніе Господне (ср. л. 82 и № 650/1161 лл. 83 — 84), 2) третьяго поученія на день новаго года: Многыя и различныя нравы далъ є̑ на҃ БГ̑ (ср. л. 223 об. и 650/1161 лл. 238—240 об.), 3) поученія на память Козьмы и Даміана: Во врѣмя оно призвавъ Іс̑ двоюнадесять

переводѣ Учительное Евангеліе на Руси было хорошо извѣстно: списки начинаются со второй половины XV вѣка (Уваров. 1457 г.), Общ. Люб. Др. Письм. № 90, 1464 г.; Дерманскаго мон., въ Волынскомъ древлехран., № 382, 1469 г.; Императ. Публ. библ. 1471 г.; Синод. б. № 209 (76) XVI в.; болгарскій списокъ извѣстенъ отъ 1346 г.) [1]; вообще этихъ списковъ до XVII вѣка извѣстно очень много. Ясно, что Учительное Евангеліе было народной церковно-учительной книгой. Рукописи представляютъ множество передѣлокъ и приспособленій къ условіямъ языка, мѣста и времени. Однихъ южно-русскихъ списковъ проф. Перетцъ указываетъ до 50.

Это разнообразіе списковъ Учительныхъ Евангелій отразилось и на печатныхъ изданіяхъ этой книги. И печатныя изданія были различны. Первое печатное изданіе появилось въ 1569 году, въ Заблудовѣ, по мысли литовскаго гетмана Григорія Александровича Ходкевича, съ цѣлію, чтобы оно читалось въ храмахъ Божіихъ «во всякую недѣлю, на поученіе христоименитымъ людемъ, ко исправленію душевному и тѣлесному». Мысль эта внушена была Ходкевичу Иваномъ Ѳедоровымъ, первымъ московскимъ печатникомъ, которому и принадлежитъ исполненіе этого изданія. Въ Евангеліи содержится 77 словъ; въ числѣ ихъ находится слово Кирилла Туровскаго на вознесеніе Господне. Языкъ обычный церковно-славянскій, съ незначительными отличіями западно-русскаго свойства. Изданіе это было повторено въ 1595 г. въ Вильнѣ, у Мамоничей, и въ третій разъ переиздано въ 1606 году, въ Крилосѣ, у Гедеона Балобана; въ этомъ изданіи въ первый разъ Учительное Евангеліе

оуч҃нкъ свои҃ (ср. л. 234 и 650/1161 лл. 254—259). Въ собр. уч. Уварова 4 списка Учит. Ев. носятъ имя І. Злат., но также безъ всякаго права. Объ Учит. Ев. Архангельскій. Очерки по исторіи зап.-рус. литер. XVI—XVII в. 1888, стр. 128—131; Къ изуч. др.-рус. литер., Спб. 1888, стр. 64. Ю. И. Тиховскій: Извѣстія XII археол. съѣзда въ Харьковѣ 1902 г., стр. 169—170, и Труды XIV археологич. съѣзда въ Черниговѣ, т. III, стр. 124—125. Отдѣльными вопросами объ Учит. Ев. интересовались: В. П. Адріанова, Учит Ев. патр. Филоѳея, Отчетъ объ экскурсіи въ Житомиръ, Кіевъ, 1911, стр. 99 сл.; А. В. Багрій, Григорское Уч. Ев., Отчетъ объ экскурсіи въ Житомиръ, стр. 142—146; С. И. Масловъ (о печ. изд. Уч. Ев. 1619 г.)— Труды XIV археол. съѣзда; А. И. Яцимирскій, Русскій переводъ воскреснаго Евангелія, Изв. Отд. рус. яз. и слов. Имп. Ак. Н. 1899, II.

[1]) Сырку, Къ исторіи исправленія книгъ въ Болгаріи, т. I, ч. I, стр. 473.

приписано патріарху Каллисту. Это Учительное Евангеліе принято было и для московскихъ изданій 1629, 1633, 1639, 1652, 1662, 1686, 1697 и 1707 годовъ. Съ изданія 1652 г. были сдѣланы раскольническія изданія: въ Вильнѣ 1782 года, въ Клинцахъ 1785 г., въ Супрасльскомъ монастырѣ 1790 года. Есть перепечатки старообрядческія и единовѣрческія и новаго времени.

Издано было это Учительное Евангеліе и въ южно-русскомъ, довольно тяжеломъ переводѣ въ 1616 году виленскимъ братствомъ въ Евю, а затѣмъ въ 1637 году въ Кіевѣ.

Другой видъ Учительнаго Евангелія представлялъ трудъ іеромонаха *Кирилла Транквилліона*, изданный въ первый разъ въ Рахмановѣ (мѣстечко Волынской губерніи), въ 1619 году. Это — самостоятельный сборникъ поученій (всего 80), на южно-русскомъ языкѣ, написанный съ большою живостью и отзывчивостью къ запросамъ времени, между прочимъ, съ обличеніемъ «аріанъ и понурцовъ», т. е. перекрещенцевъ, социніанъ. Назначалось Учительное Евангеліе Транквилліона для церковнаго и домашняго наученія: «достоитъ сию книгу душеспасительную не токмо въ церкви, но и въ дому своемъ имѣти всякому правовѣрному христианину. Почитай часто, поучайся въ законѣ Господни день и нощь и разумѣй истину». На юго-западѣ Руси Евангеліе Транквилліона имѣло значительное распространеніе: оно извѣстно и въ рукописяхъ и въ рядѣ изданій (Уневъ, 1686, 1696; Могилевъ, 1697) [1]. Но въ Москвѣ властями оно было встрѣчено враждебно. Московскій патріархъ и царь къ литовской печати относились неодобрительно и указомъ отъ 21 декабря 1627 г. повелѣли всѣ «книги его Кириллова слогу отобрать и сжечь»; причина этого въ царскомъ указѣ отмѣчалась въ «ересяхъ и супротивствахъ древнимъ учительнымъ Евангеліямъ» [2]. Учительное Евангеліе было сожжено въ количествѣ 60 экземпляровъ. Авторъ его отъ обиды и огорченія перешелъ въ унію

---

[1]) Есть рукопись Уч. Евангелія Кирилла Транквилліона въ библ. СПБ. дух. акад.—№ А 1/96, XVII—XVIII в.

[2]) Собраніе госуд. грамотъ и договоровъ, ч. III, М., 1822, стр. 298. Есть неопредѣленность въ нѣкоторыхъ выраженіяхъ Уч. Ев. Кирилла Транквилліона объ исхожденіи Св. Духа, но, разумѣется, никакихъ ересей и супротивствъ не было. Могъ рѣзать московское ухо, сверхъ кореннаго предубѣжденія къ южно-русскому православію, непривычный южно-русскій языкъ.

и умеръ въ 1646 году въ санѣ уніатскаго архимандрита, въ Черниговѣ.

Впрочемъ, не смотря на строгое осужденіе книги, за ея еретичество, Учительное Евангеліе Кирилла Транквилліона пользовалось въ московской Руси большою извѣстностью и большимъ уваженіемъ. Неизвѣстный русскій проповѣдникъ конца XVII в. (изъ г. Орла, Пермской губ.), оставившій послѣ себя сборникъ поученій подъ именемъ *Статиръ*, говоритъ о себѣ въ предисловіи, что онъ «съ особеннымъ усердіемъ читалъ книгу Кирилла Транквилліона, нѣкоторыя же мѣста изъ его поученій даже выучивалъ наизусть» и что образцомъ сочиненія и слога была для него книга премудраго Кирилла Ставроменійскаго. «Она освѣщала меня, какъ свѣтильникъ». Упоминаетъ онъ и о томъ, что она была въ большомъ ходу и у читателей: «я составлялъ свои поученія для того, чтобы не наскучить тѣмъ, которые читали уже книгу Кирилла» [1]). Извѣстно, что высоко цѣнилъ и часто читалъ Учительное Евангеліе Кирилла Транквилліона архіепископъ Аѳанасій Холмогорскій.

Съ меньшимъ характеромъ цѣльности и значенія выступаютъ въ XV—XVI вѣкахъ особыя *компиляціи библейскихъ толкованій* и библейскихъ изреченій, связанныя въ своей основѣ не послѣдовательнымъ текстомъ Библіи, а единствомъ вложенной въ нихъ идеи. Уясненіе толкованій не входитъ въ нашу задачу, но поскольку толкованія являются жизненнымъ примѣненіемъ священнаго текста, постольку упоминаніе о нихъ умѣстно и даже необходимо въ историческомъ обзорѣ библейскихъ текстовъ. Начало этихъ компиляцій относится къ древнѣйшему періоду славянской письменности и стоитъ въ связи съ разнообразными византійскими собраніями текстовъ. Эти тексты сопровождались толкованіями или просто уясняли намѣченную идею однимъ своимъ спеціальнымъ подборомъ. Объединительнымъ звеномъ этихъ текстовъ были частію нравственно-практическія истины, какъ смиренномудріе, любовь, бѣдность, частію догматико-полемическія наставленія, преимущественно убѣжденіе жидовина въ истинности христіанства;

---

[1]) Русскій проповѣдникъ XVII вѣка, прот. І. Яхонтовъ, СПБ. 1883; Тр. К. Д. Ак. 1861, I, ст. Малышевскаго, „Русскій приходскій священникъ—проповѣдникъ XVII в.“ Ср. Богосл. Вѣстн. 1912, ноябрь, протоколы Сов. Моск. дух. ак., стр. 178—182, отзывы о канд. сочин. студ. *П. Алексѣева* на тему о „Статирѣ“.

иногда такими объединительными центрами являлись имена авторитетныхъ въ церкви лицъ, какъ св. Аѳанасій Великій Григорій Богословъ. Примѣрами такихъ собраній библейскихъ текстовъ (иногда съ значительнымъ преобладаніемъ въ нихъ толкованій) могутъ служить Пандекты Антіоха, извѣстные въ рукописяхъ съ XI вѣка, собраніе изреченій въ Святославовомъ Изборникѣ 1073 г., въ «Пчелѣ», вопросо-отвѣты Аѳанасія, Анастасія Синаита, Словеса избранна Григорія Ѳеолога. По своему замыслу эти собранія были спеціальными разсужденіями того времени на данную богословскую тему, или вѣрнѣе трактатами въ духѣ отдѣловъ позднѣйшей схоластической summae theologiae — своего рода верхъ богословскаго, библейско-экзегетическаго творчества. Начавшись переводами, эта литература получила у насъ, на Руси, дальнѣйшее самостоятельное развитіе. Видные слѣды этого развитія замѣтны съ XIII в. (Толковая Палея, Изборникъ XIII в., Публ. библ. № 18). Въ слѣдующіе вѣка дѣятельность эта продолжалась, и въ XV—XVI вв. проявилась въ значительной формѣ. Характернымъ образцомъ толкованій XVI в. можетъ служить сборникъ Главнаго Московскаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ XVI в. № 478 — 958, а изъ толкованій съ опредѣленнымъ историческимъ происхожденіемъ — Просвѣтитель Іосифа Волоцкаго. Компиляціи эти приспособлялись къ потребностямъ и средствамъ эпохи и отражали ея наиболѣе крупные запросы и соотвѣтствующіе отвѣты [1]).

Вотъ какъ построена одна довольно стройная противоіудейская компиляція этого рода, очень популярная со второй четверти XV в. и до конца XVI в.—*Словеса святыхъ пророкъ*. Произведеніе это было разсмотрѣно и издано нами въ особой статьѣ [2]), поэтому здѣсь мы ограничимся указаніемъ только общихъ наблюденій и выводовъ изъ этой статьи. Изученіе памятника основывалось на изученіи 8 списковъ XV—XVII вѣковъ и привело къ уясненію значительнаго раз

---

[1]) Научное уясненіе этой области только начато историко-литературной разработкой отдѣльныхъ вопросовъ. О Пчелѣ—*М. Н. Сперанскій* Переводные сборники изреченій въ славяно-русской письменности. Изслѣдованіе и текстъ. М. 1905. Мочульскій, Слѣды народной Библіи в славянской и въ древне-русской письменности. Одесса, 1893 и др.

[2]) Труды славянской коммиссіи Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, т. IV, М. 1907. Отд. отт. „Словеса святыхъ пророкъ-противоіудейскій памятникъ по рукописи XV вѣка“, М. 1907, стр. 1—4

нообразія въ ихъ составѣ, что свидѣтельствуетъ о большемъ интересѣ и живучести памятника въ XV—XVI вѣкахъ. Можно видѣть, что интересъ этотъ стоялъ въ связи съ соотвѣтствующими противоцерковными теченіями—ересью жидовствующихъ въ XV в. и въ нѣкоторыхъ пунктахъ сходнымъ съ нимъ—социніанствомъ въ XVI вѣкѣ [1]).

Памятникъ возникъ не въ это время. Въ основѣ своей онъ извѣстенъ въ XIII в.; въ послѣдующее время онъ дополнялся матеріалами хронографическими, эсхатологическими и полемическими. Послѣдній слой дополненій въ средѣ указанныхъ списковъ можно указать въ заимствованіяхъ изъ польскихъ печатныхъ книгъ [2]).

Въ нижнихъ, болѣе раннихъ наслоеніяхъ «Словесъ святыхъ пророкъ» видны полемическія убѣжденія жидовина, мессіанскія раскрытія—частію при посредствѣ церковныхъ пѣснопѣній—пророческихъ ветхозавѣтныхъ писаній, такія же уясненія апокрифическихъ пророчествъ—Соломона (о чашѣ), Наѳана, Ездры и Моисея, хронографическія и эсхатологическія сопоставленія библейскихъ пророческихъ повѣствованій.

Содержаніе «Словесъ святыхъ пророкъ» представляетъ стройное и воодушевленное убѣжденіе невѣрующаго жидовина въ истинахъ Боговоплощенія, спасенія міра чрезъ пришествіе

---

[1]) Списки своимъ происхожденіемъ преимущественно связаны съ юго-западною и западною Русью. Списокъ библіотеки Импер. Ак. Н. № 22, собранія Яцимирскаго, писанъ дьякомъ Колядою, по повелѣнію игумена—новгородца Ефрема, въ Луцкѣ, въ 1462 году; списокъ Кіево-Михайловскаго монастыря № 493/1655—„Приточникъ Васка писаря пана Миколаа Радивиловича, въ лѣто 1483 года“; списокъ библіотеки графовъ Красинскихъ, въ Варшавѣ, XVI—XVII вв.; къ нимъ можно присоединить, сверхъ указаныхъ въ статьѣ, списокъ архидіакона Евстаѳія, писанный въ Супрасльскомъ монастырѣ въ 1580 году (Импер. Публ. Б. I, 1. 29). Всѣ эти списки безспорно западно-русскаго происхожденія. Всѣ остальные списки также въ той или иной мѣрѣ носятъ свидѣтельства своего западно-русскаго происхожденія.

[2]) Въ супрасльскомъ спискѣ 1580 года, послѣ изложенія важнаго полемическаго пункта—толкованія пророчества Даніила о 70 седминахъ, находимъ такую ссылку: „уже до сего часу яко онъ виделъ, пророчеству его мало не двѣ тисячи лѣтъ по сей годъ, яко въ насъ пишутъ теперь по Рожествѣ Христовѣ 1578. Во сія книжка и исторія о васъ жидехъ собраны и описаны въ томъ року предреченомъ 1578, а отъ Адама 7086“. Что это за книжка съ исторіями о жидехъ, видно изъ дальнѣйшей замѣтки въ той же статьѣ (л. 192 об.): „въ року 78 знайдохомъ у книгахъ друкованыхъ (на полѣ: езоитовъ) краковскихъ“...

на землю Іисуса Христа, отверженія и расточенія Богомъ іудеевъ. Вразумленіе ведется на почвѣ истолкованія пророческихъ мѣстъ изъ писаній Соломона — книги Притчъ, Пѣсни Пѣсней, Екклесіаста, Псалтири Давида, пророка Исаіи, Даніила, апокрифическихъ пророческихъ изреченій Соломона, Наѳана, Моисея, а также чрезъ сопоставленіе съ этими писаніями историческихъ повѣствованій Еллинскаго лѣтописца. Въ частности рѣчь идетъ въ такомъ порядкѣ и съ такими доказательствами.

Изъ писаній Соломона [1]) можно видѣть божественность и домірное рожденіе Сына Божія: «прежде созданія земли, прежде основанія горъ былъ Я, подобный Богу: говоритъ это устами Соломона Сынъ Божій». И видимымъ образомъ закрѣпилъ Соломонъ сaое указаніе на Спасителя. Устроилъ Соломонъ чашу [2]) изъ доски скрпжальной, «изъ камени самфира», и на трехъ сторонахъ чаши пророчески изобразилъ въ надписи судьбу имѣющаго явиться въ міръ Спасителя—его рожденіе отъ Дѣвы, установленіе причащенія, страданіе, смерть и воскресеніе. Далъ Соломонъ предсказаніе и о созданіи Церкви христіанской [3]), опирающейся на семь столповъ, т. е. крещеніе, покаяніе, «спасеніе, мудрость, щедроты, любовь, миръ», или «на 7 зборъ отецкихъ».

Ясно и выразительно говорилъ о Христѣ въ царствованіе Давидово Наѳанъ пророкъ: «видѣхъ. рече, дѣвицю, держаще младенецъ безъ посяга мужеска». Но особенно глубоко и убѣдительно пророчествовалъ о Христѣ Исаія [4]), вѣщая о высокомъ божественномъ достоинствѣ Спасителя и величайшемъ Его смиреніи. Предвидѣлъ Исаія и будущія отношенія въ средѣ послѣдователей Христовыхъ: телецъ, левъ и унецъ вкупѣ напасуться, говорилъ пророкъ (Ис. 11 6), и это ты можешь видѣть въ дѣйствительности: телецъ—перѣи вся безлобивии, простыи человѣкъ: теля бо гнѣва не имать, ни насилия, тѣмъ къ теляти подобить я. Льва же царя наричаетъ, а уньца—лютого, якоже нашь властитель...—преже бо унецъ ярокъ и лютъ, тако волостителеве злиі и бояре люти і опалчивиі.

---

[1]) Ссылка на Притч. 8_{22} и сл. [2]) Притч. 9_2. [3]) Притч. 9_1—$_{11}$.
[4]) Ис. 11_1—$_{11}$.

По окончаніи всѣхъ пророчествъ, начало возвышаться римское царство, зародившееся въ западныхъ странахъ во время іерусалимскаго царя Езекіи. И вотъ при царѣ Августѣ наступила гибель народа іудейскаго. Августъ послалъ въ Римъ Помпія; Помпій поработилъ Іудею, отослалъ въ Римъ первосвященника и вождя іудейскаго Аристоула, брата Оеркана,— властителемъ надъ Іудеею посаженъ былъ иноплеменникъ Иродъ. Окончилось іудейское святительство и царство. Исполнились пророчества—Даніила [1]) о четвертомъ страшномъ всегубительномъ звѣрѣ — царствѣ римскомъ и Іакова [2]) о вождяхъ изъ колѣна Іудина до явленія Мессіи; настало время явленія въ міръ Мессіи, и Онъ пришелъ въ міръ въ 42-е лѣто Августа и 33-е лѣто Ирода, соединивъ въ себѣ царское и іерейское достоинство. Съ пришествіемъ Мессіи, обѣщаннаго пророками, не нуженъ сталъ народъ іудейскій, не принявшій Его. Поэтому Онъ васъ отвергъ, сдѣлалъ рабами всѣмъ народамъ, а насъ возвысилъ: прекратилъ духъ пророчества, такъ какъ исполнилось то, чего ожидали.

Вникни, жидовине, глубже въ слова всѣхъ пророчествъ. Вѣдь всѣ пророчества раскрываются и становятся вразумительными, если признаешь Христово пришествіе, и совершенно неудобопонятны, если будешь упорствовать. Остановись на исчисленіи временъ у пророка Даніила [3]): семьдесятъ седьминъ неизбѣжно приведутъ тебя ко Христу. Разсмотри что такое «шестьдесятъ сильныхъ у одра Соломона» [4]), и ты уразумѣешь, что это шестьдесятъ родовъ отъ Адама до Христа. Разсмотри исчисленіе родовъ Моисеево [5]) и ты придешь къ исчисленію Матѳееву [6]).

Вникни въ писанія всѣхъ пророковъ до самаго послѣдняго — Іезекіиля, Ездры, Малахіи, Наума, Соѳонія, Аввакума, Аггея, Захаріи—не во всѣхъ ли ихъ ты увидишь осуществленіе словъ великаго вашего законодавца Моисея: се азъ послю, рече, глаголетъ Господь, духъ сыновьства отъ дѣвы без рала, и без сѣмени мужеска, родить младенецъ.

Для характеристики пріемовъ противоіудейскаго толкованія приводимъ обличеніе жидовина въ неправильномъ пони-

---

[1]) Дан. 7 гл. [2]) Быт. 49$_{10}$. [3]) Дан. 9 гл.
[4]) Пѣсн. Пѣсн. 3 гл. [5]) Быт. 5 и 11 гл. [6]) Мѳ. 1 гл.

маніи пророчества о седмицахъ Даніиловыхъ (Дан. 9, 25, 26) и изъясненіе этого пророчества, составленное главнымъ образомъ на основаніи наставленій Іакова Жидовина [1]).

«Разумѣи же, іюдею, иж пророчество данилово о Христе совершилоса о вѣчномъ вашомъ престанію закона. Глагола ему Гавріилъ архангелъ о лѣтехъ пришествіа Христова: *от исхожденіа слову отвѣщатиса и еже создатиса Іерусалиму до Христа владыки седмиць седмъ и седмиць шестьдеса̀т и двѣ* [2]). Се(му) сказаніе тым седмицам, четыриста осмьдеса̀т и три лѣта. Седмица же не днемъ глаголетса, ниже мѣса̀цемъ, но седмица лѣтомъ. По тыхъ, рече, лѣтехъ, *потребитса помазаніе, и суда не будетъ въ немъ, и градъ и свѧтое растлитса приходѧщу вожоу* [3]). Скончающибоса онымъ предреченнымъ седмицамъ, сиреч четырем стомъ осмьдеса̀т третему лѣту, пріиде Христос и родиса во Виѳлеоме, *чаніе и спасеніе языкомъ* [4]), при Ироде и цесари Августе, и Ростовилу, вашему вожу, с чады и жоною, от Помпія, воеводы римскаго, и святыи град, и церковь, и люди и всѣх вожеи вашихъ, пленену бывшу, и во священную одежду жреческую вашу Ироду оболъкшуса, и вса ваше поругавше, и тако преста ваша власть іюдеиская.

Отнележе Христосъ пришол, *надѣя и спасеніе языком*, яко пророкъ, такъ ни одинъ вожъ не показаса у вас: жертвы и вса свѧтая в конець вѣчне престаша. Правда, жиде, иж тые лѣта, яко Данилъ виделъ, минули. Кое ж ваша надѣа; *Машіякъ* [5]) жидовскіи пришол, и кого другаго ожидаете прити вожа, точію вашего Машіяка отъ Данова колѣна, егоже їаковъ патріархъ змием именова: *видехъ*, рече, *змію, на пути лежащу, емлюща коня за пѧту: сѣде конь на заднюю ногу, и спадеса коньникъ* [6]), и сотвори брань съ свѧтыми. Но о семъ толкованіе скажемъ опосле.

Слыши и наклони ухо свое, жидовине, яко нашъ вож, Іисус Христос, нас, языков, вѣрующихъ в него, впасе и на-

---

[1]) Супрасльскій сборникъ 1580 г. Публ. библ. № I, 1. 29, л. 143 об.—145. Противоіудейское обличеніе издано А. Поповымъ, Чт. О. И. Др. Р. 1879, I, стр. 4—5.

[2]) Дан. 9_{25}. [3]) Дан. 9_{26}. [4]) Быт. 49_{10}, $_{18}$. Лк. 3_{30}, $_{32}$.

[5]) Такъ въ полемической противоіудейской письменности именуется антихристъ.

[6]) Быт. 49_{17}.

дѣющихсѧ на него, в плененіе іерусалимское отъ Еусписияна и Титуса, отъ римлянъ избавилъ. Повелѣ бо Христіаномъ отити на ону страну Іордана, въ Пельле глаголемеи стране жити. Вас же въ расхищеніе и погибель преда и в полонъ поведоша, а во Пельлу ниже приближишасѧ к вѣровавшим Христу: бѧху бо блюдоми от Свѧтаго Духа.

Но мы паки возвратимсѧ на сказаніе пророка Данила, какъ Христа сказует судію всему міру, живымъ и мертвымъ, и всѧкому поколенію: *видех в виденіи нощнем, и се на облацех небесных яко сынъ человѣчъ градыи и до ветхаго деньми достиже, и тому дано бысть начало, и честь, и царство, и всѧ колѣна языцы поработают ему, и царство его царство вѣчно, еже не истлѣет, и царство его иному не останетсѧ* [1]). Слышиши ли, жидовине, яко Господь нашъ Іисусъ Христос на облацехъ во способе человѣчи придет судити, и ему дана бысть власть вѣчная, яже не подвижитсѧ на вѣкы, царство его вѣчно не растлитсѧ, иному не останетсѧ.

А ты, жиде, надѣешисѧ на прелестника своего Машияка, еже есть антихристъ, иж онъ вас зберет до Іерусалима, обновит жертвы ваша и храмъ воздвигнет. Прелщаешисѧ: уже бо пророчество іѧковле исполнилосѧ: пришло *чаяніе языкомъ*.

И запечатлѣшесѧ видѣніе данилово, по вьказанію ангелову ему, запечатлѣти виденіѧ пророчество отъ онаго часу, четырех стех осмидесѧт и трех лѣтех. Ото ж виденіе исполнилосѧ, и запечатлѣв Христос своим явленіем его пророчество. Уже до сего часу, яко он видел, пророчеству его мало не двѣ тысячи лѣт по сеи годъ, яко въ нас пишут теперь, по рожествѣ Христовѣ, 1578».

Нельзя не видѣть, что своеобразный, эпизодическій способъ толкованія библейскихъ мѣстъ давалъ хорошую канву для надлежащихъ сближеній и доступныхъ соображеній, а полемическій тонъ по существенному и живому для христіанства вопросу поддерживалъ жизненный интересъ къ духу Св. Писанія, чего такъ не достаетъ сплошнымъ ученымъ толкованіямъ. По сравненію съ систематическими, особенно переводными отеческими толкованіями, здѣсь, разумѣется, былъ недостатокъ: здѣсь не было полноты и цѣльности представленія о библейскомъ текстѣ, здѣсь могли быть искусственно привлеченные доводы и соображенія. Мы уже видѣли, что въ

[1]) Дан. 7_{13-14}.

«Словесахъ», на ряду съ каноническими писаніями, изъясня лись очень не высокіе по достоинству апокрифы. Но, привсемъ этомъ, свобода и сравнительная жизненность составляютъ столь видное преимущество этихъ посланій, что какъ первый самостоятельный опытъ толкованій, эти полемическіе трактаты имѣютъ для исторіи и литературы не меньшее значеніе, чѣмъ тогдашніе святоотеческіе переводы. Здѣсь мы наблюдаемъ крайне рѣдкіе въ этой области собственные робкіе шаги русскихъ изъяснителей Библіи.

Такимъ же полемическимъ характеромъ отличаются и немногія изъяснительныя произведенія съ именами авторовъ XVI столѣтія. По существу эти произведенія — полемическіе трактаты богословскаго характера; всѣ онѣ относятся или къ тому же жизненному подъему того времени—ереси жидовствующихъ (Просвѣтитель Іосифа Волоцкаго) или къ подобнымъ этому движенію религіознымъ заблужденіямъ XVI вѣка (Зиновій Отенскій). Наиболѣе яркій расцвѣтъ полемической литературы относится къ XVI—XVII вв. западно-русской жизни. Къ нему мы вернемся нѣсколько позднѣе.

Болѣе могучее и прочное значеніе, въ качествѣ оплота не только церковно-славянскихъ библейскихъ текстовъ въ юго-западной Руси, а и всего церковнаго уклада, даже самого существованія православія, имѣло изданіе полной славянской Библіи, въ гор. *Острогѣ*, въ 1581 году. Оно явилось по мысли знаменитаго въ исторіи защиты православія въ концѣ XVI в., въ литовской, юго-западной Руси, князя Константина Константиновича Острожскаго. Его цѣлью было оградить православную церковь отъ главнаго врага тогдашняго юго-запада—социніанства, отъ тѣхъ лжеучителей, которые о божествѣ Сына Божія «злохулно съ Аріемъ исповѣдати дерзаютъ» (предисловіе Острожск. Библ.). Уже по обилію социніанскихъ переводовъ библейскихъ книгъ, о чемъ мы указывали, можно судить, что натискъ этотъ на юго-западъ былъ особенно великъ: этихъ переводовъ мы видимъ въ юго-западной Руси больше, чѣмъ какихъ-либо другихъ. Духовенство литовско-русскаго государства не имѣло ни силъ, ни склонности защищать православіе: его обязанности естественно перешли къ братствамъ и отдѣльнымъ просвѣщеннымъ ревнителямъ церкви. На ряду съ княземъ Курбскимъ († 1583), боровшимся съ социніанствомъ учеными трудами по уясненію

Библіи, православная литературная апологетика нашла себѣ пріютъ у князя Острожскаго, — и изданіе полной печатной Библіи въ 1581 г. было незамѣнимымъ завершеніемъ этой просвѣщенной дѣятельности знаменитаго патріота.

Князь Острожскій съ неизбѣжною необходимостью долженъ былъ перейти къ иному способу борьбы съ социніанами, чѣмъ логика святоотеческихъ толкованій Св. Писанія, съ какою выступалъ князь Курбскій. Социніане отвергали божественность природы Второго Лица Св. Троицы, Бога-Сына, и православному апологету выступать на защиту догмата о божествѣ Іисуса Христа съ святоотеческими доводами было болѣе, чѣмъ неудобно: источникъ этотъ въ глазахъ социніанъ вовсе не имѣлъ значенія авторитета, какой придавался ему православными. Между тѣмъ, сами еретики свое ученіе основывали на непреложномъ и для православныхъ Словѣ Божіемъ; для этой цѣли они дали нѣсколько переводовъ отдѣльныхъ частей Библіи на западнорусскомъ языкѣ. Оказывалось, что ихъ доводы покоились на болѣе прочномъ основаніи, чѣмъ возраженія защитниковъ православія. Изданіемъ Библіи князь Острожскій поражалъ еретиковъ-социніанъ ихъ же оружіемъ, притомъ въ самый неотразимой формѣ.

Была у князя Острожскаго при изданіи и общая цѣль — способствовать просвѣщенію православныхъ посредствомъ распространенія Библіи; объ этой цѣли онъ сообщаетъ въ началѣ своего предисловія, эта цѣль настоятельно выставлялась проповѣдниками ереси и была на юго-западѣ, такъ сказать, общепринятою во всѣхъ кругахъ. Ею задавались даже, какъ извѣстно, защитники католичества, по принципу не склонные къ широкому распространенію Библіи въ средѣ паствы. Князь Острожскій воспользовался Библіей, какъ просвѣтительнымъ средствомъ, также какъ примѣняли это средство окружающіе его противники. Но спеціально полемическая цѣль его изданія Библіи стояла несомнѣнно во главѣ всѣхъ его намѣреній. Это видно и изъ предисловія самого князя къ Острожской Библіи, гдѣ выясненію этой цѣли посвящено преимущественное вниманіе, и изъ второго предисловія къ той же Библіи сотрудника князя Острожскаго по изготовленію текста Библіи, Герасима Даниловича Смотрицкаго. Второе предисловіе исключительно останавливается на значеніи Слова Божія для вразумленія не утвержденныхъ умовъ хулителей Бога Слова. Этимъ частнымъ практическимъ назначеніемъ Острожской Библіи для мѣстной потребности конца XVI в. слѣдуетъ объяснить скромный тонъ

заявленій издателя этой Библіи, князя Острожскаго, отнюдь не разсчитывавшаго на постоянное значеніе своего труда, какое случайно онъ получилъ въ Москвѣ въ XVII в.

Какъ и слѣдовало ожидать отъ защитника основъ православія, князь Острожскій, пришедши къ мысли дать въ руки своимъ единомышленникамъ полную Библію, обратился къ исконному въ русской землѣ славянскому переводу. Но, какъ мы раньше видѣли изъ обзора текстовъ, обращавшихся въ юго-западномъ и западномъ краѣ, славянскихъ текстовъ всѣхъ библейскихъ книгъ онъ найти не могъ, такъ какъ ихъ не было. Свои поиски источниковъ для составленія Библіи князь Острожскій подробно и трогательно изображаетъ въ своемъ предисловіи къ Библіи. «Обаче ни дѣла зачати, ниже дѣлателеи еже творити на сіе изобрѣтохомъ, ибо и книгъ глаголемыхъ вивліа, въ зводъ сего дѣла начальствомъ не имѣхомъ дабы нашему изволенію, къ начальству сего съдѣанїѧ въ всемъ была доволна но и въ всѣхъ странахъ родѹ нашего языка словенскаго, ниже едина обрѣтесѧ съврѣшена въ всѣхъ книгахъ ветхаго завѣта. токмо отъ благочестива, и въ православіи изрѧдно сіателна государѧ, и великаго кнѧзѧ, Іоанна василіевича московскаго, и прочая. богоизбраннымъ мужемъ, михаиломъ гарабурдою, писаремъ великаго князства литовскаго. съ прилѣжнымъ моленіемъ испрошеную, сподобихомсѧ прїати съврѣшеную вивлію. з гречска языка, седмьдесѧтъ и двѣма преводники, множае пѧти сотъ лѣтъ на словенскїи преведеную еще за великаго владимера, крестившаго землю рускую. тоже і иныхъ вивлїи много изобрѣтохомъ, различныхъ писменъ и языковъ. и сихъ слѣдованіемъ испытати повелѣхомъ. аще вси съгласуютсѧ въ всемъ божественомъ писаніи. и обрѣтесѧ много различно, не токмо разньствїѧ, но и развращенїѧ. чесо ради велїе смущенїе прїѧхомъ... сего ради посланьми и писаньми своими много странъ далекихъ вселенныѧ проходѧ. яко римскїѧ предѣлы, тако и кандїскїѧ островы. паче же много монастыреи грецкихъ, сербъскихъ и блъгарскихъ. даже и до самаго апостоломъ намѣстника. и всеѧ церкве восточныа строенію чиноначалника. пречестнаго їеремїѧ архиепископа констаптипограда, новаго рима, вселенныа патрїарха, высокопрестолныѧ церкве доидохъ. требуѧ съ тщанїемъ и моленїемъ прилежнымъ. тако людїи наказаныхъ въ писанїахъ свѧтыхъ еллинскихъ и словенскихъ. якоже и изводовъ добрѣ исправеныхъ, и порока всѧкаго кромѣ свѣдительствованыхъ. и сицевымъ всесилныи

богъ по обычнои своей благости сподобитимисѧ благоизволи. книгъ бо и книгочїи якоже предречесѧ настоѧщему дѣлу пресвѧтому, по достоанїю изобрѣтохъ. с ними же купно, и съ инѣми многими наказаными добрѣ въ писанїахъ божественыхъ доволно совѣтовавъ. и съ общимъ совѣтомъ, ї изволенїемъ единомысльнымъ, звод древнѧго писанїѧ славнаго, и глубочаишаго языка, и писма еллинскаго. отъ 72 блаженныхъ и богомудрыхъ преводниковъ, на умоленїе желаемое книгорачителѧ птоломеѧ филаделфа царѧ егупетска. отъ языка евреиска во еллинскїи преведеную избрахъ. она же паче инѣх множае со евреискою и словенскою соглашаетсѧ. и сего во всемъ неизмѣнно, и несуменно послѣдовати повелѣхъ. нынѣ же благодатїю и щедротами бога вседръжителѧ съвръшенїе сподобихсѧ видѣти».

Какъ видно, для своего предпріятія князь Острожскій использовалъ всѣ, доступныя ему, средства. Въ XVI-мъ вѣкѣ, при совершенно не установившемся способѣ подобныхъ изданій, трудно указать, что еще могъ бы сдѣлать добросовѣстный издатель для полнаго изданія Библіи, предназначавшагося для удовлетворенія неотложной жизненной потребности народа.

По его словамъ, для возможно точной провѣрки текста, онъ производилъ поиски славянскихъ и греческихъ библейскихъ рукописей въ римскихъ странахъ, на кандійскихъ островахъ, въ греческихъ, сербскихъ и болгарскихъ монастыряхъ, у константинопольскаго патріарха Іереміи, у московскаго царя Ивана Васильевича Грознаго, «ища добрѣ исправленныхъ и безпорочныхъ еллинскихъ и словенскихъ рукописей». У патр. Іереміи князь просилъ и свѣдущихъ людей, пригодныхъ для дѣла изданія Библіи. Самою полною и древнею признана была полученная отъ царя Ивана Грознаго славянская Библія, «за 500 лѣтъ до того, еще до Владиміра переведенная съ греческаго текста LXX толковниковъ». Изъ сравненія всѣхъ полученныхъ въ Острогѣ библейскихъ рукописей выяснилось, что между ними «много разнствія и даже развращенія». Всѣ полученныя изъ православныхъ славянскихъ странъ рукописи и печатныя книги, какъ чешская Библія, переводъ Скорины, нѣмецкія изданія, печатный текстъ вульгаты острожскіе справщики сличали между собою и съ греческимъ текстомъ. Предисловіе упоминаетъ даже о сравненіи Библіи съ еврейскимъ текстомъ, но слѣдовъ этого сравненія немного.

По обычаю времени и по свойству изданія, источники би-

блейскаго текста въ Острожской Библіи, за исключеніемъ общей отмѣтки ихъ въ предисловіи, не указаны. Каковы же эти источники и что сдѣлано было съ ними острожскими справщиками? [1]).

На основаніи особенной похвалы въ предисловіи князя Острожскаго, по поводу полной Библіи, полученной имъ отъ Грознаго, а равно на основаніи замѣченнаго уже значительнаго сходства Острожскаго изданія съ Геннадіевскимъ сводомъ, уже давно считается признаннымъ, что въ основѣ Острожскаго изданія лежитъ Геннадіевскій или весьма близкій къ Геннадіевскому списокъ Библіи. Послѣ собственной свѣрки Геннадіевской Библіи съ острожскимъ изданіемъ, мы можемъ подтвердить это наблюденіе съ тѣмъ добавленіемъ, что въ отдѣльныхъ книгахъ геннадіевскій текстъ болѣе или менѣе подробно сопоставлялся и замѣнялся другими текстами Въ нѣкоторыхъ случаяхъ геннадіевскіе тексты замѣнены цѣликомъ новыми переводами. Въ общемъ отношеніе острожскихъ справщиковъ къ Геннадіевской Библіи было свободное. Общій ходъ измѣненій Острожской Библіи, сравнительно съ ея основнымъ текстомъ, состоялъ въ томъ, чтобы дать текстъ болѣе понятный,

---

[1]) Острожская Библія не имѣетъ спеціальнаго изслѣдованія. Отдѣльныя наблюденія надъ ея текстомъ находятся въ изслѣдованіяхъ о рукописномъ славянскомъ библейскомъ текстѣ: *Горскій и Невоструевъ*, Описаніе рукописей Синод. библіотеки, 1855, I, стр. 1—164. *Лебедевъ В.* Славянскій переводъ книги Іисуса Навина по сохранившимся рукописямъ и Острожской Библіи, СПБ. 1890, стр. 354—410. *Рождественскій*, книга Есенирь въ текстахъ: еврейскомъ, греческомъ, древне-латинскомъ и славянскомъ, СПБ. 1880, стр. 210—214. *Благовѣщенскій*, Книга Плачъ, Кіевъ, 1899, стр. 249—265. Сводное обозрѣніе острожскаго текста дано у проф. *П. А. Юнгерова*—Общее историко-критическое введеніе въ священныя ветхозавѣтныя книги, Казань, 2-ое изд. 1910, стр. 425 — 430. Обзоръ историко-литературныхъ отзывовъ и замѣчаній объ Острожской Библіи сдѣланъ *С. А. Щегловой*—Отчетъ объ экскурсіи семинаріи русской филологіи въ Житомиръ, Кіевъ 1911 г., стр. 111—119 (изъ Унив. Изв. 1911). Съ точки языка Острожской Библіи: проф. *С. К. Буличъ*, Церковно-славянскіе элементы въ современномъ литературномъ и народномъ русскомъ языкѣ, ч, I, СПБ., 1893. Проф. *П. В. Владиміровъ*, Докторъ Францискъ Скорина, его переводы, печатныя изданія и языкъ, СПБ., 1888, стр. 211—218; *Буслаевъ*, Историческая Христоматія церковно-славянскаго и древнерусскаго языковъ, М., 1861, стр. 185 - 198; *Н. Засадкевичъ*, М. Смотрицкій, какъ филологъ, Одесса 1883, стр. 114 — 116, 120 — 123. Недавно московскими старообрядцами объявлено о предпринятомъ ими переизданіи Острожской Библіи.

отсюда слова устарѣвшія замѣнялись болѣе близкими къ пониманію XVI вѣка,—болѣе полный, почему пропуски Геннадіевскаго текста въ значительной степени восполнены, и внесена въ новомъ переводѣ цѣлая книга (3-е Маккавейская),—болѣе близкій къ греческому тексту LXX, чѣмъ это оказалось въ сводѣ Геннадія; поэтому переводы геннадіевскаго свода съ латинскаго замѣнены или исправлены въ Острожскомъ изданіи по греческому тексту.

Какими славянскими текстами, кромѣ Геннадіевской Библіи, располагали острожскіе исправители, насколько намъ извѣстно, никѣмъ указано не было, а, между тѣмъ, это уясненіе имѣетъ значеніе и для исторіи славянскаго текста и для психологіи исправителей, для характеристики той атмосферы, какая царила вокругъ князя Острожскаго. Предисловіе говоритъ о поискахъ списковъ для изданія въ заграничныхъ странахъ, въ монастыряхъ греческихъ, сербскихъ, болгарскихъ и чешскихъ. Что это за тексты, привлеченные въ острожское изданіе въ дополненіе къ основному геннадіевскому тексту Библіи?

Въ книгѣ Бытія, благодаря изданію проф. А. В. Михайлова [1]), возможно легко прослѣдить отклоненіе острожскаго

[1]) Проф. А. В. Михайловъ, Книга Бытія пророка Моисея въ древнеславянскомъ переводѣ, въ 4-хъ выпускахъ, Варшава 1900—1904. Списки, содержащіе южно-славянскій текстъ въ этомъ изданіи, отмѣчены слѣдующими условными обозначеніями: Г., М., Сав., $Р_3$, т. е. Г—списокъ собранія Григоровича, въ Румянцевскомъ Музеѣ, № 1684 XVI в., М—рукописи Михановича, въ библіотекѣ Югославянской Академіи Наукъ (въ Загребѣ), XV в., Сав.—рукопись Румянцевскаго Музея, № 1431, изъ собранія Севастьянова, сербскаго письма, начала XV вѣка, $Р_3$—списокъ Румянцевскаго музея № 29, 1537 года, болгаро-валашскаго письма. Въ ближайшемъ родствѣ съ этими списками стоятъ еще двѣ юго-славянскихъ рукописи, по обозначенію изданія Михайлова, Аѳ. и Кр., т. е. Аѳ.—списокъ библіотеки монастыря св. Павла, на Аѳонѣ (р-си этого монастыря сгорѣли), и Кр.—рукопись Крушедольскаго монастыря (на Фрушкой горѣ, близъ г. Карловецъ). Вся эта группа списковъ южно-славянскаго происхожденія. Къ этой же группѣ списковъ, по особенностямъ чтеній, въ значительной мѣрѣ относится русскій списокъ Л—Пятокнижіе Троице-Сергіевой Лавры XIV в., № 1, а также въ нѣкоторыхъ случаяхъ Ар—списокъ Московскаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ № 902/1468 XV в., но эти списки представляютъ особое русское теченіе текста. Острожская Библія, знакомая съ тѣмъ и другимъ теченіемъ, въ большинствѣ случаевъ склоняется на сторону заимствованій изъ группы Г., М., Сав., $Р_3$.

текста отъ геннадіевскаго въ сторону южно-славянскихъ списковъ (чтенія Остр. текста въ изданіи не дано).

Вотъ примѣры изъ 11, 18, 35, 37 и 38 главъ книги Бытія:

11₃ илова и лаина Ген. = плинѳы Остр. Л. Г. М. Рз. Сав.

11₄,₈ сунъ Ген. = столпъ Остр. Л. Г. М. $Р_3$ Сав.

11₈ творити Ген. = творити и не престанѹтъ дондеже скончаютъ Остр., др. сп. тоже, съ небольшимъ измѣненіемъ: и нынѣ не прѣстанутъ отъ сего, елико изволишѧ творити Рз. М. Г. Сав., и нынѧ не оскудѣютъ отъ нихъ всѧ елико изволѧть створити Л., и нынѣ не уимѣтсѧ имъ все еже изволѧть творити Ар.

18₆ и потщавсѧ авраамъ Ген. = и потѫщавсѧ авраамъ въ храмину Остр., и потщасѧ авраамъ въ кущю Л. Г. М. Сав. (Рз. Ар.).

35₁₉ Ефрантъ, домъ хлѣбныи Ген. = Виѳлеемъ Остр., М. Г. Кр. Сав., въ Виѳлеемъ Рз, въ Виѳлеомѣ— Л. Ар. (А. Кз. $Р_1$).

35₂₁ израиль Ген. = иаковъ Остр., Г. Кр. Сав.

35₂₂ к҃і. сынъ лїинъ Ген. = к҃і сынове лїини Остр., Л. Ар. Г. Кр. М. Рз. Сав.

35₂₃ сынове Ген. = сынове же Остр., Л. Ар. Г. М. Р.з Сав.

35₂₆ сынове їаковли сїи Ген. = сынове їаковли еже = Остр., М. Г. Сав.,—їже Кр. Рз. Л. Ар.

37₂ овца отца своего Ген. = овца отца своего съ братьею своею Остр., съ Остр. согласенъ одинъ списокъ Л.

37₂ хулу Ген. = злу хулу Остр., Л. Ар. Г. Кр. М. Рз. Сав.

37₇ мнѧхомсѧ Ген. = мнѣхомсѧ Остр., М. Г. Кр. Сав., мнѣхсѧ Л. Ар. ($Р_2$. С).

37₁₃ утрѣ — — идошѧ Ген. = еда ли — — не пасутъ Остр., Г. Кр. М. Рз. Сав. Л. Ар.

37₃₃ снѣлъ Ген. = изѣлъ Остр., съ Остр. согласенъ одинъ списокъ Л.

38₁ Аиръ Ген. = Ирасъ Остр., Л. Ар. Г. М. Кр. Рз. Сав.

38₁₇ си же рече Ген. = сїа же рече: что ми даси еже вънидеши къ мнѣ; онъ же отвѣща Остр., Л.

Ар. Г. Кр. М. Рз. Сав., при этомъ всѣ списки, кромѣ Рз, читаютъ влѣзеши, вмѣсто внидеши.

38^{24} ужгуть Ген. = сожгуть Остр., Л. Г. Кр. М. Сав.

38^{25} пусти Ген. = посла Остр., Л. Кр. Эта же особенность слововыраженія наблюдается въ 37 $^{13. 14}$ $^{32.}$ 38 $^{17. 20}$ (здѣсь съ Остр. = Л.), $^{23.}$ Кромѣ 38 ^{20}, во всѣхъ остальныхъ случаяхъ Остр. остается въ своемъ чтеніи одинокимъ.

38^{26} прилѣпитисѧ Ген. = прилѣплѧтисѧ Остр., Г. Кр. М. Сав. Рз.

Рядъ этихъ примѣровъ изъ книги Бытія указываетъ, что для издателей Острожской Библіи въ книгѣ Бытія весьма существенное значеніе имѣли южно-славянскіе и русскіе списки особаго типа, не того, который далъ геннадіевскій текстъ книги Бытія. Списки эти слѣдующіе: южно-славянскіе Г. М. Кр. Рз. Сав., русскіе Л. Ар. Если справщики острожскаго текста и пользовались геннадіевскимъ текстомъ, то все-таки въ книгѣ Бытія они весьма часто предпочитали ему текстъ этой негеннадіевской группы текстовъ. Возможно, что своимъ основнымъ текстомъ въ этой книгѣ справщики прямо полагали чтеніе этой особой группы.

Но этими примѣрами намѣчается только общее направленіе, группа списковъ, а отнюдь не самые списки. Подробное разсмотрѣніе острожскаго текста показываетъ, что списки острожскихъ издателей были чище по своему тексту, чѣмъ дошедшіе до насъ южно-славянскіе и русскіе списки особаго состава: тѣ списки послѣдовательно выдерживаютъ свои типичныя особенности, тогда какъ нынѣ извѣстные списки, внесенные въ изданіе А. В. Михайлова, въ этихъ особенностяхъ дѣлаютъ отступленія въ сторону типа списковъ геннадіевской Библіи.

Вотъ примѣры большей послѣдовательности острожскихъ списковъ: 37 ^{24} *потокъ* Ген. = *ровъ* Остр., М. Г. Кр. Рз. Сав. То же самое слово встрѣчается въ той же главѣ— 37 $^{28, 29}$; здѣсь оно передается во всѣхъ спискахъ, включая и сейчасъ указанные, по типу геннадіевскаго чтенія *потокъ*, только Острожская Библія ставитъ послѣдовательно *ровъ*. Другой примѣръ. Въ Быт. 38, ^{12} всѣ тексты читаютъ *пастухъ его Оделамитъ*. Острожское изданіе: *пастыръ стадъ его Оделамитъ*. Собственное имя не имѣетъ разночтеній. Но то же чтеніе въ той же главѣ, въ 20 стихѣ, во всѣхъ извѣстныхъ

спискахъ воспроизводится иначе: *рукою пастуха своего Адамасита*. Собственное имя подвергнуто существенной переработкѣ. Острожское же изданіе и здѣсь точно воспроизводитъ чтеніе, данное въ 12 ст.: *рукою пастыря своего Оделамита*. Въ томъ и другомъ случаѣ Острожское изданіе сохраняетъ чтеніе *пастыря*, несомнѣнно болѣе древнее, чѣмъ *пастуха*. По этимъ примѣрамъ, текстъ Острожской Библіи опирается на болѣе исправный и древній текстъ, чѣмъ дошедшіе до насъ южно-славянскіе и русскіе списки.

На основаніи указанныхъ наблюденій, цѣлый рядъ особенностей Острожскаго текста мы ставимъ въ связь съ извѣстностью исправителямъ Острожской Библіи лучшихъ, болѣе исправныхъ и болѣе древнихъ южно-славянскихъ и русскихъ текстовъ: 35 1, 3 *требникъ* Ген. = *олтарь* Остр.; 35 14 *масло древѧное* Ген. = *елеи* Остр.; 37 25 *вонѧлищь* Ген. = *истакти* (στακτῆς) Остр.; 38 36 *рабичищь* Ген. = *евнухъ* Остр.

Къ этой же категоріи особенностей я отношу и слѣдующія характерныя слововыраженія: 35 7. 8. 10. 15. 18. *нареченъ* Ген. = *прозва* Остр., съ этимъ согласны Л и русскіе списки; 35 10 *племени* Ген. = *сѣмени* Остр.; 37 13 *ходи да тѧ пущу* Ген. = *ходи да пошлю тѧ* Остр.; 38 18 *влѣзе* Ген. = *вниде* Остр., съ этимъ совпадаетъ Рз. По всей вѣроятности, тѣмъ же вліяніемъ древнихъ списковъ объясняется 35 16 *обон полъ костела Гадеръ* Ген. = *недалече столпа Гадеръ* Остр. (съ позднимъ *недалече*).

По всѣмъ особенностямъ слововыраженія, въ текстѣ Острожской Библіи мы имѣемъ лучшаго представителя типа списковъ южно-славянскихъ М. Г. Кр. Рз Сав. и русскихъ списковъ состава Л и Ар. Острожскому изданію этотъ типъ былъ доступенъ еще до переработки его по тексту геннадіевскаго типа. Это ясно видно изъ большей древности словаря этихъ текстовъ сравнительно съ чтеніемъ переработанныхъ списковъ и изъ большей послѣдовательности и выдержанности этого словаря. Въ острожскомъ текстѣ книги Бытія, по нашему убѣжденію, въ значительной мѣрѣ сохранился давно искомый наукой *меѳодіевскій переводъ* книги, лишь очень слабо намѣтившійся въ изданіи книги Бытія проф. А. В. Михайлова, вслѣдствіе того, что ему оказались доступными только сильно переработанные списки этого меѳодіевскаго перевода.

Едва ли не такого происхожденія добавленія 38 21 *въпроша*

же мужъ населныхъ Ген. = *въпроша же мужеи населныхъ и рече имъ* Остр.; 38 23 *да иматъ то* Ген. = *рече же Іуда: да иматъ то* Остр.; 38 26 *очистисѧ Θамаръ* Ген. = *очистисѧ Θамар паче мене* Остр. Къ этой же или, можетъ быть, къ другой категоріи источниковъ—къ самостоятельной свѣркѣ доострожскаго текста съ самостоятельно выбраннымъ греческимъ оригиналомъ—относятся исправленія текстовъ Острожской Библіи, въ родѣ возстановленія пропусковъ: 35 25 *опущ.* Ген. = *Изыде же оттуду Израиль, постави кущи за столпомъ Гадеръ* Остр. Какого рода греческій текстъ былъ подъ руками у острожскихъ исправителей, съ этимъ вопросомъ мы нѣсколько подробнѣе встрѣтимся дальше, въ другихъ библейскихъ книгахъ.

Виднымъ источникомъ исправленій острожскаго текста, какъ открывается изъ разсмотрѣнія тѣхъ же 4-хъ главъ книги Бытія, былъ также текстъ латинской вульгаты. Это можно видѣть изъ слѣдующихъ примѣровъ: Быт. 37 7 *ваши же снопове поклонишасѧ* Ген. = *ваши же снопове окрестъ стояще кланѧшесѧ* Остр. = vestrosque manipulos circumstantes adorare. 37 17 *иде Иосифъ въ домъ братіѧ своеѧ въ Дофаимъ* Ген. = *и иде Іосифъ въ слѣдъ братіѧ своеѧ въ Дофаимъ*—южно-слав. и русск. сп., но Остр. идетъ дальше ихъ: *и иде въ слѣдъ братіа своеѧ и обрѣте ѧ въ Довѧимъ.* Прибавка Остр. Б. заимствована изъ Вульг.: et invenit eos in Dothain. Въ греческихъ спискахъ соотвѣтствія этимъ особенностямъ Остр. Б. мы не находимъ.

Иногда Вульгата, въ соединеніи съ другими текстами, образуетъ въ Острожской Библіи сложную композицію. Быт. 35 14 *столпъ камень* Ген. = *столпъ на мѣстѣ, идѣже глагола съ нимъ, и постави Іаковъ столпъ каменныи, и жрѧху на немъ жертвы.* Остр. текстъ составной: первая часть состоитъ въ распространеніи славянскаго текста, вторая *и жрѧху на немъ жертвы* соотвѣтствуетъ латинскому libans super eum libamina. Можетъ быть, было здѣсь и иное посредство.

Особое мѣсто занимаютъ исправленія текста кн. Бытія въ Острожской Библіи, вызванныя научными или вѣрнѣе—временными конфессіональными соображеніями. Къ такимъ исправленіямъ принадлежатъ произвольныя измѣненія хронологіи въ 5 и 11 главахъ кн. Бытія. Вотъ эти исправленія въ 11 главѣ: 11 11 *Ген.* Симъ жилъ 500 = *Остр.* 335 лѣтъ; 11 13 Арфак-

садъ жилъ *Ген.* 303 = *Остр.* 330 лѣтъ; 11 13 Каинанъ жи
Ген. 403 = *Остр.* 330 лѣтъ; 11 14 Сала жилъ *Ген.* 134 = *Ост*
130 лѣтъ; 11 15 Сала жилъ *Ген.* 270 = *Остр.* 330 лѣтъ; 11
Еверъ жилъ *Ген.* 130 = *Остр.* 134 года; 11 17 Еверъ жи
Ген. 210 = *Остр.* 370 лѣтъ. Были, наконецъ въ Острожс
Библіи исправленія стилистическаго свойства, вытекавшія
пристрастія исправителей къ извѣстнаго рода слововыраже
и строю рѣчи. Напр., при общемъ стремленіи текста удер
вать оставляемыя безъ перевода греческія слова, встрѣчаю
наоборотъ, переведенныя слова, въ народной формѣ, тамъ,
геннадіевскій типъ удерживаетъ слова въ греческомъ начер
ніи: Быт. 37 36 *архимагирови* Ген. = *воеводѣ вои его* Ос
Къ этой области придется отнести рядъ обычныхъ синоними
скихъ замѣненій. Впрочемъ, точное уясненіе этой области
ставляетъ задачу спеціальнаго изслѣдованія острожскаго текс
какимъ мы въ настоящемъ случаѣ не задаемся.

Наблюденія надъ другими книгами, слѣдующими за Б
тіемъ, также свидѣтельствуютъ, что справщики Острожс
Библіи руководствовались, на ряду съ Геннадіевской Б
ліей, иными славянскими текстами. Укажемъ Исходъ 4 3 *ч*
есть Ген. Л. = *се азъ Господи* Остр., а съ нею Кир. Б
биб. № 3/8 XVI в. и Рум. 27. Здѣсь Острожская Биб
стоитъ въ иной средѣ списковъ, чѣмъ въ Бытіи. Но, пови
мому, геннадіевскій текстъ въ книгахъ Исходъ, Левитъ, Чи
и Второзаконіе не такъ усердно и послѣдовательно замѣня
другими текстами, какъ въ кн. Бытія.—Пропуски текста,
блюдаемые въ Геннадіевской Библіи, особенно въ концѣ кни
Исходъ, здѣсь восполнены.

Книга Іисуса Навина даетъ больше возможности суд
объ острожскомъ текстѣ, такъ какъ о ней мы располагае
изслѣдованіемъ г. Лебедева [1]), хотя и не приспособленномъ
отвѣту на историко-литературные вопросы. По сравненію
доострожскимъ (т. е. геннадіевскимъ) текстомъ, острожс
текстъ кн. Іисуса Навина представляетъ полное совпаде
только въ тринадцати стихахъ: весь остальной текстъ въ бо
шей или меньшей мѣрѣ отступаетъ отъ геннадіевскаго чте
Вопросъ о томъ, въ какомъ направленіи идутъ эти отступ
нія, разрѣшается для насъ въ томъ же смыслѣ, какъ и

[1]) Славянскій переводъ книги Іисуса Навина по сохранившимся
кописямъ и Острожской Библіи, СПБ. 1890.

книгѣ Бытія. Острожская Библія нерѣдко въ своихъ отступленіяхъ отъ типа геннадіевскихъ текстовъ сохраняетъ чтенія, свойственныя меѳодіевскому переводу: *пусти* (ἀπέστειλεν) Ген.= *посла* Остр. 2 1. 6 16. 24. 7 2. 22. 8 3. 9. 10 3. 11 1. 14 7. 11. 22 13; *вльзоста* (εἰςῆλθον) Ген. = *внидоша* Остр. 2 1; *изльзоста* Ген. = *изыидоста* Остр. 2 5. 8. 18. 19. 23. 3 8. 15. 4 17. 18. 5 16. 6 4. 5. 21. 22. 8 7. 19. 10 19. 14 9. 11. 15 6—8; *минуста* (διέβησαν) Ген. = *преидоста* Остр. 2 23. 4 10. 13; *ковчегъ* (τὴν κιβωτόν) Ген. = *кіотъ* Остр. 3 3. *ратьныхъ* (τῶν ὑπεναντίων) Ген. = *сопостатъ* Остр. 5 13; *имѣніе* (θησαυρός) Ген. = *сокровище* Остр. 6 18; *трѣбьникъ* (θυσιαστήριον) Ген. = *олтарь* Остр. 6 30; *имѣніе* (τὰ σκῦλα) Ген. = *корысти* Остр. 11 14; *пруло* (παγίς) Ген. = *сѣть* Остр. 23, 13; *страна* (ἔθνος) Ген. = *языкъ* Остр. 24 4.

О тѣхъ же признакахъ меѳодіевскаго первоначальнаго текста говорятъ характерныя слововыраженія и особенности въ переводѣ отдѣльныхъ частицъ и собственныхъ именъ: *сего дѣля* (διὰ τοῦτο) Ген. = *сего ради* Остр. 7 26; *противу* (εἰς συνάντησιν) Ген. = *въ стрѣтеніе* Остр. 8 5; *дубрава* (λίβανος) Ген. = *весь Ливанъ* Остр. 13 5.

По изслѣдованію г. Лебедева мы не имѣемъ возможности видѣть, въ какой мѣрѣ указанныя особенности поддерживаются существующими рукописями и какова была исторія постепеннаго вытѣсненія меѳодіевскаго текста другимъ типомъ, вошедшимъ потомъ въ общій обиходъ при посредствѣ Геннадіевской Библіи. Это остается задачею будущаго изслѣдователя. Равнымъ образомъ мы лишены возможности судить и о точномъ видѣ греческаго оригинала стараго перевода, заимствованнаго острожскимъ изданіемъ, т. е. меѳодіевскаго текста, такъ какъ наблюденія г. Лебедева о соотвѣтствіи этого не геннадіевскаго слоя славянскаго перевода своему оригиналу очень общи и не точны. Заключенія г. Лебедева о греческомъ оригиналѣ геннадіевскаго перевода, по его представленію, древнѣйшаго—сводятся къ тому, что этотъ оригиналъ соотвѣтствуетъ древнѣйшимъ греческимъ кодексамъ—Александрійскому и Ватиканскому; другой слой перевода въ Острожской Библіи, по его представленію, молодой, современный острожскому изданію, стоитъ въ связи съ греческимъ текстомъ комплютенскаго и альдинскаго изданій и частію съ какимъ-то неизвѣстнымъ текстомъ. Мы не раздѣляемъ взглядовъ г. Лебедева въ ихъ положительной формѣ, но придаемъ цѣну тому, что имъ

подмѣчена разновременность и значительное отличіе двухъ основныхъ типовъ славянскаго перевода въ Острожской Библіи и различіе ихъ оригиналовъ. Признаемъ цѣннымъ также и то наблюденіе, что слой, не совпадающій съ геннадіевскимъ текстомъ, по нашему мнѣнію, меѳодіевскій переводъ онъ ставитъ въ связь съ комплютенскимъ изданіемъ (297 стр.), сдѣланнымъ, какъ извѣстно, по позднимъ лукіановскимъ спискамъ [1]). Острожская Библія въ сравниваемыхъ въ особой таблицѣ текстахъ кн. Іисуса Навина, при нѣкоторомъ сходствѣ съ рукописнымъ доострожскимъ четьимъ текстомъ, постоянно удерживаетъ признаки сходства и съ паримійною редакціею, хотя съ нею вполнѣ не совпадаетъ. По составу текста острожское изданіе въ этой книгѣ представляетъ множество прибавленій, иногда въ размѣрѣ цѣлаго стиха и болѣе. Все это такіе признаки, какіе намъ извѣстны относительно кирилловскаго и меѳодіевскаго текстовъ съ одной стороны и симеѳоновскаго текста (IX—X в.) съ другой въ книгѣ пророка Даніила и другихъ книгахъ.

Эта сторона острожскаго текста — совпаденіе его съ комплютенскимъ и альдинскимъ изданіями греческаго текста— осложняется дальнѣйшимъ наблюденіемъ, по которому къ этимъ греческимъ текстамъ присоединяются другіе, еще неизвѣстные греческіе тексты, а равно также провѣрка славянскаго перевода по еврейскому оригиналу [2]). Все это побуждаетъ видѣть въ острожскомъ изданіи значительное смѣшеніе греческихъ текстовъ, при чемъ слѣдуетъ помнить, что, кромѣ упомянутыхъ текстовъ, въ книгѣ І. Навина, какъ и въ Бытіи, проявился несомнѣнно латинскій переводъ—Вульгата.

Относительно острожскаго текста слѣдующихъ за кн. Іисуса Навина библейскихъ книгъ мы не имѣемъ исчерпывающихъ

---

[1]) Это—цѣнное наблюденіе уясняется сравнительною таблицею текстовъ, приложенною въ концѣ книги г. Лебедева, Іисуса Навина 3 гл. 9—17, 5 10—15 по двумъ паримійнымъ текстамъ, рукописямъ—Троице-Сергіевой Лавры № 2, XIV в., Публ. библіотеки Q. I № 2, XV в., Софійской библ. № 82, XVI в., и острожскому тексту.

[2]) Лебедевъ, указ. соч. 353 стр. Мы провѣрили наблюденія г. Лебедева по существующимъ источникамъ и, дѣйствительно, за рѣдкими исключеніями (напр. 4 1), при современномъ нашемъ знаніи греческихъ текстовъ не оказалось возможности объяснить отступленія острожскаго изданія иначе, какъ предположеніемъ неизвѣстныхъ еще греческихъ текстовъ и вліянія еврейскаго текста.

изслѣдованій [1]), поэтому наши замѣчанія о ихъ составѣ и переработкѣ въ Острожской Библіи по необходимости будутъ носить общій характеръ. Книги Судей и Руѳь въ Острожскомъ изданіи даютъ немного отличій отъ Геннадіевской Библіи: возстановленіе нѣсколькихъ пропусковъ, замѣна выраженій и т. п. Въ кн. Руѳь извѣстно два перевода—меѳодіевскій и симеоновскій. Меѳодіевскій сохранился въ глаголическомъ спискѣ [2]), симеоновскій—въ кирилловскихъ. Острожское изданіе, вслѣдъ за Геннадіевской Библіей, принимаетъ только симеоновскій текстъ. Книги Царствъ въ Острожской Библіи исправлены, по наблюденію М. Г. Попруженко, въ значительной мѣрѣ подъ вліяніемъ сербскаго текста «ресавскаго извода», насколько онъ извѣстенъ по одесской рукописи 1416 года и бѣлградской Народной библ. № 459 1558 г. («Книги Царствъ», приложеніе III).

Переведенныя въ Геннадіевской Библіи съ Вульгаты книги 1 и 2 Паралипоменонъ, 1 и 2 Ездры и Нееміи острожскіе издатели правили по греческому тексту, въ мѣстахъ же, не представлявшихъ значительныхъ отличій отъ геннадіевскаго перевода, оставляли въ прежнемъ переводѣ съ латинскаго. Мы провѣрили поправки собственныхъ именъ въ первой главѣ I книги Паралиноменонъ, и вотъ получилась какая картина: 1 24 *арфаксадъ саме* Ген. = *арфаксадъ, каинанъ, сала* Остр., а также греческіе списки по изданію Холмза—Парсонза: 19. 93. 108. 121. комплют. изд.; 1 30 *аддад* Ген. = *и ададъ* Остр., καὶ ἀδὰδ 93. 121. комплют., альд. изд.; другіе греческіе списки иначе: χονδὰν, χολδὰδ, καὶ αἰδὰμ, καὶ ἀδὰμ (19. 108), χοδὰδ, χοδδὰ, χοδδὰδ; 1 32 *маданъ* Ген.=*и мадама и мадіама* Остр., а также καὶ μαδὰμ καὶ μαδιὰμ 55. (93. 108). 56. 60. 64. 119. 121. альд. изд.; др. греч. списки иначе; 1 33 *елдаѳ* Ген. = *елдадъ* Остр., а также ἐλδὰδ 93. 108. 121. 158, альд. изд.; др. греч. списки иначе: ἐλδαδὰ. ἐλλάδα, ἐλδαὰ, ἐλδα; 1 36 *ѳаннà амалекъ* Ген.=*ѳамна*

---

[1]) Горскій и Невоструевъ, Описаніе слав. рукописей синод. библ., вып. I; М. Г. Попруженко, „Книги Царствъ“ въ собраніи рукоп. библ. Имп. Новорос. Унив., Одесса 1894; Рождественскій, Книга Есѳирь; Благовѣщенскій, Книга Плачъ, Кіевъ, 1899.

[2]) Изд. Вайсомъ, Glagolitica, Liber Ruth, Veglae 1905; ср. проф. А. В. Михайловъ, Русск. Фил. Вѣстн. 1908, гдѣ кромѣ глаголическаго текста Руѳи, напечатаннаго русскимъ шрифтомъ, изданы и соотвѣтствующіе ему кирилловскіе тексты по рукоп. Ундольск. № 1, XV в., Севастьянова № 1431, XV в. и сп. Григоровича XVI в.

же подложница елифазова роди ему амадика Остр., а также θαμνὰ δὲ ἡ παλλακὴ ἐλιφὰζ ἔτεκεν αὐτῷ τὸν ἀμαδήκ 121. альд. изд., тоже, но ἀμαλήκ XI. 60. 64. 71. 119. 158; 1 зв *дисанъ = и дисіонъ* Остр., καὶ δησίων альд. изд.; 1 зв *есеръ дисанъ* Ген. = *и асаръ и рисонъ* Остр., а также (XI). 56. 60. 64. 119. 121. альд. компл. изд. Изъ этихъ примѣровъ видно, что, какъ и въ книгѣ Іисуса Навина, острожскіе справщики руководились въ исправленіи геннадіевскаго текста альдинскимъ и комплютенскимъ изданіями. Нѣтъ ни одного случая, гдѣ бы не было совпаденій съ какимъ-либо изъ этихъ изданій или съ обоими изданіями вмѣстѣ. Пользованіе греческими рукописями типа приведенныхъ здѣсь списковъ, при такомъ условіи, становится излишнимъ и сомнительнымъ: эти рукописи свидѣтельствуютъ о своемъ близкомъ отношеніи къ этимъ изданіямъ, а не къ острожскому тексту.

Книги Товитъ, Іудиѳь и 3-я книга Ездры въ Острожской Библіи исправлены по латинскому тексту, съ котораго сдѣланъ былъ переводъ этихъ книгъ въ Геннадіевской Библіи. Исправленія состояли въ замѣнѣ оставленныхъ безъ перевода латинскихъ словъ церковно-славянскими и въ послѣдовательномъ очищеніи языка Геннадіевской Библіи. Въ кн. Іудиѳь внесены исправленія изъ изданія Скорины (Владиміровъ, Фр. Скор., стр. 215—218). Вотъ начало 1-ой главы 3-ей книги Ездры:

Геннадіев. Библія.

Книга Ездры пророка вторая, сынове Сареи, сынове Азаре, сынове Ельхіе, сынове Саданіи, сынове Садокъ... отъ колѣна Леви, иже бысть плѣненъ отъ страны медескіе, отъ царства Артаксерса, царя перскаго. И бысть слово Господне къ мнѣ рекущи: иди и возвѣсти людемъ моимъ прелести ихъ и сыновъ ихъ безаконіе, которіи на мя напустишѧ. Да возвѣстятъ сынове сыновомъ, иже грѣси племени

Острожск. Библія.

Вторые книги Ездры пророка, сына Зараіева, сына Азаріева, сына Елихіева, сына Саданіева, сына Садокова... отъ колѣна Левѵи, иже бысть юзникомъ въ земли Медскои, въ царство Артаксеркса, царя перьскаго. Бысть слово Господне къ мнѣ сице: иди и возвѣсти людемъ моимъ дѣла ихъ, и лукавствіе ихъ, еже сътвориша, да возвѣстѧтъ ихъ сыновомъ своимъ, яко грѣхи рожшихъ ихъ умножишасѧ.

ихъ отъ тѣхъ растошѧ. За- Понеже Мене оставиша, и
быша бо Мене: пожрошѧ бо жрѧху богомъ чюждимъ.
бозѣх инѣх.

Въ книгѣ Есѳирь, въ Острожской Библіи, произведена значительная переработка, по сравненію съ геннадіевскимъ текстомъ. Въ Геннадіевской Библіи эта книга представлена частію въ переводѣ съ еврейскаго (1—9 гл.), частію съ латинскаго (10—16 главы); острожскіе исправители перевели ее съ греческаго текста (гл. 1—9), но многое удержали изъ прежняго геннадіевскаго перевода.

Греческіе тексты книги Есѳирь у острожскихъ исправителей были опять того же типа, который представленъ комплютенскимъ и альдинскимъ изданіями, но были на ряду съ ними и другіе тексты. Начало книги, не отмѣчаемое въ изданіяхъ стихами, извѣстно намъ въ древнемъ переводѣ меѳодіевскаго типа [1]). Изъ сопоставленія этого мѣста съ острожскимъ чтеніемъ видно, что мѣсто это, а слѣдовательно, и весь текстъ этого меѳодіевскаго перевода, весьма вѣроятно, были извѣстны острожскому изданію. Вотъ эти тексты: Меѳодіевскій: *и се глась и вьпль мльвы, громи и трусь и мльва на земли. И се два змия, еже придоше братисе. И бысть глась... и уготови се вьсакъ язык брати се... И бысть отъ источника мала вода многая и рька велика. Свѣтъ и слньце вьсия и рькы* (ποταμοὶ) *вьзвысише се и пожьрьше славьныихъ.* Острожскій: *и се глась ужасныи, и громныи трусъ и смятеніе на земли. И се два зміа велики готови пріидоша между собою борюшеся. И бысть глась ихъ велик, и гласомъ ихъ уготовася всякъ языкъ на брань... Бысть знаменіе, аки отъ малаго источника рѣка велія вода многа. И свѣтъ и слънце возсія и смиренніи* (ταπεινοὶ) *вознесошася и поядоша славныхъ.* Острожскіе справщики руководились особымъ оригиналомъ, но тамъ, гдѣ этотъ оригиналъ совпадалъ съ старымъ меѳодіевскимъ переводомъ, совпаденіе между древнимъ текстомъ и новымъ, острожскимъ переводомъ въ особенностяхъ слововыраженія весьма значительно. Эти особенности слововыраженія проходятъ чрезъ всю книгу Есѳирь (*евнухъ, идолъ, алтарь, скипетръ, языкъ, наслѣдіе, сего ради, сътвори пиръ вельможамъ своимъ, и годъ бысть, и посла*

---

[1]) Извѣстія Императорской Академіи Наукъ 1898, VIII, № 5 стр. 343—344.

книги, но при *книги* есть синонимы: *писаніе*, *посланіе*, *епистолія*, *грамота*), за исключеніемъ указа Артаксеркса. Указъ Артаксеркса, помѣщенный въ восьмой главѣ, подъ названіемъ *писаніе епистоліи*, намъ представляется не древнимъ по переводу, не современнымъ остальному тексту и едва ли не заимствованнымъ съ чешскаго текста. Въ общемъ, въ книгѣ Есѳирь, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ признать въ основѣ острожскаго текста тотъ же меѳодіевскій текстъ, какой мы видѣли въ кн. Бытія и кн. Іисуса Навина.

Острожскіе исправители книгъ Іова, Притчъ, Екклисіаста и Премудрости Сираха внесли очень немного измѣненій въ текстъ Геннадіевской Библіи. Почти безъ всякихъ исправленій внесенъ въ острожское изданіе геннадіевскій текстъ Псалтири.

Книга Пѣснь Пѣсней въ острожскомъ изданіи заимствована не изъ геннадіевскаго списка Библіи, гдѣ читается редакція славянскаго перевода, извлеченная изъ перевода толкованія Филона Карпафійскаго. Острожскій текстъ ея представляетъ переводъ съ греческаго, и мы имѣемъ возможность указать его происхожденіе. Въ нашемъ собраніи рукописей есть толкованіе на Пѣснь Пѣсней блаженнаго Ѳеодорита, епископа Кирскаго, въ рукописяхъ очень рѣдкое: намъ извѣстенъ, кромѣ этого, только одинъ списокъ болгарскаго Рыльскаго монастыря, XVI вѣка. Нашъ списокъ поздній—1781 года, происходитъ изъ школы Паисія Величковскаго, на поляхъ обильно снабженъ редакторскими примѣчаніями, по примѣру всѣхъ паисіевскихъ рукописей. Паисіемъ для его обработки взятъ былъ старый переводъ. Намъ старый переводъ, въ рыльскомъ спискѣ, недоступенъ, и мы произвели свѣрку острожскаго текста съ Ѳеодоритовымъ толкованіемъ только по нашему списку 1781 года въ убѣжденіи, что въ существенномъ поздній списокъ всетаки можетъ дать достаточное понятіе о переводѣ этого толкованія, тѣмъ болѣе, что чтенія библейскаго текста закрѣплены въ толкованіяхъ. О заимствованіи въ толкованіе острожскаго текста не можетъ быть рѣчи: это переводъ старый. Вотъ сопоставленіе геннадіевскаго, острожскаго и ѳеодоритова текстовъ изъ первой главы Пѣсни Пѣсней: 1 ₆ *Ген.* да не буду яко одѣвающися по стадѣ унецъ твоихъ = *Остр.* да не когда буду яко облагающася по стадехъ друговъ твоихъ = *Ѳеод.* да не когда буду яко облагающаяся над стады (в̀ стадахъ) друговъ твоихъ. 1 ₇ *Ген.* аще не увѣдѣ тебе добры в женахъ= *Остр.* Аще не увѣде самую тебе добру въ женахъ, изыди

ты въ пятахъ паствъ, и паси козлища твоя у кущеи пастырскихъ = *Θеод.* Аще не увѣси самую тебе добрая въ женахъ, изыде ты въ пятахъ (*на полѣ*: въ слѣды) паствъ и паси козлища твоя у кущей пастырскихъ. 1 8 *Ген.* Кони мои въ колесници фараоновѣ, уподобих тя близъ мене = *Остр.* Кони мои в колесницы фараоновѣ уподобих тя близъ мене = *Θеод.* Коню моему въ колесницахъ фараоновыхъ уподобихъ тя, ближняя моя. 1 10 *Ген.* Подобіа злата створилъ ти с пестротами сребра и бисера многоцѣнна = *Остр.* Подобіе злата створим ти съ пестротами сребра. 11. Дондеже царь на възклоненіи его = *Θеод.* Подобія злата сотворим ти съ пестротами сребра. 11. Дондеже царь на восклоненіи своемъ. 1, 11—12 *Ген.* Надра моя дасть воню свою. Истеченіе брата моего истакти = *Остр.* Масть драгая дасть воню свою. Вязаніе стакти сестры моея = *Θеод.* Нардъ мои даде воню свою. Вязаніе стакти сестричищъ мои мнѣ. 1 13 *Ген.* Грезнъ зрѣлъ брать мои мнѣ въ виноградѣ гаддовѣ = *Остр.* Грезнъ отъ Кипра сестра моя мнѣ въ виноградѣ гаддовѣ = *Θеод.* Грезнъ кипровъ, сестричищъ мой мнѣ въ виноградѣхъ еггадовыхъ. 1 16 *Ген. нѣтъ. Остр.* Преклади дому нашего кедровыя и столя кипариспая = *Θеод.* Преклади домовъ нашихъ (*на полѣ*: *слав. библ.*: дому нашего) кедровыя, дски нашы кипарисныя.— Видно, что у Острожскаго князя были собраны не только общедоступные славянскіе библейскіе переводы того времени, но и тексты весьма рѣдкіе. Для насъ выяснилась наличность у его ученыхъ исправителей двухъ, неизвѣстныхъ наукѣ, славянскихъ текстовъ — меѳодіевскаго и въ настоящемъ случаѣ толкованія на Пѣснь Пѣсней блаж. Ѳеодорита; виденъ разнообразный подборъ списковъ русскихъ, болгарскихъ и сербскихъ.

Книга Премудрости Соломона въ острожскомъ изданіи представляетъ другой текстъ по сравненію съ Геннадіевской Библіей. Геннадіевскій текстъ, переведенный съ вульгаты, только въ отдѣльныхъ случаяхъ повліялъ на трудъ острожскихъ исправителей, въ существенномъ же острожскій текстъ воспроизводитъ греческій оригиналъ. Паримійныя мѣста обнаруживаютъ старый славянскій переводъ; остальной текстъ производитъ смѣшанное впечатлѣніе: есть слѣды древняго происхожденія, есть новая обработка. Стараго, до-геннадіевскаго текста этой книги въ цѣлости мы не знаемъ.

Пророческимъ книгамъ въ острожскомъ изданіи мало посчастливилось. Изъ возможныхъ текстовъ въ изданіе попали

обычные тексты, усвоенные и пущенные въ оборотъ Геннадіевской Библіей. Впрочемъ, это не значитъ, что геннадіевскіе пророческіе тексты цѣликомъ перенесены въ острожское изданіе. Тексты этого типа имѣли въ своей исторіи нѣкоторую переработку, и геннадіевскіе исправители заимствовали этотъ переработанный видъ пророческихъ чтеній. Описатели рукописей Синодальной Библіотеки указываютъ совпаденіе Острожской Библіи не съ полными списками Геннадіевской Библіи, а съ отдѣльнымъ спискомъ пророковъ XVI вѣка № 117 (18), откуда, впрочемъ, не всѣ особенности списка заимствованы въ изданіе. Переработка списка типа Синод. № 117 (18) стоитъ въ связи съ тѣмъ же затерянным меѳодіевскимъ текстомъ, какой мы видѣли въ другихъ книгахъ [1]). Приходится пожалѣть, что въ пророческихъ книгахъ не было проявлено такого широкаго пользованія меѳодіевскими текстами, какъ это сдѣлано было въ книгахъ Бытія, Іисуса Навина, Есѳирь. Теперь почти для всѣхъ пророческихъ книгъ, въ большей или меньшей полнотѣ, открытъ неизвѣстный ранѣе, совершенно затерянный меѳодіевскій текстъ. Доступность этого текста эпохѣ Острожской Библіи едва ли можно оспаривать: дошедшіе до насъ части этого перевода извѣстны въ рукописяхъ XV—XVI столѣтія.—Книга Плачъ измѣнена, сравнительно съ Геннадіевской Библіей, подъ вліяніемъ вульгаты, изданія Скорины и греческаго текста. Судя по слововыраженію замѣны геннадіевскаго текста этой книги (іудея, вм. жидовскаа, плачь, вм. желя и т. п.), и здѣсь мы наблюдаемъ отраженіе меѳодіевской традиціи [2]).

Первая и вторая книги Маккавейскія, переведенныя у Геннадія съ вульгаты, у острожскихъ исправителей значительно поправлены по греческому тексту. Переведена ими и *третья книга Маккавейская*. Языкъ этого, спеціально острожскаго перевода тяжелый, не сходный съ языкомъ старыхъ переводовъ. Побужденіе къ переводу этой книги острожскіе исправители могли находить съ одной стороны въ естественномъ въ

---

[1]) Ср. Описаніе рукоп. Синод. библ. I, стр. 204—205.

[2]) Книга Плачъ изслѣдована Благовѣщенскимъ, Кіевъ, 1899. Славянскому тексту удѣлены стр. 249—293, но авторъ знаетъ славянскій текстъ Плача только въ изданіяхъ Острожскомъ, Московскомъ 1663 г. и Елизаветинскомъ 1751 г. Мы свѣрили острожскій текстъ съ геннадіевскимъ. О вліяніи на текстъ кн. Плача изданія Скорины—см. Владиміровъ, Фр. Скор., стр. 211 сл.

ихъ положеніи стремленіи къ библейской полнотѣ, а съ другой стороны также въ комплютенскомъ изданіи, впервые пустившемъ въ широкій оборотъ эту книгу и бывшемъ у нихъ однимъ изъ главныхъ источниковъ. Въ концѣ книги переводчики сдѣлали замѣчаніе: «Сіи третіи книги Маккавейскіи въ прочіихъ Библіахъ не обрѣтаются, ниже въ самои тои славенъскои, и ни в латинѣскихъ а ни в лятскихъ, точію въ греческои и ческои, но и мы ихъ не оставихомъ». Дѣйствительно, не только геннадіевскій сводъ не зналъ этой книги, но и латинская Библія знаетъ въ изданіяхъ эту книгу только съ 1532 года. Польскія изданія Библіи предъ самымъ 1581 годомъ относились къ 3-ей Маккавейской книгѣ отрицательно. Такъ польская Библія 1577 года, послѣ второй Маккавейской книги, дѣлаетъ замѣчаніе, что встрѣчающаяся въ нѣкоторыхъ изданіяхъ Библіи 3-я Маккавейская книга не принята Христовою Церковію, не была переведена Іеронимомъ на латинскій языкъ и потому не признается справедливымъ вносить ее въ польскую Библію. Въ Чешской Библіи 3-я Маккавейская книга встрѣчается съ изданія 1549 г., Praga, но это переводъ не близкій къ славянскому переводу Острожской Библіи. Другой чешскій переводъ 3-ей Маккавейской книги, подъ именемъ 1-ой Маккавейской, намъ извѣстенъ въ Чешской Библіи 1579—88 г.г. (можетъ быть, были изданія раньше). Этотъ чешскій переводъ сдѣланъ съ изданія Бенедикта Арія, Антверпенъ, 1572 г. Онъ совершенно сходенъ съ текстомъ Острожской Библіи и былъ оригиналомъ для острожскаго изданія. Для сопоставленія приводимъ первые два стиха первой главы по чешскому изданію 1579—1588 и по Острожской Библіи:

1 1. Zwěděw pak Filopator od těch kteriż se byli nawratili, żeby ta mista kteráż on držel Antyoch wzaldal wědeti wssechněm wogskům swým pèssim y gizdným; 2. A wzaw s sebau sestru swau Arsinoe, táhk aż na ta mista kteráż gsau v Raffian, kdežto se byli położili Antyochowi = Остр. Б. *Филопатор же внегда оувѣдев отъ възвращ҃ишихсѧ бывшее отнѧтїе дръжимыхъ отъ него мѣстъ Антіохомъ, и заповѣда всѣмъ воемъ своимъ пѣшцемъ и конникомъ събратисѧ. Взѧтъ же и сестру свою Арсиною, і изыиде въскорѣ до рафійскихъ мѣстъ, идѣже ополчишасѧ вои иже отъ Антіоха.*

Въ Новомъ Завѣтѣ Острожская Библія близко воспроизводитъ Геннадіевскую Библію. Исправленія сравнительно съ

геннадіевскимъ чтеніемъ не систематичны и незначительны и при томъ замѣтнѣе въ Дѣяніяхъ и Посланіяхъ апостольскихъ, чѣмъ въ Евангеліяхъ. Напр. Евангеліе Матѳея, гл. 3 11 Ген. *Духомъ Святымъ*, Остр. *Духомъ Святымъ и огнемъ*. 3 16 Ген. *и видѣ духъ сходящь*, Остр. *и видѣ Духъ Божіи сходящь*. Подобныя исправленія не вводятъ въ Острожскую Библію новой редакціи. Описатели Синодальной библіотеки указали для Евангелій родство Острожской Библіи съ №№ 1 и 2 полныхъ списковъ Геннадіевской Библіи. Это—поздняя четья редакція евангельскаго и апостольскаго текста, которая удостоилась внесенія въ Геннадіевскую Библію, съ отмѣтками церковныхъ зачалъ и указаніями дневныхъ чтеній, и чрезъ это положила начало вытѣсненію изъ церковнаго употребленія богослужебнаго евангельскаго и апостольскаго текста. Закрѣпленіе этой редакціи въ печатномъ изданіи окончательно предрѣшило судьбу богослужебной редакціи. Она неизбѣжно была намѣчена къ вымиранію, что и случилось позднѣе. Чѣмъ объяснить невнимательность редактора новозавѣтнаго текста Острожской Библіи къ чтеніямъ богослужебной славянской редакціи, столь уважавшимся въ ветхозавѣтной части Библіи, сказать трудно: можетъ быть, это—дѣло личнаго вкуса редактора, а, можетъ быть, это—проявленіе особаго почтенія къ богослужебному тексту, которому надлежало быть только въ церковномъ употребленіи, а не въ составѣ четьей Библіи. По крайней мѣрѣ, такъ мы понимаемъ отношеніе къ чтенію Евангелія—апракоса у современнаго острожскому изданію, уже упомянутаго ранѣе редактора-переводчика Евангелія—Василія Тяпинскаго. Этотъ трудолюбивый редакторъ въ основу своего изданія положилъ четій славянскій текстъ, а о чтеніи апракоса дѣлалъ замѣчанія на поляхъ [1]): напр., Мѳ. 2 гл. къ чтенію—(Иродъ) *повелѣ избити дѣти* на полѣ замѣчено: «въ апракосѣ *младенца*, что с иными згажается»; 4 гл. *отъ Галилеи и десяти градъ*—на полѣ: «в апракосе греческое слово оставлено *декаполья*»; 5 гл. *не будете яко лицемѣри*—на полѣ: «въ апракосе *ѵпокрити*»; 7 гл. *ко еже вожделѣти*—на полѣ: «въ апрак. *с помышленьемъ*». Такое замалчиваніе или устраненіе бого-

[1]) Въ Евангеліи Тяпинскаго дано на ряду два параллельныхъ текста обычный—церковно славянскій и западно-русское переложеніе. Ученыя свѣрки сдѣланы Тяпинскимъ для перваго, т. е. церковно-славянскаго текста.

служебнаго текста изъ изданій Библіи или отдѣльныхъ ея частей подрывало авторитетъ богослужебнаго текста и подготовляло замѣну его четьимъ текстомъ въ церковно-богослужебномъ употребленіи.

Въ Дѣяніяхъ и Посланіяхъ апостольскихъ исправленія острожскихъ издателей проявляются чаще и значительнѣе. Онѣ обнаруживаютъ болѣе тщательное сличеніе славянскихъ рукописей не только полныхъ списковъ Библіи, но и отдѣльныхъ списковъ апостольскаго текста, и не только позднихъ, а и древнѣйшихъ. Изъ списковъ Синодальной библіотеки наибольшую близость къ Острожскому изданію проявляетъ Апостолъ XVI в. № 725 (53) [1]).

Апокалипсисъ внесенъ въ Острожскую Библію послѣ значительнаго исправленія, или вѣрнѣе—съ значительно исправленныхъ и разнящихся отъ Геннадіевской Библіи отдѣльныхъ списковъ, хотя несомнѣнно и пользованіе Геннадіевской Библіей [2]).

Вообще, значеніе Геннадіевской Библіи, какъ основы Острожской Библіи, приходится значительно ослабить. Острожскими исправителями проявлены были значительныя самостоятельныя поиски текстовъ и самостоятельныя ихъ свѣрки.

Историческія обстоятельства, сопутствовавшія изданію Острожской Библіи, таковы.

Юго-западная Русь, при полномъ упадкѣ православной іерархіи, въ концѣ третьей четверти XVI-го вѣка увлекалась социніанствомъ и, въ лицѣ своей интеллигенціи, въ значительной мѣрѣ измѣнила вѣрѣ своихъ отцовъ. Противъ этого увлеченія дѣйствовалъ, какъ мы видѣли, въ своемъ ковельскомъ помѣстьѣ знаменитый московскій выходецъ—князь Андрей Курбскій [3]). На ту же опасность обратилъ свое вниманіе и свои

---

[1]) Описаніе рукоп. Синод. Библ. I, стр. 337.

[2]) Тамъ же, стр. 159—160.

[3]) Въ дополненіе къ сказанному нами ранѣе о дѣятельности кн. Курбскаго на стр. 194—198 можно добавить, что съ его именемъ связана почти вся русская библейская экзегетическая литература XVI в. Кромѣ капитальныхъ трудовъ по толкованію Псалтири и Апостола, ему принадлежитъ восполненіе переводовъ Максима Грека: въ толкованіяхъ Іоанна Златоустаго на Евангеліе Матѳея князь Курбскій перевелъ (можетъ быть, случайно не доставшую или затерянную) 45-ю бесѣду; въ толкованіи І. Златоустаго на Евангеліе Іоанна—бесѣды 22, 44—47. Повидимому, князю же Курбскому принадлежатъ полемическія толкованія пророчествъ, припи-

силы и другой ревнитель народныхъ завѣтовъ—другъ Курбскаго, владѣлецъ Острога и воевода кіевскій, князь Константинъ Константиновичъ Острожскій, одинъ изъ самыхъ родовитыхъ представителей юго-западныхъ вельможъ [1]). Такъ какъ ученіе соцініанства, какъ ранѣе его лютеранства и кальвинизма, основывалось на Библіи, то естественно борьба съ нимъ побуждала противника прежде всего озаботиться пріобрѣтеніемъ того же самого оружія. На Библіи соцініанство укрѣпляло не только свою вѣроисповѣдную систему, но основывало и идею и стимулы народнаго просвѣщенія въ его начальной духовно-нравственной формѣ, какъ это мы ранѣе указывали въ міровоззрѣніи идейнаго соцініанина того времени Василія Тяпинскаго. Это еще болѣе рѣшительно выдвигало необходимость для защитника православія имѣть въ рукахъ главное оружіе противника. Изданіе Библіи для князя Острожскаго въ цѣляхъ борьбы съ соцініанствомъ и поднятія ископныхъ народныхъ основъ становилось необходимостью: объ этомъ нѣсколько разъ заявляетъ въ предисловіи къ Острожской Библіи сотрудникъ издателя—Герасимъ Даниловичъ Смотрицкій [2]).

Приготовленія къ изданію Острожской Библіи, какъ мы видѣли, поставлены были очень широко: источники и пособія для изданія текста Библіи, въ видѣ различныхъ славянскихъ

сываемыя Максиму Греку (ср. стр. 26). Вообще, князь Курбскій въ XVI в. представляетъ единственное лицо, которое по личному сознанію и расположенію прилежало къ истолкованію Библіи и отмѣчало свою руку въ обличеніяхъ современныхъ религіозныхъ уклоненій, связанныхъ съ юго-западною Русью.

[1]) Обзоръ свѣдѣній о происхожденіи князей Острожскихъ — см. въ ст. Е. И. Де-Витте въ Чтен. въ историч. Общ. Нестора Лѣтописца, кн. XXII, вып. III, Кіевъ 1912, стр. 48 и дал.

[2]) Въ литературныхъ обозрѣніяхъ относительно Острожской Библіи выражается мысль, что ея появленіе вызвано было борьбой съ католичествомъ (ср. И. А. Шляпкинъ, Древняя и Новая Россія, 1881 г., стр. 180—184; Максимовичъ, Книжная старина южнорусская, Временникъ, I, стр. 6, Отчетъ объ экскурсіи семинаріи русской филологіи проф. В. Н. Перетца въ Житомиръ. Кіевъ, 1911, стр. 113, и др.). Помимо свидѣтельства предисловія къ Остр. Библіи, а также историческаго совпаденія изданія Библіи именно съ натискомъ на юго-западную Русь соцініанства, а не католичества, нельзя не признать, что, какъ полемическое орудіе, Библія была пригодна именно въ борьбѣ съ соцініанами, а не католиками. Пріемы и доводы католической пропаганды способны были вызвать и съ теченіемъ времени вызвали — въ томъ же Острогѣ другія изданія, соотвѣтствующія католическому натиску.

списковъ, греческихъ рукописей и изданій, а также латинскаго, чешскаго и польскаго перевода были доставлены въ Острогъ посланцами князя Острожскаго въ значительномъ количествѣ. Мѣстныя изданія, какъ Библія Франциска Скорины, а также другія печатные и рукописные библейскіе переводы и переложенія несомнѣнно были извѣстны острожскимъ труженикамъ: одни изъ нихъ нашли себѣ косвенное отраженіе въ Острожскомъ изданіи въ томъ, что въ нѣкоторой мѣрѣ послужили поводомъ къ этому изданію, другіе, какъ Библія Скорины, непосредственно отразились на страницахъ Острожской Библіи. Съ такою же тщательностью произведенъ былъ княземъ Острожскимъ и подборъ непосредственныхъ исполнителей его въ дѣлѣ изданія Библіи. Всѣхъ сотрудниковъ князя Острожскаго въ этомъ дѣлѣ мы указать не можемъ, но нѣкоторые извѣстны: одинъ изъ этихъ сотрудниковъ—подскарбій Герасимъ Даниловичъ Смотрицкій, отецъ Мелетія Смотрицкаго удостовѣрилъ свое сотрудничество своею подписью подъ обширнымъ предисловіемъ къ Библіи [1]). И по этому предисловію и по слѣдамъ значительной и разнообразной работы надъ переводами и свѣрками текстовъ, въ дѣлѣ подготовки изданія принимали участіе люди опытные въ писаніяхъ греческихъ и славянскихъ. Къ числу извѣстныхъ намъ исправителей необходимо присоединить и главнаго печатника Библіи — дьякона Ивана Ѳедорова Москвитина, несомнѣнно очень опытнаго въ славянскихъ текстахъ, вращавшихся тогда въ московской и западной Руси. Ему, повидимому, какъ чистому москвичу, Острожская Библія обязана своимъ великорусскимъ подборомъ церковно-славянскихъ текстовъ, или вѣрнѣе великорусскимъ обликомъ славянской грамматики. при-

[1]) О Герасимѣ Даниловичѣ Смотрицкомъ см. упомянутый Отчетъ проф. В. Н. Перетца объ экскурсіи въ Житомиръ, въ ст. С. А. Щегловой. Подробныя свѣдѣнія о Смотрицкомъ, равно какъ и о другихъ дѣятеляхъ острожской школы, приведены въ книгѣ К. В. Харламповича „Западнорусскія православныя школы XVI и начала XVII вѣка, отношенія ихъ къ инославнымъ, религіозное обученіе въ нихъ и заслуги ихъ въ дѣлѣ защиты православной вѣры и церкви", Казань 1898, стр. 240—241, 262—276. Въ числѣ способствовавшихъ пріобрѣтенію текста Геннадіевской Библіи въ Москвѣ извѣстны: литовскій писарь Михаилъ Гарабурда, бывшій съ посольствомъ въ Москвѣ въ 1570, 1572, 1573 годахъ; кіевскій іерод. Іоакимъ, списывавшій Библію въ Москвѣ, въ цѣляхъ изданія ея въ Литвѣ (Чт. О. И. и Др. Р. 1883, I отд. V).

нятой и послѣдовательно выдержанной острожскими исправителями въ Библіи. Испытанность Ивана Ѳедорова въ славянскихъ священныхъ текстахъ, какъ перваго печатника на Москвѣ и въ западной Руси была исключительная. Онъ стоялъ въ центрѣ движенія этихъ текстовъ того времени, былъ душею первопечатныхъ московскихъ и западно-русскихъ изданій Новаго Завѣта, и его участіе въ предпріятіи князя Острожскаго по изданію Библіи вносило въ это дѣло весь тогдашній опытъ, все знаніе.

Въ Москвѣ первый печатникъ вовлеченъ былъ въ область библейскихъ интересовъ того времени тогдашнею жизненною потребностью—имѣть для церковнаго употребленія исправленные тексты. Еще со времени Стоглаваго Собора 1551 года московское правительство было озабочено задачею остановить порчу богослужебныхъ книгъ. Рѣшеніе собора по этому дѣлу сводилось къ приказанію протопопамъ и избраннымъ священникамъ «дозирати священныхъ книгъ, святыхъ Евангелій, и Апостолъ и прочихъ святыхъ книгъ, ихъ же Соборная Церковь пріемлетъ и которыя обрящутся не правлены и описьливы, тѣ всѣ съ добрыхъ переводовъ исправливати соборнѣ». Когда подобныя мѣры ничему не помогли, тогда, въ 1553 году Іоаннъ Грозный рѣшился завести типографію. У печатнаго дѣла стали дьяконъ Никола-Гостунской церкви, въ Кремлѣ, Иванъ Ѳедоровъ, Петръ Мстиславцевъ (съ 1556 г.) и датчанинъ Миссингеймъ. Около десяти лѣтъ готовился Иванъ Ѳедоровъ къ печатанію и изданію первой книги въ устроенной имъ типографіи, и труды и настойчивость его, наконецъ, увѣнчались успѣхомъ. Первенцемъ его печатнаго станка была *священная книга*. Какая это была книга, точно сказать трудно. Ранѣе такою книгою почитался богослужебный *Апостолъ* (Дѣянія и посланія св. апостоловъ), изданный въ 1564 году. Но затѣмъ ученые библіографы находили возможнымъ предоставить первенство другимъ книгамъ. Были указаны какъ болѣе ранніе изданія, чѣмъ Апостолъ 1564 г., десятая Псалтирь, напечатанная въ Москвѣ между 1553 и 1560 годами и два «безвыходныхъ» Евангелія. Честь выхода въ 1564 году одновременно съ Апостоломъ, приписывалась также еще одному «безвыходному» Евангелію [1]). Печатная дѣятельности

[1]) Викторовъ, А. Е. Отчетъ Моск. Публ. и Рум. Муз. за 1870—1872 гг. 1873—1875. Архим. Леонидъ, Евангеліе, напечатанное въ Москвѣ въ 1564—1568 гг. (Памятн. древн. письм.), СПБ. 1882.

Ивана Ѳедорова продолжалась недолго: въ 1565 году нѣкоторые начальные люди, «хотячи благое во зло превратити и Божіе дѣло въ конецъ погубити», обвинили печатниковъ Ивана Ѳедорова да Петра Мстиславцева «въ небытной ереси» и принудили ихъ бѣжать изъ Москвы въ Литву, гдѣ ихъ принялъ просвѣщенный гетманъ литовскій Г. А. Ходкевичъ. Ходкевичъ помѣстилъ ихъ въ городѣ Заблудовѣ (Гродненской губ.), и здѣсь они напечатали Учительное Евангеліе (1569 г.) и Псалтирь 1570 г. По смерти Ходкевича (1569 г.), Петръ Мстиславцевъ перешелъ изъ Заблудова въ Вильну, тамъ въ типографіи у братьевъ Мамоничей напечаталъ Евангеліе 1575 г., а Иванъ Ѳедоровъ удалился во Львовъ, гдѣ также занимался печатаніемъ священныхъ книгъ; между прочимъ, здѣсь въ 1574 году онъ издалъ Апостолъ, болѣе полный по подбору статей предъ текстомъ, чѣмъ первопечатный, и потому сдѣлавшійся образцемъ для послѣдующихъ московскихъ изданій. Отъ этой дѣятельности Иванъ Ѳедоровъ отозванъ былъ въ Острогъ, къ князю Острожскому, для изданія задуманной княземъ полной славянской Библіи. И по предшествующей подготовкѣ и по испытанной преданности дѣлу, Иванъ Ѳедоровъ былъ въ это время единственнымъ и незамѣнимымъ человѣкомъ для осуществленія предпріятія Острожскаго князя. Другого, лучшаго выбора просвѣщенный издатель сдѣлать не могъ: онъ обезпечилъ свое изданіе самой лучшей силой въ области печатнаго дѣла. Можно полагать, что и вообще сотрудниковъ для своего изданія Библіи князь Острожскій подобралъ изъ самыхъ лучшихъ книжныхъ силъ своего времени.

Первымъ опытомъ трудовъ подготовленной такимъ образомъ острожской книжной дружины, предъ изданіемъ Острожской Библіи, было изданіе Псалтири и Новаго Завѣта, 1580 года. Въ томъ же году выпущена была справочная книжка къ Новому Завѣту, подъ заглавіемъ: «Книжка собраніе вещеи нужнѣишихъ въ кратцѣ, скораго ради обрѣтенія въ книзѣ Новаго Завѣта по словесамъ азбуки». Въ томъ же 1580 году вышла и знаменитая, первая печатная славянская Острожская Библія. Въ виду спѣшности печатанія или по другой причинѣ, изданіе Библіи носитъ не сплошной счетъ листовъ, а шесть отдѣльныхъ пумерацій: 8, 276, 180, 30, 56 и 78 листовъ. Можно предполагать, что печатаніе производилось сразу на нѣсколькихъ станкахъ. Съ этимъ совпадаетъ и подмѣченное библіо-

графами пользованіе въ изданіи шестью различными шрифтами, изъ которыхъ два были отлиты по матрицамъ первопечатныхъ московскихъ и виленскихъ книгъ [1]). Повидимому, первое изданіе Острожской Библіи 1580 г. скоро разошлось. Это можно видѣть изъ того, что уже въ 1581 г. сдѣлано было второе изданіе этой Библіи. Разница между ними незначительная: послѣдній, 78 листъ, въ однихъ экземплярахъ носитъ выходъ: *1580, іюля 12* (такіе экземпляры весьма рѣдки), въ другихъ: *1581, мѣсяца августа 12 дня;* кромѣ этого, въ экземплярахъ 1581 г., тотъ же 78 листъ содержитъ небольшое молитвенное воззваніе отъ Ивана Ѳедорова на славянскомъ и греческомъ языкахъ, а въ изданіи 1580 года этого воззванія нѣтъ. Указываютъ библіографы и еще нѣкоторыя разности въ орнаментахъ и шрифтѣ [2]). Внѣшній видъ и техническая отдѣлка текста Острожской Библіи 1580 и 1581 годовъ весьма внушительны: большое листовое изданіе, съ разнообразнымъ шрифтомъ, орнаментами и киноварными заголовками (въ четырехъ мѣстахъ), параллельныя мѣста на поляхъ—по всему этому Острожское изданіе рѣшительно ничѣмъ не уступаетъ лучшимъ тогдашнимъ чешскимъ, польскимъ и латинскимъ изданіямъ Библій, за исключеніемъ развѣ рисунковъ, которыми украшены нѣкоторыя изъ этихъ иноязычныхъ изданій.

Со стороны состава библейскихъ текстовъ, въ ряду всѣхъ западныхъ и юго-западныхъ переводовъ, переложеній и изданій священнаго библейскаго текста XVI вѣка, назначенныхъ для русскаго народа, Острожская Библія 1580—1581 гг. занимаетъ по праву самое первое мѣсто. По своей полнотѣ въ воспроизведеніи библейскихъ писаній, Острожская Библія стоитъ не только выше всѣхъ многочисленныхъ юго-западнорусскихъ указанныхъ выше изводовъ, но, какъ мы видѣли, выше польской Библіи, служившей образцомъ для русскихъ библейскихъ переложеній того времени. Ни одно изъ изданій обращавшихся въ то время въ западной и юго-западной Руси,

---

[1]) Гатцукъ, Русск. Вѣстн. 1872 г., т. 99.

[2]) Каратаевъ, Описаніе славянорусскихъ книгъ, напечатанныхъ кирилловскими буквами, 1878 г. I, стр. 94. (†) Родосскій, А. С. Описаніе старопечатныхъ и церковно-славянскихъ книгъ, хранящихся въ библіотекѣ Спб. Духовной Академіи, вып. I, Спб. 1891, стр. 34—35. Конспективный обзоръ литературы объ Острожской Библіи—у С. А. Щегловой въ Отчетѣ объ экскурсіи семинарія русской филологіи въ Житомірѣ, Кіевъ 1911, стр. 111—119 (изъ Унив. Изв. 1911 г.).

не обнимало въ такомъ исчерпывающемъ составѣ всѣхъ каноническихъ и неканоническихъ библейскихъ книгъ, какъ это изданіе.

Ни одно изданіе и переложеніе не имѣли за собою такой давней испытанной жизни, какъ тексты Острожской Библіи. Не даромъ въ предисловіи къ этой Библіи съ особеннымъ благоговѣніемъ подчеркивается болѣе чѣмъ полутысячелѣтняя давность библейскихъ текстовъ Острожской Библіи, появившихся еще до Владиміра. На нихъ покоились думы, переживанія и лучшія чувства множества поколѣній; они были освящены многовѣковою предшествующею жизнью въ качествѣ носителей самыхъ лучшихъ духовныхъ упованій. Во всемъ этомъ не могло не заключаться ихъ нравственнаго преимущества, ихъ права на признаніе и долговѣчность предъ всѣми другими новыми библейскими переложеніями.

По языку Острожская Библія охватывала въ громадномъ большинствѣ тексты, издавна вращавшіеся въ краѣ и извѣстные народу на общелитературномъ языкѣ того времени, т. е. церковно-славянскомъ языкѣ русскаго извода. Конечно, не всегда эти тексты были одинаково доступны народу, многое оставалось въ нихъ непонятнымъ, но это зависѣло не только отъ языка, но и отъ трудности усвоенія библейскаго повѣствованія. По сравненію съ этимъ свойствомъ языка, тотъ новый искусственный языкъ, какимъ писались народныя западнорусскія переложенія и переводы библейскихъ текстовъ, едва ли представлялъ больше преимуществъ по своей доступности. Религіозно-просвѣтительныя достоинства того и другого вида текстовъ несомнѣнно внимательно были взвѣшены княземъ Острожскимъ, и старый, традиціонный текстъ Библіи получилъ въ его глазахъ перевѣсъ не безъ достаточныхъ основаній. Въ немъ охранитель и защитникъ православія, князь Острожскій, могъ видѣть не только простое средство библейскаго ученія, но и залогъ связи своего народа съ другою, большею вѣтвью этого народа, сохранявшею свою отеческую вѣру въ болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ, при томъ же исконномъ церковно-славянскомъ языкѣ въ богослуженіи и въ письменности. Выработка новаго, западно-русскаго и южнорусскаго языка, при подавляющемъ вліяніи польскаго языка, соединялась въ представленіи князя Острожскаго съ противоправославными теченіями, вызывавшими новые библейскіе переводы. Все это самымъ явнымъ образомъ угрожало и русской

народности и православной вѣрѣ и, естественно, не могло найти себѣ сочувствія въ князѣ-патріотѣ.

Историческое значеніе Острожской Библіи въ русской жизни, а вмѣстѣ и въ литературной исторіи славянскихъ народовъ—болгаръ, сербовъ, хорватовъ, а также связанныхъ въ исторіи съ славянами румынъ—весьма существенно.

Усиленный натискъ польской стихіи на русскую стародавнюю культуру, притомъ въ соединеніи съ разнообразной вѣроисповѣдной пропагандой въ XVI—XVII вѣкахъ, вызвалъ энергичный отпоръ со стороны русскаго обездоленнаго западно-русскаго народа, на время отдалилъ крушеніе исконныхъ русскихъ устоевъ и въ нѣкоторомъ отношеніи спасъ стяги православія въ польско-литовской Руси.

Въ этомъ отпорѣ польскому натиску Острожской Библіи суждено было проявить весьма значительное вліяніе. Если бы князь Острожскій въ свое время не охранилъ свою позицію, не защитилъ въ ряду другихъ просвѣтительныхъ мѣръ—правъ церковно-славянскаго языка на преимущественное употребленіе его у южно-руссовъ въ библейскомъ, богослужебномъ и вообще церковномъ употребленіи,—если бы онъ издалъ Библію по примѣру многочисленныхъ и модныхъ въ XVI вѣкѣ народныхъ переложеній, на юго-западно-русскомъ искусственномъ нарѣчіи, то послѣдствія этого могли бы быть неисчислимы. И прежде всего, отдѣленный отъ восточной половины западно-русскій народъ, при намѣчавшемся уже тогда и усилившемся впослѣдствіи вѣроисповѣдномъ преслѣдованіи со стороны поляковъ, лишился бы единственной своей связи съ восточными братьями, и сохраненіе имъ своей національной самобытности получило бы непреодолимыя затрудненія. Первое печатное изданіе Библіи у народовъ, съ недостаточно развитымъ культурнымъ и литературнымъ наслѣдствомъ, всегда оказываетъ весьма сильное вліяніе на всю культурную жизнь, на развитіе литературнаго языка и особенно на религіозно-бытовой укладъ. И первое на Руси полное изданіе славянской Библіи князя Острожскаго учитывало всю силу своего культурнаго значенія: оно избрало для себя то русло, по которому протекала до того времени вся высшая духовно-нравственная жизнь западнаго и юго-западнаго края и котораго держалась также и восточная Русь. Этимъ властно былъ положенъ предѣлъ распространенію польско-русской стихіи въ языкѣ Библіи и вмѣстѣ всей церковной книжности, былъ

осужденъ, какъ чуждый и незаконный, натискъ на православіе со стороны иновѣрія разныхъ видовъ и оттѣнковъ и что особенно важно—создана была неразрывная связь съ восточною половиною Руси, возстановленъ былъ давній историческій мостъ, которому суждено было съ теченіемъ времени привести къ полному объединенію расколотыя судьбою половины Руси.

Знаменательные въ исторіи Руси и Польши XVI и XVII вѣка были временемъ борьбы между польской и русской національностями, между польской и русской культурой. И перевѣсъ въ этой борьбѣ весьма часто склонялся на сторону польской стихіи. Будь въ это время ослаблена послѣдняя и единственно осязательная цитадель русскаго духа въ средѣ западно-русскаго народа — церковный языкъ съ его связями и воспоминаніями—трудно сказать, на чемъ бы опирались тогда въ этомъ краѣ національныя традиціи, ослабленныя и давнимъ государственнымъ разъединеніемъ отъ восточнаго ядра русскаго народа и отсутствіемъ просвѣщенія и враждебнымъ напоромъ болѣе культурныхъ и дисциплинированныхъ силъ, особенно когда насиліемъ Польши разрушено было религіозное единство западной и юго-западной Руси съ восточной. Трудно представить, чѣмъ бы поддерживалось въ борьбѣ съ Польшей сознаніе этой связи и съ другой—московской стороны, если бы не существовало между этими двумя частями Руси, помимо смутнаго чувства національнаго родства, болѣе опредѣленныхъ общихъ упованій, закрѣпленныхъ священною печатью нѣкогда существовавшаго религіознаго единства и символомъ и проявленіемъ этого единства — однимъ церковнымъ языкомъ, одной Библіей [1]). Князь Острожскій своею дѣятельностью заботливо оберегъ лучшія связи двухъ разорванныхъ вѣтвей русскаго народа и чѣмъ значительно помогъ своему потомству въ послѣдующей національной и вѣроисповѣдной борьбѣ. Даже болѣе того: этотъ его подвигъ сосредоточилъ и вызвалъ вокругъ себя цѣлое религіозно-національное движеніе, далеко выступив-

[1]) Спеціальнаго изслѣдованія о языкѣ Острожской Библіи нѣтъ. Лучшій обзоръ языковыхъ явленій этого изданія содержится въ сочиненіи, имѣющемъ въ общемъ другую задачу, проф. С. К. Булича—Церковно-славянскіе элементы въ современномъ литературномъ и народномъ русскомъ языкѣ, ч. I. СПБ. 1893.

шее за предѣлы юго-западной Руси. Съ нимъ непосредственно связана дѣятельность церковно-просвѣтительныхъ братствъ XVI—XVII вв. и даже всего высшаго просвѣщенія. Въ московской Руси этотъ подвигъ князя Острожскаго отразился въ иной, также весьма важной культурной формѣ.

Воспользовавшись дарами Москвы—новгородскимъ библейскимъ сводомъ 1499 года и не нашедшимъ себѣ признанія въ Москвѣ, первымъ московскимъ печатникомъ—Иваномъ Ѳедоровымъ. осуществителемъ изданія Острожской Библіи 1580—81 гг. князь Острожскій съ лихвою возвратилъ Москвѣ ея достояніе: онъ выковалъ для Москвы типъ Библіи, съ той поры постепенно получившій высшее церковное признаніе, и типъ церковнаго языка, окончательно утвердившійся въ церковномъ употребленіи съ XVII в. Значеніе этой духовно-просвѣтительной заслуги князя Острожскаго въ московской Руси можно видѣть изъ того, что даже почти сто лѣтъ спустя. въ 1663 г.. московское правительство не въ силахъ было дать чего-либо самостоятельнаго по сравненію съ Острожскимъ изданіемъ Библіи, хотя въ этомъ наблюдалась настоятельная нужда, и нашло возможнымъ только повторить его, въ видѣ простой перепечатки, въ изданіи 1663 года. Культурныя силы Острожскаго князя въ 1581 г. были значительнѣе, чѣмъ силы могущественной царской и патріаршей московской власти 1663 года...

Но значеніе Острожской Библіи вышло далеко за предѣлы русской духовной литературы. Изданію этому пришлось занять исключительное. руководящее мѣсто въ общеславянской литературѣ. Подобно культурно-политическому состязанію Руси съ Польшей, въ томъ же XVI—XVII в. для русской церковной книжности намѣчалась менѣе сложная, но все таки знаменательная борьба относительно церковно-славянскаго языка въ примѣненіи къ новой тогда области—печатному станку. Практикой жизни былъ поставленъ вопросъ, какой рецензіи церковно славянскаго языка предстоитъ занять господствующее мѣсто въ церковно-богослужебномъ употребленіи. До того времени, до появленія печатныхъ книгъ, отдѣльныя вѣтви православныхъ славянскихъ народовъ пользовались церковными книгами своего извода, т. е. сербскаго, болгарскаго, русскаго, но, съ появленіемъ книгопечатанія, очевидно было, что каждому отдѣльному народу, въ особенности порабощенному и бѣдному. трудно будетъ заготовлять для себя собственными

силами всѣ необходимыя богослужебныя церковныя книги, что для обслуживанія всего православнаго славянскаго міра жизнью будетъ выдвинутъ и закрѣпленъ одинъ типъ славянскихъ книгъ. Всѣ изводы попробовали свои силы въ началѣ этого состязанія: въ изданіяхъ венеціанскихъ воевода Божидаръ Вуковичъ горячо рекомендовалъ славянскому міру сербскій изводъ; еще ранѣе и отчасти одновременно съ нимъ тотъ же изводъ заявлялъ себя въ Цетиньѣ, Гораждѣ, Руинѣ, Грачаницѣ, Милешевѣ, Бѣлградѣ, Мркшиной церкви, Скадрѣ и Трговицѣ [1]), гдѣ также были сербскія печатни; въ изданіяхъ бѣлградскихъ (въ Трансильваніи), а также терговищскихъ выступалъ изводъ болгарскій, въ краковскихъ изданіяхъ Фѣоля (съ 1491 г.) выдвигался изводъ молдавскій; соперникомъ этимъ типамъ церковно-славянскаго языка выступилъ въ 1517—1525 гг., въ изданіяхъ Скорины, западно-русскій языкъ. Но въ концѣ борьбы перевѣсъ оказался на сторонѣ церковно-славянскаго извода русскаго типа. Несомнѣнно въ этой исторической побѣдѣ имѣло значеніе то, что русскій изводъ имѣлъ на своей сторонѣ внушительную политическую силу русскаго народа, но нельзя не признать и того, что этотъ русскій типъ славянскаго языка заявилъ себя существенными преимуществами, что въ историческомъ состязаніи онъ могъ выставить такое исключительно цѣнное изданіе, какъ Острожская Библія, съ которымъ по значенію и выполненію не могло сравняться ни одно изъ изданій сербскихъ, болгарскихъ, молдавскихъ или западно-русскихъ.

Въ самомъ дѣлѣ, что представляли всѣ эти изданія по сравненію съ полнымъ и, какъ мы видѣли, провѣреннымъ видомъ текста Острожской Библіи? Прежде всего, всѣ до одного эти изданія были весьма скромными перепечатками богослужебныхъ текстовъ, всѣ вызывались текущими неотложными потребностями церковнаго употребленія. На долговѣчность онѣ не разчитывали. По составу онѣ представляли незначительную часть Библіи, не болѣе одной трети всего библейскаго состава, въ разрозненномъ видѣ богослужебныхъ библейскихъ чтеній. Въ частности всѣхъ старопечатныхъ изданій церковно-славянскихъ богослужебныхъ книгъ всѣхъ изводовъ — съ чтеніями изъ библейскаго текста — съ 1491 года по 1580 г., когда по знаменательному совпаденію вышла

[1]) Поповић, П. Преглед српске књижевности, Београд, 1909, 11 стр.

Острожская Библія и совершенно прекратились эти изданія за предѣлами Руси, мы насчитали 31: молдавскихъ, краковскихъ 1491 года — 3 изданія [1]), сербскихъ разныхъ выходовъ—17 изданій [2]), молдавскихъ и угровлахійскихъ болгарскаго или болгарско-сербскаго типа—11 изданій [3]). Изда-

[1]) Именно: *Часословецъ*, т. е. текстъ богослужебной Псалтири, *Тріодь Постная*, съ 92 чтеніями изъ Библіи: Іоиля 2, Исаіи 31, Захаріи 1, Быт. 29 и Притч. 29; *Тріодь Цвѣтная*, съ 56 паримійными чтеніями: Быт. 5, Притч 1, Софон. 2, Зах. 2, Іезек. 5, Исх. 7, Іов. 5, Іер. 3, Іс. 13, Іона 1, Інс. Нав. 1, Цар. 2, Дан. 1, Мих. 1, Второз. 3, Числ. 1, Іоиль 1, Прем. Солом. 2.

[2]) *Цѣтиньское* 1 изданіе—Псалтирь съ возслѣдованіемъ 1495 года, напечатано по повелѣнію воеводы черногорскаго Гюрга Црноевича священноиноком Макаріемъ, при митрополитѣ зетскомъ Вавилѣ; *венеціанскихъ* 9 изданій: 1) Служебникъ 1519 г., по повелѣнію воеводы Божидара Вуковича, напечатанъ іеромонахомъ Пахоміемъ изъ Черной Горы; содержитъ избранныя чтенія Евангелія и Апостола, 2) Псалтирь съ Часословомъ 1519—1520 гг., по повелѣнію Божидара Вуковича, трудомъ іером. Пахомія; 3) Псалтирь съ Часословцемъ, 1527—1531 г., въ Венеціи или Гораждѣ (въ Герцоговинѣ, на р. Дринѣ), иждивеніемъ Божидара Вуковича; 4) Псалтирь съ Возслѣдованіемъ, 1546 г., на средства Винцента, сына Божидара; 5) Тріодь Постная, 1561 г., на средства того же Винцента, сына Божидара, трудомъ Стефана изъ Скадра (Скутари); 6) Псалтирь съ Возслѣдованіемъ, 1561 г., иждивеніемъ Винцента Вуковича, сына Божидара; 7) Тріодь Цвѣтная 1562 г. (?); 8) Часословецъ, 1566 г., изданный чернецомъ Іаковомъ изъ Каменной Рѣки (мѣстность или въ Герцоговинѣ, близъ г. Колошина, или въ предѣлахъ болгарскихъ, близъ Кюстендила) въ типографіи, принадлежавшей ранѣе Божидару Вуковичу; 9) Псалтирь съ Возслѣдованіемъ, 1569 г., изданная Іеронимомъ Загуровичемъ изъ Котора, при посредствѣ Іакова Крайнова изъ Софіи: *рунжское* (Руяна въ ю.-зап. Сербіи, на р. Моравѣ) Евангеліе, 1537 г., трудомъ монаха Ѳеодосія.—1 изданіе; *мильчевскихъ* (въ Герцоговинѣ, близъ г. Пріеполя) 2 изданія: 1) Псалтирь Слѣдованная, 1544 г., на иждивеніе игумена Даніила, трудами іеромонаховъ Мардарія и Ѳеодора; 2) Псалтирь Слѣдованная, 1557 г., изданная по повелѣнію игумена Даніила; *бѣлградское*—1 изданіе: Евангеліе 1552 года, на средства князя Радниша Дмитровича, а послѣ его смерти дубровничанина Трояна Гундулича, трудомъ іеромонаха Мардарія изъ Мьркшипе Цркве: *скадрское* (Скутари, близъ Черногоріи, на р. Боянѣ) 1 изданіе: Тріодь Цвѣтная 1563 г., напечатана стараніемъ Стефана Скадарскаго и типографа Камила Занети; *мержшинскихъ* (Мьркшипе Цркве, въ Сербіи или въ Черной Горѣ) 2 изданія: Евангеліе 1562 г., трудомъ іеромонаха Мардарія, Тріодь Цвѣтная, 1566 г., трудомъ того же іеромонаха Мардарія и его помощниковъ—священника Живка и діакона Радула.

[3]) Изданія слѣдующія: *брашовское* (въ Трансильваніи) Евангеліе, около 1500 г., на иждивеніе жупана Гануша Бѣгнера, безъ означенія времени и мѣста изданія; *терговищскихъ* (въ Валахіи), вѣроятно, 2 изда-

ній болгарскихъ въ собственномъ смыслѣ, сдѣланныхъ болгарами, совсѣмъ не было: до болгаръ книгопечатаніе не дошло. Болгарское участіе въ этомъ дѣлѣ выразилось въ передачѣ болгарскихъ текстовъ насельникамъ Молдавіи и Валахіи, гдѣ эти тексты и дошли до типографскаго станка. Изъ печатниковъ-болгаръ можно указать только двухъ лицъ: Іакова изъ Софіи и другого Іакова изъ Каменной Рѣки, если только понимать подъ этимъ именемъ мѣстность болгарской территоріи. Наибольшая энергія въ этомъ дѣлѣ была развита несомнѣнно сербами. Но при какихъ стѣсненныхъ, ужасныхъ условіяхъ приходилось вести дѣло сербскимъ издателямъ, можно читать почти во всѣхъ предисловіяхъ ихъ къ своимъ изданіямъ. Вотъ условія печатанія первыхъ въ средѣ южнаго славянства цѣтинскихъ изданій. Начинатель этого дѣла—черногорскій воевода Гюрги Цырноевичъ говоритъ о побужденіяхъ къ своему благородному предпріятію (въ предисловіи къ Октоиху 1493—1494 г.), между прочимъ, слѣдующее: ви́ну всѧкого блгодѣа́нїа и̑ сло́вомь па́сущесе несьтр҃пехомь. последиже грѣхь ра́ди на́шихь пости́же па́сѫщи на́сь и̑смаи́льтьска железна пали́ца. ѕвы непро́сто бїющи, пь оу҃бивающи. и̑ при́доше е҆зы́ци вь досто́а́нїе бж҃їе. цр҃кви ра́здрушите, Ви́девь а҆̀зь, вь х҃а б҃а бл҃говерни и к҃омь хра́ними во҆е҆́вода зети господинь гю̀рьгь прьно҆е҆́викь оѕма́лїенїе светихь книгь ра҆̀схище́нїе҆́мь и̑ раздра́нїемь а҆̀гаренскыихь че́дь. вьзревновахь поспе́ше́нїе҆́мь светого

нія: 1) Евангеліе 1512 г., безъ означенія мѣста, но повелѣнію воеводы Іѡ. Басараба, трудомъ священноинока Макарія; 2) Апостолъ, 1547 г., изданъ въ правленіе угровлахійскаго воеводы Іѡ. Мирчи, на средства Логовета Димитрія, внука Божидара, при содѣйствіи учениковъ Опра и Петра; *шебежскихъ*, въ Седмиградьи, вѣроятно, 4 изданія: 1) Псалтирь Слѣдованная, 1577 г., издана трудами діакона Кореси; 2) Евангеліе (напрестольное), 1579 г., трудами діакона Кореси и Мануила; 3) Тріодь Постная, 1577—79, вѣроятно, трудами того же діакона Кореси; 4) Минея избранная, 1580 г., съ соизволенія седмиградскаго митрополита Геннадія, трудами діакона Кореси; *неизвѣстныхъ выходовъ* молдавскихъ и угровлахійскихъ, повидимому, 4 изданія: 1) Евангеліе, ок. 1534—1537 г., извѣстное исключительнымъ безобразіемъ шрифта (у Каратаева, Описаніе славяно русск. книгъ I, № 23); 2) Евангеліе напрестольное 1537 г., 3) Псалтирь ок. 1579 г., 4) Тетроевангеліе, отрывокъ изъ Евангелія Матѳея, ок. 1580 г.—Подсчетъ произведенъ по Каратаеву, Описаніе славянорусскихъ книгъ, напечатанныхъ кирилловскими буквами. 1491—1730. Вып. I, СПБ. 1878 г. и Л. Стојановићу, Стари српски записи и натписи, II—III. Београд, 1905.

духа. и сѣставйхъ формы на нихже въ ѣдйно лѣто ѻсмимь чловѣкомь съвръшити ѻхтойхъ и т. д. Но уже въ 1496 г. вскорѣ послѣ изданія Псалтири, начинатель сербской печати—Гюргн Църноевичъ былъ выгнанъ своимъ братомъ, при помощи турокъ, изъ Черной Горы, отправился въ Венецію, гдѣ была родина его жены, былъ тамъ подвергнутъ заключенію, бѣжалъ оттуда и, послѣ нѣкотораго скитанья по Италіи, вернулся на родину; здѣсь снова злоключенія преслѣдовали его: онъ былъ выданъ туркамъ, сосланъ турками въ Малую Азію и, предполагаютъ, что, подобно своему брату, вынужденъ былъ принять исламъ... Ближайшій сотрудникъ Гюргн Църноевича по печатанію—священноинокъ Макарій—изъ Черной Горы также отправился въ Венецію, чтобы усовершенствоваться въ своемъ искусствѣ, отсюда переселился въ Валахію и тамъ положилъ начало печатному дѣлу (въ 1508 г. Служебникъ, въ 1510 Октоихъ, въ 1512 г. Евангеліе терговищское). Тожество черногорскаго и валашскаго Макарія—печатника того времени точно не установлено, но оно весьма вѣроятно. Въ такомъ случаѣ начинателемъ румынскаго книгопечатанія будетъ сербъ. Но, такъ какъ терговищское Евангеліе 1512 года основано было на болгарскомъ оригиналѣ, то этому сербу придется приписать и честь начинателя книгопечатанія у болгаръ.

Много трогательнаго проявили эти сербскіе народолюбы, издатели и печатники священныхъ и богослужебныхъ книгъ XV—XVI-го столѣтія. Три поколѣнія изъ рода воеводъ Вуковичей—Божидаръ, Винценцъ и Димитрій Логоѳетъ—неослабно поддерживали книгопечатаніе, сначала въ Венеціи, потомъ въ Валахіи, на пользу своихъ сородичей, на воспитаніе вѣры и крѣпости духа у всѣхъ единовѣрцевъ своего языка. Въ епистолѣ, при Псалтири 1546 г., Венценцъ Вуковичъ выразительно отмѣчаетъ, что, вѣрный примѣру и завѣту своего отца († 1540 г.), онъ будетъ продолжать его дѣятельность на пользу «своимъ родякомь и бащини» и проситъ всѣхъ, «яко нашащи старе книге писане отъ срьбске земле пошалите ми да е щампамъ на споминаніе старихъ, и хвалу Христову, почем би могли прити у него во свето кролевство» [1]). Не видно, чтобы сербскій патріотъ, покровитель просвѣщенія, нашелъ много сотрудниковъ... Издатель Евангелія 1552 г., въ

[1]) Каратаевъ, Описаніе славяно-русскихъ книгъ, I, стр. 84.

захолустной Мрькшиной церкви, нынѣ совершенно неизвѣстной, іеромонахъ Мардарій, повидимому, совершенно одинъ несъ труды печатника и по изготовленію шрифта (жалуется, что ему приходилось вырѣзывать буквы изъ желѣза и мѣди), и по набору и даже прінсканію текста... Разумѣется, при такихъ условіяхъ не могло быть и рѣчи о какой нибудь провѣркѣ и установкѣ текста: издавалось то, что бралось съ церковной полки и что снова направлялось на ту же полку въ печатномъ видѣ. Задачи печатанія ограничивались самымъ элементарнымъ удовлетвореніемъ церковно-богослужебной потребности. Вся патріотическая и гражданская попечительность о поддержаніи народнаго духа, просвѣщенія и языка сосредоточивалась вокругъ церкви, какъ послѣдней опоры народнаго существованія. Что выходило за предѣлы этой неотложной, церковной необходимости, неизбѣжно оставлялось внѣ круга наблюденія немногихъ народолюбовъ. Даже изъ церковныхъ книгъ вниманіе останавливалось преимущественно на книгѣ скорби и покаяннаго воздыханія — Псалтири: Псалтирь была издана 12 разъ. Евангеліе 9, Апостолъ 1 разъ [1]).

При такихъ условіяхъ издательства богослужебно-библейскихъ текстовъ у южныхъ славянъ, вполнѣ понятно, что полное и тщательно свѣренное изданіе Острожской Библіи сразу завоевало себѣ господствующее положеніе въ области библейскихъ текстовъ во всемъ славянствѣ. Не даромъ всѣ эти славянскія изданія идутъ только до 1580 года и съ этого года совершенно прекращаются.

Въ особенности, когда изданіе это съ теченіемъ времени было принято въ Москвѣ за образецъ библейскаго текста, а вмѣстѣ съ тѣмъ и за норму церковно-славянскаго языка, участь другихъ изводовъ была окончательно рѣшена: они навсегда уступили свое мѣсто русскому типу библейскаго текста и церковно-славянскаго языка. Острожская Библія была первымъ и самымъ главнымъ вѣстникомъ и проводникомъ русскаго первенства среди православныхъ славянъ въ единственной тогда области междуславянскихъ сношеній—области богослужебнаго и литературнаго языка. Разумѣется, Острожская Библія не

[1]) Проф. Мурко, ограничивая наблюденіе только предѣлами сербскихъ изданій, считаетъ только 3 Евангелія и не находитъ ни одного Апостола. Geschichte der älteren südslavischen Litteraturen (Die Litteraturen des Ostens in Einzeldarstellungen B. V, Abt. 2), Leipzig, 1908, S. 196.

одна выполняла эту культурную миссію: вмѣстѣ съ нею шла къ южнымъ славянамъ цѣлая русская литература: еще до Острожской Библіи на славянскій югъ посылались русскія рукописи (Чтенія О. Нест. Лѣт., кн. 18, в. IV, стр. 45), но во главѣ этой литературы, въ основѣ всѣхъ этихъ русскихъ рукописей и изданій XVI—XVII вв. стояла Острожская Библія. Изслѣдователь сербской книжности, Новаковичъ, такъ уяснялъ отношеніе сербскихъ типографій XVI—XVII вв. къ русскимъ изданіямъ и естественное вліяніе на бѣдный и порабощенный сербскій народъ этихъ изданій и всей ихъ культурной атмосферы: «(сербскія) типографіи не въ состояніи были замѣнить переписыванья, и потому, и во время ихъ дѣятельности и послѣ, писалось довольно много, пока не начали привозить книги изъ Руси, которыя дѣйствительно освободили сербскихъ монаховъ отъ трудовъ печатанія и писанія, но вмѣстѣ съ тѣмъ вмѣсто сербскаго произношенія ввели русское и были причиною немалыхъ недоразумѣній и затрудненій въ развитіи народнаго языка въ литературѣ, прервавши его естественное развитіе. Эти русскія книги безъ сомнѣнія прекратили работы нашего книгопечатанія, такъ какъ наши бѣдные подрядчики не были въ состояніи состязаться съ русскими въ цѣнахъ и оплатѣ труда, да, кромѣ того, сербы уже начали смотрѣть на то, что печаталось въ Россіи, какъ на что-то лучшее и болѣе правильное въ дѣлѣ вѣры. Этому могло помогать и то, что наши легко могли узнать про большую справу русскаго церковнаго текста, которая была сдѣлана въ XVI вѣкѣ» [1]), т. е. про острожскую справу. Русская редакція славянскаго языка главенствовала у сербовъ съ XVII в. до начала новой сербской литературы въ XIX вѣкѣ.

Такое же вліяніе оказалъ съ XVII в. русскій изводъ библейскаго текста и церковно-славянскаго языка и на болгаръ, поставленныхъ судьбою еще въ болѣе тяжелыя культурныя условія, чѣмъ сербы, относительно удовлетворенія своихъ духовныхъ запросовъ. Съ паденіемъ государственной независимости Болгаріи, въ 1393 г., письменная дѣятельность ея постепенно замерла, образованность пала. Болгарскій національный духъ испытывалъ невообразимый гнетъ съ двухъ сторонъ—отъ политическихъ поработителей—турокъ и отъ духовныхъ владыкъ—греческой фанаріотской іерархіи. Іерархія уничтожала славянское богослу-

[1]) Историја српске књижевности, 1871, стр. 122.

женіе и вводила греческое, совершенно непонятное для народа, истребляла славянскія книги и рукописи. Въ болгарскихъ школахъ преподаваніе должно было происходить на греческомъ языкѣ, чтобы преградить такимъ образомъ болгарамъ возможность къ развитію отечественнаго языка. Главное стремленіе фанаріотскаго духовенства направлено было къ искорененію въ болгарахъ воспоминанія о бывшей политической ихъ самостоятельности и церковной независимости отъ Византіи. Этотъ духовный гнетъ побуждалъ болгаръ переходить въ католичество и даже въ магометанство. При такомъ положеніи помощь изъ Россіи являлась весьма существеннымъ средствомъ къ поддержанію національной церковной жизни, богослуженія, и книжной традиціи. Болгары получали изъ Руси богослужебныя книги, сначала рукописныя, а потомъ печатныя. Вмѣстѣ съ этими церковно-богослужебными книгами у болгаръ вошла въ употребленіе русская редакція церковно-славянскаго языка, сохранявшаяся до первой четверти XIX столѣтія, до времени народнаго возрожденія болгаръ.

Несомнѣнно, такое объединеніе православнаго славянства въ пользованіи въ богослуженіи и письменности церковно-славянскимъ языкомъ русской редакціи обусловливалось не однимъ только преимуществомъ важнѣйшихъ текстовъ русской редакціи, во главѣ съ Острожской Библіей, но разнообразными и сложными причинами: здѣсь дѣйствовало и высокое обаяніе русской государственной силы, и милостыня и постоянная поддержка угнетеннымъ болгарамъ и сербамъ со стороны московскаго правительства и южно-русскихъ братствъ—въ ихъ борьбѣ за православную вѣру противъ мусульманъ и католиковъ и, наконецъ, школьно-просвѣтительныя связи, въ особенности при посредствѣ кіевской академіи, гдѣ часто обучались будущіе южно-славянскіе дѣятели. Въ общемъ, русская стихія выдвигалась въ ряду другихъ славянскихъ языковъ пѣлымъ рядомъ естественныхъ и неопровержимыхъ преимуществъ. Но всѣ эти преимущества все таки сосредоточивались и проявлялись въ церковно-славянскомъ языкѣ русскаго типа, а этотъ языкъ свое наилучшее и высочайшее проявленіе находилъ въ Острожской Библіи. Повторяемъ, что въ литературѣ зачаточной и несложной по своему строенію, какова была тогдашняя общеславянская письменность, средоточіе этой письменности устанавливалось легко, и книга основная для всей этой письменности и священная для всего тогдаш-

няго уклада жизни по самому положенію своему уже естественно стояла въ центрѣ литературы. Князь Острожскій ясно угадывалъ, что первая печатная славянская Библія, въ полномъ и исправномъ видѣ совершенно недоступная и неизвѣстная южно-славянскому міру, должна будетъ найти доступъ *ко всѣмъ согласующимся языку словенскому и соединяющимся тожде церкве православію, братіи возлюбленной не точію еже по плоти, но и по духу святымъ, всѣмъ повсюду православнымъ* (Предисловіе Острожск. Б.) [1]). И она нашла этотъ доступъ. Она завоевала себѣ пріемъ въ Москвѣ; при посредствѣ московской первопечатной Библіи 1663 года, она стала въ положеніе непосредственнаго первоисточника этой первопечатной московской святыни, а отсюда она, въ сопровожденіи цѣлаго арсенала духовно-просвѣтительныхъ средствъ, двинулась къ южному славянству, какъ вѣстникъ и носитель русскаго имени и русскаго языка въ доступной тогда—незначительной наслойкѣ къ славянскому тексту. Въ сознаніи русской науки три изданія славянской Библіи—Острожское 1580-81 гг., Московское 1663 и Елизаветинское 1751—почитаются представителями русской рецензіи церковно-славянскаго языка въ его историческомъ развитіи [2]), подобно тому, какъ начало славянскаго просвѣщенія и славянской письменности неизбѣжно олицетворяется въ переводѣ «въ началѣ бѣ Слово». И это нельзя не признать справедливымъ: священную для православныхъ славянъ письменность возможно представлять только въ видѣ самой священной книги.

Гораздо выразительнѣе по своей неожиданности сказалось вліяніе Острожской Библіи на богослужебномъ текстѣ библейскихъ чтеній хорватскихъ глаголитовъ. Первоначальный гла-

---

[1]) Такое назначеніе русскихъ печатныхъ книгъ для всѣхъ славянъ православнаго исповѣданія указывалось и въ другихъ изданіяхъ того времени. Ср. Толков. І. Златоустаго на кн. Дѣяній Апостольскихъ. 1624 г., Кіевъ, Предъсловіе, л. 16—17: Пріемѣте его (Хрисостома) іафетово племя, Россове, и славяне и Македонове: стяжите и болгарове, сербове и боспяне: облобызайте и Истрове, Іллурікове и Далматове: срящѣте и Молдаване, Мултяне и Унгровлахове: въспріимѣте и Чехове, Моравляне, Горбатове, и вся широковластная Сарматіа възлюби и притяжи и, и всѣ православніи сію святую якоже нѣкое Евхаристиріонъ любезнѣ пріимѣте книгу.

[2]) См. проф. С. К. Буличъ, Церковно-славянскіе элементы въ современномъ литературномъ и народномъ русскомъ языкѣ. СПБ. 1893.

голическій библейскій текстъ, какъ открывается нынѣ изъ ряда изслѣдованій, относится къ переводамъ св. славянскихъ первоучителей. До XIII в. онъ сохранялся въ богослуженіи, на далматинскомъ побережѣ, подъ постоянными запретами и угрозами римской куріи. Съ XIII вѣка глаголическое богослуженіе получило признаніе, и употребленіе глаголицы распростанилось широко въ областяхъ Далмаціи, Истріи и Крайны. Вмѣстѣ съ тѣмъ, съ этого времени, съ 1248 года [1]), глаголическое богослуженіе постепенно латинизуется, приспособляется къ формѣ латинскихъ богослужебныхъ чиновъ. Соотвѣтственно съ этимъ, чистый богослужебно-библейскій глаголическій текстъ оказывается въ рукописяхъ, только не испытавшихъ еще провѣрки по новому латинскому оригиналу [2]). Всѣ же тексты, побывавшіе въ рукахъ исправителей послѣ половины XIII в., носятъ пестрый, подновленный характеръ. Такіе подновленные тексты дошли до типографскаго станка. Глаголическія типографіи дѣйствовали въ Венеціи (1483—1812), Сеньѣ (1507—1508), Рѣкѣ (Фіумѣ 1531), въ Модрушѣ 1525 г., Тюбингенѣ (1561—1564) и въ Римѣ (1621—1791). О характерѣ тюбингенскихъ текстовъ мы упоминали. Это были библейскіе протестантскіе тексты, переведенные на народный языкъ только съ незначительнымъ удержаніемъ стараго языка въ переводѣ. Эти тексты стоятъ въ сторонѣ отъ общаго стараго славянскаго русла. Изданія венеціанскія, сеньскія и фіумскія и модрушское представляли воспроизведеніе богослужебныхъ библейскихъ текстовъ съ старою основою, но съ неодинаковыми новыми добавленіями изъ латинскихъ текстовъ подъ вліяніемъ частичныхъ, не систематизированныхъ, случайныхъ ревизій богослужебныхъ книгъ. Всѣ первопечатные глаголическіе богослужебныя книги, вышедшія изъ указанныхъ

---

[1]) *Theiner*, Monum. Slav. Merid. I, 78; посланіе папы Иннокентія отъ 29 марта 1248 г., направленное къ сеньскому епископу Филиппу. „Nos igitur attendentes, quod sermo rei et non res sermoni subiecta, licentiam tibi in illis dumtaxat partibus, ubi de consuetudine observatur praemissa, dummodo sententia ex ipsius varietate litterae non ledatur, auctoritate presentium concedimus postulatam“. Такое же разрѣшительное посланіе того же папы Иннокентія къ епископу кръчскому Фруктуозу, отъ 26 января 1252 г.,— ср. *Jelić*, Fontes historici liturgiae glagolito-romanae, Veglae, 1906, pag. 9—10.

[2]) Объ этомъ—проф. А. В. Михайловъ, Къ вопросу о литературномъ наслѣдіи свв. Кирилла и Меѳодія въ глаголическихъ хорватскихъ миссалахъ и бревіаріяхъ, Варшава, 1904.

типографій—служебникъ 1483 г., часословъ 1493, изданія 1494, 1496, 1507, 1525, 1535, 1561 годовъ обнаруживаютъ полное незнаніе стараго языка новыми переводчиками добавочныхъ частей, поэтому научное значеніе этихъ изданій опредѣляется только степенью сохранности въ этихъ изданіяхъ стараго рукописнаго текста [1]).

Судьба глаголическихъ служебниковъ и часослововъ существенно измѣняется послѣ Тридентскаго собора. Опредѣленіе этого собора относительно исправленія латинскихъ богослужебныхъ книгъ должно было распространиться и на глаголическія богослужебныя книги. Рѣшеніе заняться этимъ дѣломъ послѣдовало для глаголическихъ книгъ поздно: только въ 1624 г. епископъ сеньско-модрушскій Янъ Агаличъ вынесъ на созванномъ имъ соборѣ постановленіе о необходимости исправленія глаголическихъ часослова и служебника примѣнительно къ типу этихъ книгъ, установленному на основаніи опредѣленія Тридентскаго собора. Исторія этого исправленія совпадаетъ или, вѣрнѣе, погружается въ исторію римской типографіи конгрегаціи пропаганды, дѣйствовавшей въ 1621—1791 годахъ. Изданія типографіи конгрегаціи De propaganda fide носятъ особый характеръ: онѣ стоятъ въ зависимости отъ библейскихъ текстовъ русской рецензіи.

Появленіе русскихъ библейскихъ текстовъ въ глаголическихъ изданіяхъ конгрегаціи пропаганды представляетъ значительный интересъ съ бытовой стороны въ области славянскихъ отношеній. Подготовка къ печатанію богослужебныхъ глаголическихъ книгъ, а равно и редакціонное исправленіе ихъ поручено было папою Урбаномъ VIII Рафаилу Леваковичу, монаху ордена миноритовъ, хорвату родомъ, который въ 1622 году былъ рекомендованъ Риму настоятелемъ ордена францисканцевъ, ученымъ Главиничемъ, какъ знатокъ латинскаго, итальянскаго и хорватскаго языковъ. За многочисленныя услуги Риму Леваковичъ съ теченіемъ времени возведенъ былъ въ санъ почетнаго архіепископа ахридскаго (первой Юстиніаны). Леваковичъ съ усердіемъ принялся за дѣло исправленія текстовъ. По приказанію папы, изъ разныхъ славянскихъ земель собраны были въ Римъ глаголическія рукописи, которыя и остались въ Римѣ. Въ 1631 году усердіемъ Леваковича изданъ былъ служебникъ (Missale Romanum slavonico

[1]) Josef Vajs, Neistarší Breviář Chrvatsko-hlagolsky, v Praze, 1910, X.

idiomate, Romae 1631). Въ немъ остался старый славянскій текстъ употреблявшейся ранѣе хорватской рецензіи, съ примѣсью народныхъ хорватскихъ особенностей. Продолжая дальнѣйшее ознакомленіе съ славянскими текстами, Леваковичъ углублялъ свои познанія въ славянскомъ языкѣ все болѣе и болѣе. Онъ читалъ, по его словамъ, древній списокъ Псалтири Николая Рабскаго 1222 г., списанный, будто бы, съ списка времени послѣдняго архіепископа Солинскаго Ѳеодора; этотъ списокъ предоставилъ ему, въ 1634 году, на нѣсколько мѣсяцевъ епископъ боснійскій Иванъ Томко Марнавичъ. Такимъ путемъ Леваковичъ знакомился съ видомъ и строеніемъ древне-славянскаго языка. Можно было ожидать, что въ послѣдующихъ изданіяхъ Леваковичъ дастъ тексты болѣе близкіе къ древнему славянскому языку, но этого не случилось. Конгрегація пропаганды была въ это время сильно заинтересована вопросомъ о привлеченіи въ унію русскаго народа и другихъ славянъ. Въ Римѣ, въ особомъ коллегіумѣ для русскихъ уніатовъ, проживало въ это время нѣсколько русскихъ обращенцевъ, между ними Меѳодій Терлецкій, епископъ холмскій. Повидимому, эти уніаты, въ особенности Терлецкій, имѣли возможность внушить въ Римѣ, что настоящій славянскій языкъ, на который переведены книги Меѳодіемъ, сохранился въ русскихъ церковно-богослужебныхъ книгахъ. Пропаганда, по тогдашнему знанію славянскаго языка, не въ состояніи была разобраться въ вопросѣ, гдѣ искать самый чистый и наиболѣе пригодный для даннаго времени типъ славянскаго языка, и отнеслась благосклонно къ рекомендаціи Терлецкаго, тѣмъ болѣе, что это введеніе въ глаголическій текстъ русской церковно-славянской редакціи отвѣчало тогдашнему настроенію и замыслу самой конгрегаціи Пропаганды: она твердо держалась убѣжденія, что примѣненіе въ глаголическихъ книгахъ господствовавшаго въ славянствѣ церковно-славянскаго языка русскаго извода можетъ быть съ успѣхомъ использовано для привлеченія православныхъ славянъ къ единенію съ Римомъ [1]). Леваковичъ получилъ приказаніе исправить глаголическія книги по русско-славянскимъ текстамъ, при помощи Терлецкаго. Въ 1648 году Леваковичъ издалъ глаголическій часословъ (Breviarium Romanum slavonico idiomate, Romae), и слѣды рус-

[1]) Эта мысль лежала въ основѣ всей издательской дѣятельности Пропаганды въ области глаголическихъ книгъ.

скаго текста Острожской Библіи и другихъ изданій въ немъ сказались весьма широко. Псалтирь здѣсь была исправлена частію по славянской Острожской Библіи, частію по вульгатѣ; въ молитвословіяхъ хорватизмы часто уступали мѣсто выраженіямъ славяно-русскимъ [1]). Бревіарій былъ одобренъ папою Иннокентіемъ X. Кромѣ Терлецкаго, въ исправленіи бревіарія принимали участіе еще двое русскихъ уніатовъ—Іосафатъ Исаакович и Филиппъ Боровичъ [2]).

Съ именемъ Леваковича, въ этотъ періодъ его дѣятельности, связывается весьма любопытное обстоятельство, крайне рѣдкое въ бытовой и литературной исторіи славянскихъ библейскихъ текстовъ, именно *поддѣлка славянскаго перевода Псалтири*. Уже давно, со временъ Добровскаго, славянская филологія занималась вопросомъ о загадочной глаголической Псалтири 1222 года, писанной клирикомъ Николаемъ Рабскимъ (Arbensis) со списка послѣдняго архіепископа Солинскаго Ѳеодора и бывшей подъ руками у Леваковича образцомъ славянскаго языка и древняго библейскаго текста. И личность неизвѣстнаго наукѣ архіепископа Ѳеодора и время появленія славянскаго перевода, по этой легендѣ изъ рукъ самого блаженнаго Іеронима—все это звучало большою недостовѣрностью, но только недавно акад. И. В. Ягичу удалось пролить свѣтъ на эту исторію [3]).

---

[1]) Объ особенностяхъ языка справы Леваковича—J. Vajs. Die Nomenclatur in kroatisch—glag. liturg. Büchern, Archiv. f. slav. Philol. XXIX, 561.

[2]) Участіе свое въ исправленіи часослова (бревіарія) 1648 г. Исаакович и Боровичъ засвидѣтельствовали выраженіемъ своего одобренія изданію, помѣщенному впереди предисловія (Assemani, Kalendaria ecclesiae universae, IV, 426—428), Терлецкій же подробно описалъ ходъ исправленія бревіарія и свое участіе въ немъ въ латинскомъ предисловіи къ изданію. Вотъ начало этого предисловія: „Ego Methodius Terlecki, Episcopus Chelmensis et Belcensis, dum anno infrascripto (idest a creatione mundi 7151. a nativitate Christi 1643. Ind. XI. die 16 Sept.) pro gravissimis negotiis totius Russiae, nonnullisque meae dioecesis, inprimis vero, *quae opportuna atque pernecessaria arbitratus sum, pro sanctissima unione in Russia et aliis Slavonicae nationis Provinciis conservanda et promovenda* apud Sedem Apostolicam summo studio laborarem, atque in dies expeditionem eorundem pro voto praestolarem, — Psalterium in eodem Breviario imprimendum, cum R. P. Raphaële, ad vulgatam Translationem, quantum phrasis Illiricae linguae pateretur, de verbo ad verbum accomodarem“...

[3]) Archiv für slav. Philologie, 1911, B. XXXIII, S. 111—134: Tomko Marnavić als Fälscher des angeblich im J. 1222 geschriebenen glagolitischen Psalters.

Леваковичъ утверждалъ, что для ознакомленія съ древнимъ славянскимъ языкомъ и древнѣйшими славянскими текстами, въ ряду другихъ текстовъ, при исправленіи порученныхъ ему глаголическихъ книгъ, онъ особенно почиталъ цѣннымъ древнѣйшій пергаменный списокъ Псалтири, писанный въ 1222 году клирикомъ Николаемъ Рабскимъ со списка послѣдняго архіепископа Солинскаго Ѳеодора. Эту Псалтирь далъ Леваковичу для прочтенія или, если онъ пожелаетъ, для изготовленія собственнаго списка, на нѣсколько мѣсяцевъ, епископъ боснійскій Иванъ Томко Марнавичъ, извѣстный въ то время ученый, знатокъ славянской письменности. Текстъ этой, данной Марнавичемъ, Псалтири существенно разнился, по словамъ Леваковича, отъ обычнаго церковно-славянскаго перевода: переводъ былъ сдѣланъ не съ греческаго текста, а съ латинскаго Іеронимова перевода—рукою самого бл. Іеронима. По языковымъ особенностямъ переводъ этотъ представлялъ значительныя отличія отъ обычнаго вида церковно-славянскихъ текстовъ. Впрочемъ, въ свое изданіе Часослова 1648 года Леваковичъ, какъ мы видѣли, не внесъ особенностей этого стараго текста и не оставилъ ни копіи этой Псалтири, ни своихъ записей о ней, а свѣдѣнія обо всемъ этомъ изъ источниковъ, связанныхъ съ Леваковичемъ, оказались у отдаленнаго преемника Леваковича по исправленію глаголическихъ текстовъ въ половинѣ XVIII в.—Карамана. Сочиненіе Карамана съ сообщеніями объ этомъ обстоятельствѣ оказалось въ архивѣ Пропаганды, въ Римѣ [1]); кромѣ общихъ свѣдѣній объ этой загадочной Псалтири, въ немъ нашлась копія первыхъ семи главъ Псалтири, бывшей у Леваковича, и это дало возможность Ягичу точно изслѣдовать, что такое представлялъ текстъ этой Псалтири.

Наблюденія надъ орѳографіей карамановской копіи Псалтири Леваковича показали Ягичу, что здѣсь не можетъ быть и рѣчи о текстѣ XIII вѣка. Текстъ этотъ знаетъ *щ* въ значеніи *ч* и *щ* и отмѣчаетъ послѣднее значеніе тремя точками; далѣе онъ отмѣчаетъ смягченные *л* и *н*; передаетъ латинское *g* черезъ глаголическое *г*, а не j, какъ это слѣдовало бы ожидать въ спискѣ XIII в.; ставитъ въ словахъ *маи*, *пои*, *пиги*, *дойди* и т. п. на концѣ *и*, а не j, какъ это неизбѣжно было бы въ текстѣ XIII в. Есть и другія особенности, не до-

[1]) Объ этомъ сочиненіи—см. ниже стр. 124, прим. 2.

пустимыя въ хорватско-глаголическомъ спискѣ XIII в.: *дриво* вм. *древо*, *прьсаjенно* вм. *прьсаждено*; *зем'стии*, *чловьчьстии* вм. ожидаемаго въ XIII в. *земсци*, *чловьчьсции*; постоянная замѣна ·въ предлогахъ, приставкахъ и въ корнѣ *з* чрезъ *а* *сатворитъ*, *тагда*, *ка мнѣ*, *ва бозѣ*. Самый текстъ Псалтири оказывается обычнымъ славянскимъ переводомъ, прекрасно извѣстнымъ хорватско-глаголическимъ текстомъ, съ нѣкоторыми измѣненіями по іеронимовскому латинскому переводу. Напр. 1 ст. 1 псалма читается по этому, будто бы, древнѣйшему славянскому переводу такъ: *блажень мужь*, *иже не отиде* (abiit. др.-сл. *иде*) *въ свѣтъ* (in consilio, сл.-хорв. *на савѣтъ*) *нечистивих*, *и на пути грѣшних не ста и на сѣдалищи ругателѣ* (др.-сл. *губитель*) *не сѣде*. Въ другихъ случаяхъ измѣненіе значительнѣе, но совершенно лишено характера древности: пс. 7 з: вмѣсто др.-слав. *не сущу избавльющу ниже съпасающу*, списокъ Леваковича читаетъ, согласно с іеронимовскимъ текстомъ: *одрапнетъ и не будетъ отимлющи* здѣсь дѣйствительно далекое отъ древняго перевода слово *одрапнетъ* имѣетъ тотъ существенный недостатокъ, что оно не извѣстно славянскому языку, а свойственно только хорватскому, сочетаніе же *не будетъ отимлющи* противорѣчитъ славянскому синтаксису.

Наблюденія надъ языкомъ и особенностями текста указываютъ, что эта Псалтирь является неумѣлой поддѣлкой, на основаніи текстовъ русскихъ (XVI в.), сербскихъ (XIV в.) и мѣстныхъ хорватскихъ языковыхъ особенностей (*дриво*—икавщина!)—поддѣлкой, сдѣланной не ранѣе XVII вѣка. По всѣмъ основаніямъ нити этой работы идутъ къ Ивану Томкѣ Марнавичу, именно къ 1612—1614 гг., когда онъ усиленно занимался глаголическою письменностью, или къ 1622 г., времени основанія конгрегаціи пропаганды. Кстати, своеобразная историческая извѣстность поддѣлывателя за Томкой Марнавичемъ уже оказалось установленною ранѣе изъ другихъ источниковъ [1]).

Историческая обстановка, которою Марнавичъ окружилъ свою поддѣлку, не выдерживаетъ никакой критики. Разрушеніе Салоны относятъ къ 614 году; архіепископъ Ѳеодоръ (по древнему наименованію Солинскій) въ это время совер-

[1]) Ст. д-ра Шишича въ „Nastavni Vjesnik“, IX. Arch. f. sl. Phil XXXIII, 132.

шенно неизвѣстенъ [1]). Славянскій переводъ Псалтири въ это время невѣроятенъ, такъ какъ славяне въ это время только начинали первые шаги своего пребыванія на далматинскомъ побережьѣ, и только знаменательное предположеніе о принадлежности этого перевода Іерониму (можетъ быть, сочиненное ad hoc), какъ уроженцу Далмаціи, нѣсколько спасаетъ отъ полнаго крушенія эту фантастическую паутину. Съ клирикомъ Николаемъ поднимается такой же рядъ недоумѣній. Этотъ Николай въ своей записи (въ необычномъ, при томъ, мѣстѣ—въ началѣ рукописи) упоминаетъ своихъ современниковъ 1222 года: папу, императора Фридриха II, византійскаго императора Роберта де-Куртенэ, угорскаго короля Андрея II и архіепископа спалатскаго. Между тѣмъ, у него не упомянутъ дожъ Венеціи, Петръ Ціани, хотя Венеціи тогда принадлежали Кварнерскія острова, Зара и Раба, отечественный городъ самого клирика Николая. Нѣтъ и другихъ весьма естественныхъ припоминаній. Страннымъ образомъ упоминается архіепископъ спалатскій и пропущено имя архіепископа Зары, тогда какъ епископы Рабы, Озера и Вегліи были только викаріями архіепископа зарскаго. Самого себя Николай, по непонятной причинѣ, называетъ клирикомъ, а не пресвитеромъ, діакономъ или иподіакономъ, какъ было это принято въ то время...

Какова была цѣль подлога Томка Марнавича? Ягичъ указываетъ ближайшія соображенія, какія могли руководить подѣлывателемъ: патріоту Марнавичу хотѣлось возвысить въ глазахъ римской куріи значеніе глаголической литургіи, глаголическаго богослужебнаго языка. Дѣйствительно, объединяющая рука Рима очень осязательно давала чувствовать ненужность въ богослуженіи, наряду съ латынью, всякаго иного языка; тѣмъ болѣе это могло высказываться относительно беззащитнаго славяно-хорватскаго глаголическаго богослуженія. И защита Марнавича въ этомъ случаѣ была безусловно патріотически-благородной и полезной. Указать, что глаголическое богослуженіе было извѣстно со времени блажен. Іеронима и даже въ существенной своей части (въ библейскихъ чтеніяхъ) вышло изъ рукъ Іеронима—значило придать ему несомнѣн-

---

[1]) Исторія Салоны излагается въ изданіи Monumenta spectantia Historiam slavorum Meridionalium, vol. XXVI, Scriptores, vol. III. Thomas Archidiaconus: Historia Salonitana, Zagrabiae 1894. Digessit *Rački*.

ный и значительный авторитетъ даже въ глазахъ Рима. Было полезно это и для самихъ глаголитовъ: древнее и почетное въ глазахъ рѵмской церкви происхожденіе глаголическаго богослуженія ободряло и возвышало постоянно принижаемыхъ за свой языкъ защитниковъ хорватско-глаголическихъ богослужебныхъ книгъ и глаголическаго письма въ глазахъ римскаго клира и въ своихъ собственныхъ. Но, намъ кажется, цѣль выдумки объ іеронимовскомъ происхожденіи библейскаго глаголическаго текста этимъ не исчерпывалась. Многовѣковая извѣстность глаголическаго богослуженія римской куріи исключала всякую необходимость въ его рекомендаціи, особенно столь наивнымъ образомъ, какъ это, будто-бы, хотѣлъ сдѣлать Марнавичъ: на глазахъ и съ вѣдома этой куріи богослуженіе это приспособлялось изъ «еретическаго, меѳодіевскаго» облика къ настоящему римскому виду съ XIII в.; Римъ прекрасно зналъ, что далѣе Меѳодія въ этомъ богослуженіи традиціи нѣтъ, и странно было въ XVII в. внушать Риму, что въ отношеніи къ глаголическому богослуженію онъ шелъ противъ авторитета «св. Іеронима». Повидимому, и Марнавичу и Риму подобное измышленіе нужно было для третьяго лица. Если мы примемъ во вниманіе, что силы завоевательныхъ дружинъ Рима направлены были въ это время въ сторону славянскаго востока, въ частности западной и юго-западной Руси, то ближе къ справедливости будетъ предположеніе, что измышленіе объ іеронимовскомъ переводѣ глаголическаго библейскаго текста нужно было для того, чтобы воздѣйствовать на славянъ восточнаго обряда, чтобы обаяніемъ имени Іеронима и древности глаголическаго богослуженія внести въ православную среду мысль о первенствѣ въ славянствѣ глаголической письменности, связаннаго съ нимъ римскаго обряда и вообще о преимущественномъ значеніи для славянства западной культуры... Судьба отмежевала хорватамъ положеніе вѣроисповѣдныхъ посредниковъ въ средѣ славянства. Можетъ быть, это ихъ предназначеніе и сберегло ихъ исконный богослужебный языкъ, которымъ они за это обязывались отплачивать своимъ духовнымъ владыкамъ чрезъ проведеніе въ среду своихъ единоплеменниковъ идеи римскаго главенства. Настоящая услуга Риму со стороны хорватовъ въ лицѣ Марнавича-Леваковича не единственная. Объ одной такой услугѣ мы упоминали раньше: это дѣятельность доминиканца Веніамина въ составленіи Геннадіевской Библіи. Другая, не связанная непосредственно съ пользованіемъ священнымъ тек-

стомъ, построенная на болѣе широкихъ основаніяхъ и замыслахъ, только недавно раскрылась для нашей науки; она связана съ именемъ хорватскаго миссіонера въ Московской Руси въ XVII вѣкѣ—Юрія Крижанича.

Одновременно съ дѣятельностью Марнавича, Леваковича и еп. Меѳодія Терлецкаго конгрегація пропаганды имѣла своего миссіонера, по обстоятельствамъ времени тайнаго, въ Московской Руси. Это былъ Юрій Крижаничъ (1618—1683), хорватъ родомъ, сверстникъ и единомышленникъ тогдашнихъ дѣятелей уніи—Рафаила Леваковича и Меѳодія Терлецкаго, съ которыми Крижаничъ состоялъ въ близкихъ сношеніяхъ. Подъ видомъ панслависта, Крижаничъ пробрался къ московскому двору, своими предложеніями услугъ старался расположить къ себѣ московское правительство, вообще всѣми силами подготовлялъ почву для уніи Москвы съ Римомъ, о чемъ и сообщалъ въ своихъ отчетахъ въ конгрегацію пропаганды. Характерны его предложенія московскому правительству—поручить ему устройство школьнаго преподаванія, исправленіе и печатаніе церковныхъ книгъ въ *Венеціи*, изданіе славянской Библіи, на смѣну вышедшаго изъ продажи Острожскаго изданія. Въ своихъ сочиненіяхъ, гдѣ это было возможно, по тогдашнимъ условіямъ, напр. въ Толкованіи историческихъ пророчествъ, Крижаничъ непремѣнно выступалъ съ своею излюбленною идеею о соединеніи церквей, т. е. о подчиненіи православной церкви папѣ [1]). Для насъ нѣтъ сомнѣнія, что дѣятельность хорватскихъ глаголитовъ въ области превозношенія глаголическаго текста, и старательнаго сближенія его съ русскимъ церковно-славянскимъ текстомъ стояла въ неразрывной связи съ уніональными замыслами конгрегаціи пропаганды въ предѣлахъ православныхъ славянъ.

Изданія Леваковича легли въ основу послѣдующихъ исправленій служебника и часослова. Перепечатки часослова 1688 г. и служебника 1706 года были произведены трудомъ аббата Яна Пастрича, изъ Спалато. Исправленіе этихъ книгъ предъ изданіемъ доставило Пастричу немало затрудненій, и существенную помощь въ этомъ дѣлѣ онъ такъ же, какъ и Леваковичъ, нашелъ въ русскихъ церковно-славянскихъ книгахъ и у двухъ русскихъ священниковъ, по всей вѣроятности,

---

[1]) С. А. Бѣлокуровъ, Юрій Крижаничъ въ Россіи Ч. О. И. Др. Р. 1903, 2, стр. 1—210. † М. И. Соколовъ, Матеріалы и Замѣтки, вып. II, VI.

изъ уніатовъ, проживавшихъ въ Римѣ, неизвѣстныхъ по имени. Объ этомъ самъ Пастричъ разсказываетъ въ примѣчаніяхъ къ своему изданію бревіарія [1]). Въ своихъ исправленіяхъ Пастричъ былъ осторожнѣе своихъ предшественниковъ; по выраженію Шафарика, онъ меньше своихъ предшественниковъ поправилъ, но и меньше ихъ внесъ искаженій [2]).

Третья справа глаголическихъ книгъ, при помощи русскихъ текстовъ, произведена была въ половинѣ XVIII в. Во главѣ ея сталъ зарскій архіепископъ Змаевичъ, покровитель народнаго и письменнаго хорватскаго языка. Непосредственнымъ справщикомъ богослужебныхъ текстовъ онъ избралъ Матвѣя Карамана, священника сплѣтской епархіи, впослѣдствіи архіепископа зарскаго. Съ согласія конгрегаціи пропаганды, на средства архіеп. Змаевича, Караманъ совершилъ путешествіе по славянскимъ землямъ; въ 1732 г. онъ побывалъ въ Россіи, въ качествѣ миссіонера, въ цѣляхъ ознакомленія съ русскимъ языкомъ. Послѣ этого, въ Римѣ онъ занялся исправленіемъ глаголическаго служебника, который былъ изданъ въ 1741 году [3]). Чтенія псалмовъ и другихъ мѣстъ Св. Писанія въ этомъ служебникѣ Караманъ сопоставлялъ съ чтеніемъ славянской Библіи, тексты богослужебные приспособлялъ къ языку русскихъ церковно-богослужебныхъ книгъ; чрезъ это въ его исправленный текстъ вошло много руссизмовъ. Въ этомъ дѣлѣ ему помогали русскіе базиліане—Максимиліанъ Завадскій, консульторъ литовской провинціи, Цезарій Стебповскій, архимандритъ онуфріевскій, Иннокентій Пѣговичъ, архимандритъ минскій и Сильвестръ Рудницкій, впослѣдствіи епископъ луцкій [4]). Они

---

[1]) Assemani, Kalendaria ecclesiae universae, IV, 415. „Adjumento non modico fuit characterum ruthenicorum peritia. Animadverti itaque, nostram breviarii linguam concordare penitus ruthenicae in libris sacris; characteres ipsos in sua varietate scribendi a modo Ruthenorum pendere et propterea a graeca lingua multa trahi; adeo ut graecam primum, tum ruthenicam et sic Slavonicam in breviario possem ac deberem habere perspectam. Ruthèni duo alumni, in sua lingua docti sacerdotes, grammaticam slavonicam typis editam exstare retulere. Sed frustra expetarunt ex patria. Itaque coactus sum longum subire laborem in interrogando ab eis quae ad rem meam fieri videbantur".

[2]) Památky LI.

[3]) Missale Romanum slavonico idiomate, Romae.

[4]) Schafarik, Geschichte der slavischen Sprache und Literatur, 1826, 246. Assemani, Kalendaria eccles. univ. IV, 435.

засвидѣтельствовали исправность славянскаго текста и его точное сходство съ латинскимъ подлинникомъ.

Исправленія глаголическихъ богослужебныхъ книгъ XVII—XVIII вв., не смотря на усиленные труды исправителей, постоянно сопровождались выраженіями несочувствія и порицанія этому дѣлу со стороны глаголитовъ. Это несочувствіе мотивировалось неодинаково: епископъ Петръ Маріановичъ въ половинѣ XVII в. требовалъ отъ кандидатовъ въ священники непремѣннаго знанія латинскаго языка, а знаніе славянскаго языка и глаголическихъ книгъ почиталъ недостаточнымъ, потому что на славянскомъ языкѣ ничего нѣтъ, кромѣ служебника и часослова, и священники, ограничивающіеся этими книгами, поневолѣ остаются невѣжественными и не могутъ управлять не только совѣстью своихъ прихожанъ, но и своею собственною [1]). Здѣсь, такимъ образомъ, указывалось основаніе недовольства глаголическими книгами, но совершенно неожиданно дѣлался тенденціозный выводъ: если попятныхъ народу книгъ недостаточно, то ихъ слѣдовало умножать, а не сосредоточивать вниманія на чужой, при томъ мертвой литературѣ...

Есть свѣдѣнія, что глаголиты не достаточно понимали «новыя книги»: предъ богослуженіемъ духовенство нарочито училось читать эти книги подъ руководствомъ наиболѣе опытныхъ сотоварищей [2]). Это опять касалось случайныхъ недостатковъ глаголическихъ книгъ...

Самое крупное возраженіе противъ служебника Карамана сдѣлано было священникомъ Стефаномъ Розой (Ружичемъ) въ 1741 году. Роза написалъ критику на служебникъ Карамана, въ которой обвинялъ Карамана въ заблужденіяхъ касательно языка и вѣры [3]). Увлеченія Карамана русскими текстами, дѣйствительно, могли давать поводъ ревнителямъ чистоты славянскаго языка сѣтовать на его справу, но возраженія Розы шли дальше фактовъ и носили характеръ предубѣжденія: «очень многія заблужденія, которыми изобилуетъ служебникъ Карамана», говорилъ онъ, «зависятъ отъ двухъ причинъ: во-первыхъ, отъ недостаточности глаголическаго нарѣчія, которое есть незаконное

---

[1]) Schafarik, Geschichte der slavischen Sprache und Literatur, 1826, 245.

[2]) J. Vajs, Memoria liturgiae slavicae in dioecesi Auxerensi Ex archivo dioecesano Auxerensi excerpsit. Veglae, 1906, 68. Nejstar. Brev. XII.

[3]) Annotazione in ordine alla versione detta slava del Messale Romano stampato in Roma l'anno 1741.

дѣтище славянскаго языка; во-вторыхъ, отъ злонамѣренности стариннаго изобрѣтателя глаголической рѣчи, повидимому, какого-то еретика, Меѳодія» [1]). Послѣднее возраженіе рисуетъ въ критикѣ латынника, порвавшаго связи съ національной исторіей, прямого потомка древнихъ треязычниковъ. Первое— говоритъ о незнаніи авторомъ славянскаго языка, о практической, обывательской точкѣ зрѣнія на дѣло. Въ соотвѣтствіе съ нею, Роза настаивалъ на необходимости ввести при богослуженіи общенародное нарѣчіе далматинское или рагузанское и свой проектъ представилъ папѣ Бенедикту XIV. Караманъ вынужденъ былъ написать на критику Розы свои возраженія, въ видѣ апологіи (1741 г.), въ которыхъ справедливо указывалъ на древность и единообразіе славянскаго языка, а вмѣстѣ съ тѣмъ на необходимость сохранить его въ богослужебномъ употребленіи [2]). Апологія эта была поддержана ученикомъ Карамана Совичемъ (1787 г.). Совичъ въ отвѣтъ на предложеніе ввести при богослуженіи народный языкъ, между прочимъ, указывалъ то преимущество славянскаго языка, что этотъ языкъ, какъ языкъ церкви и богослуженія, не подвергался тѣмъ измѣненіямъ, какія переживали живые славянскіе языки, сохранилъ первобытную чистоту и потому наиболѣе удобенъ для потребностей богослуженія [3]).

Неоднократно раздавались голоса осужденія по адресу исправленій конгрегаціи пропаганды при посредствѣ русскаго

---

[1]) Вѣстн. Евр. 1827, № 1—4, 204—205.

[2]) Отвѣтъ Карамана носитъ заглавіе: Identità della lingua litterale slava, e necessità di conservarla ne' libri sacri. Considerazioni, che si umiliano alla Santità di N. S. Papa Benedetto XIV de Matteo Caraman arcivescovo di Zara sopra l'Annotazione del sacerdote Stefano Rosa in ordine alla versione slava del Messale Romano stampato in Roma l'anno 1741. Рукопись, содержащая этотъ отвѣтъ, найдена недавно въ Римѣ, въ архивѣ Пропаганды, состоитъ изъ 592 стр. въ листъ. Защита славянскаго языка ведется на широкихъ научныхъ основаніяхъ. Историческія справки возводятъ появленіе славянскаго перевода св. Писанія за два вѣка до св. Кирилла, такъ какъ появленіе славянъ въ Далмаціи относится къ 548—552 годамъ... Эти свѣдѣнія достались Караману въ наслѣдство отъ легковѣрнаго Рафаила Леваковича, введеннаго въ заблужденіе въ свою очередь Томкою Марнавичемъ съ его пресловутою Псалтирью 1222 года. Ягичъ, Archiv f. slav. Philol. 1911, XXXIII, 1—2, 99—110: Ueber Caramans Werk Identità oder Considerazioni. Bibliographische Mitteilung von E. Schmurlo, eingeleitet von V. Iagić.

[3]) Вѣстн. Евр. 1827, № 1—4. Здѣсь данъ переводъ сочиненія Совича на русскій языкъ каноникомъ Бобровскимъ.

извода славянскаго библейскаго текста. Особенно щедръ былъ на такія ѣдкія нападки большой недоброжелатель Россіи и ея культурной работы—Копитаръ. И, дѣйствительно, и благочестивому слушателю глаголическаго богослуженія и спокойному изслѣдователю судебъ славянскаго языка и библейскаго богослужебнаго текста было бы несравненно пріятнѣе изъ рукъ трудолюбивыхъ справщиковъ XVII—XVIII в. получить органически цѣльный славянскій текстъ глаголическаго типа безъ чуждыхъ привносовъ и наслоеній. Но бѣда одна: такого текста не могли дать эти справщики, такъ какъ его не откуда было взять—славянство выставило въ этомъ изданіи самое лучшее, что оно могло дать, что могъ требовать XVII-й вѣкъ. Научное возстановленіе текста по сохранившимся рукописямъ не было въ обычаѣ у ученыхъ XVII—XVIII в., да и было бы не по силамъ немногимъ тогдашнимъ патріотамъ, впервые учившимся славянскому языку при осуществленіи книжной справы, а жизненная традиція славянскаго языка и славянскихъ текстовъ наилучшимъ образомъ хранилась только у русскихъ. Острожская Библія, во главѣ всей русской церковно славянской рецензіи текста, заняла по праву мѣсто главнаго источника для глаголическихъ текстовъ: чего-либо равнаго ей славянство въ то время выдвинуть не могло. Ея распространеніе въ предѣлы католическаго богослужебнаго чина объясняется не столько естественнымъ закономъ распространенія въ сторону наименьшаго сопротивленія, но и ея несомнѣнными преимуществами предъ всѣми возможными тогда источниками. Къ этому присоединилась миссіонерская задача пропаганды. Ясно выражено было стремленіе показать русскимъ и другимъ народамъ православнаго обряда, что религіозная ихъ унія съ Римомъ, къ которой всѣ эти славянскіе народы старательно приглашались, имѣетъ за собою весьма крупное основаніе—полное согласіе между католичествомъ и православнымъ славянствомъ въ основахъ христіанства, въ самыхъ священныхъ для христіанства богооткровенныхъ библейскихъ текстахъ. Господствующій среди славянства типъ славянскаго библейскаго текста—текстъ Острожской Библіи получилъ въ этомъ стороннемъ и случайномъ соображеніи другое, еще болѣе сильное подкрѣпленіе своего авторитета, болѣе могучее побужденіе для своего распространенія. Но всѣ эти случайныя соображенія и совпаденія могли имѣть значеніе главнымъ образомъ среди отдаленной отъ жизни и искусственно

заинтересованной въ непосредственномъ впечатлѣніи отъ такой работы конгрегаціи пропаганды и должны были совершенно отрицательно дѣйствовать на непосредственное чувство участни ковъ глаголическаго богослуженія, такъ какъ русскій изводъ славянскаго богослужебно-библейскаго текста не могъ быть достаточно доступенъ ихъ пониманію. Поэтому у нихъ эти изданія конгрегаціи пропаганды не находили сочувствія. Подъ вліяніемъ этого, а также, повидимому, вслѣдствіе безуспѣш ности миссіонерскихъ разсчетовъ, связанныхъ съ пріемомъ сближать католическія богослужебныя книги по языку съ книгами восточнаго, православнаго славянства, конгрегація De propaganda fide съ 1791 года прекратила изданіе глаголи ческихъ книгъ [1]). Руководители глаголической письменности стали на путь самостоятельнаго установленія богослужебно библейскихъ текстовъ сербско-хорватскаго типа [2]).

Впрочемъ, связь глаголическихъ библейскихъ текстовъ с Острожской Библіей 1581 г. у хорватовъ была только вре меннымъ, случайнымъ эпизодомъ въ ихъ исторіи Библіи, при томъ вызваннымъ, какъ мы видѣли, оффиціальными, миссіо нерскими соображеніями. Въ общемъ же исторія библей скаго текста на этой почвѣ опредѣлялась внутренними цер ковными и культурными переживаніями хорватскаго народа и направлялась по пути сближенія славянскаго текста съ на роднымъ языкомъ и требованіями римской церковной практики Какъ и раньше, до XV в., славянская Библія, наряду со всѣмъ славянскимъ католическимъ богослуженіемъ, только терпѣлась римской куріей, съ постояннымъ натискомъ въ сторону полнаго ея уничтоженія и замѣны латинскимъ текстомъ. Попрежнему сохраненіе славянскихъ глаголическихъ текстовъ покупалось

---

[1]) Breviarium Romanum slavonico idiomate, Romae 1791. Officia sanctorum slavonico idiomate, Romae 1791.

[2]) Значительный поворотъ въ сторону возстановленія старой традиціи хорватско-глаголическихъ богослужебно-библейскихъ текстовъ сдѣланъ во второй половинѣ XIX и въ началѣ XX столѣтія Берчичемъ и Парчичемъ. J. Vajs, Nejstarší Breviář, XII. Нынѣ научно подготовляется торжество глаголическихъ текстовъ д-ръ Іосифъ Вайсъ своимъ цѣннымъ изданіемъ библейскихъ текстовъ полъ названіемъ: *Glagolitica Publicationes Palaeoslavicae Academiae Veglensis* Fasc. I—VI. 1905—1912 (изданы цѣликомъ или въ частяхъ—книги: Руѳь, Іовъ, Екклисіастъ, прор. Іоиль Осія, Аввакумъ), гдѣ съ достаточною обстоятельностью ученому міру предлагается лучшій рукописный матеріалъ по старѣйшимъ библейско богослужебнымъ глаголическимъ текстамъ.

цѣпою геройскихъ усилій и нравственныхъ компромиссовъ стойкихъ защитниковъ народнаго духа. Бурнымъ потокомъ влилась на защиту этихъ народныхъ теченій въ Библіи новая творческая струя хорватскихъ протестантовъ, но, встрѣченная суровымъ отпоромъ со стороны католическихъ властей, эта струя скоро заглохла и оставила по себѣ только слѣдъ блестящей исторической вспышки въ исторіи національной хорватской жизни. Хорватскія страницы славянской Библіи—единственныя во всей исторіи этой Библіи по силѣ проявленія народнаго духа. Трагическія народныя переживанія латинскаго натиска противъ исконнаго хорватскаго глаголитизма и крайне интересные миссіонерскіе моменты этой исторіи еще ждутъ своего изслѣдователя. Мы въ настоящее время въ силахъ отмѣтить только важнѣйшія внѣшнія проявленія этой исторіи [1]).

Древнѣйшій глаголическій кирилло-меѳодіевскій текстъ Библіи сохранился у хорватовъ въ богослужебныхъ отрывкахъ, въ спискахъ XIII—XVI вв. Лучшій знатокъ этой письменности, I. Вайсъ, считаетъ въ настоящее время 38 списковъ этого текста въ бревіарахъ, миссалахъ и обрядникахъ. Къ этому же старому руслу принадлежатъ и первопечатныя глаголическія изданія—миссалъ 1483 г., инкунабулы 1493, 1494 и 1496 г. и др. [2]). Но уже въ этихъ текстахъ, въ мѣстахъ, дополненныхъ съ латинскаго текста, церковно-славянскій языкъ послѣдовательно и неуклонно уступаетъ свое мѣсто народному хорватскому языку. Еще болѣе народная стихія нашла себѣ мѣсто въ Лекціонаріяхъ или Евангеліаріяхъ, гдѣ, на ряду съ евангельскими чтеніями, содержатся и другія части Новаго и Ветхаго Завѣта. Здѣсь мы встрѣчаемся съ новымъ, чисто народнымъ теченіемъ въ уясненіи и осмысленіи библейскихъ текстовъ, подобно тому, какъ мы видѣли въ нашихъ народныхъ западно-русскихъ переводахъ XVI вѣка. У хорватовъ народная стихія проявляется въ библейскихъ текстахъ еще раньше реформаціи, слѣдовательно, она вызывалась къ жизни собственными здоровыми силами хорватскаго народа, его уже

---

[1]) Пользуемся очеркомъ И. В. Ягича въ Archiv f. sl. Phil., XXXIV Band, 3—4 Heft, S. 497—532,—Die serbokroatischen Übersetzungen der Bibel in Ganzen oder einzelner Teile derselben. Josef Vajs, Nejstarši Breviář chrvatsko-hlaholský, 1910, VI—XV. Ivan Berčić, Ulomci svetoga pisma obojega uvjeta staroslovenskim jesikom skupio iz rukopisah i tiskanih knigah hrvatskoga razreda svećenik Ivan Berčić, Prag 1864—1871.

[2]) Vajs, Nejst. Brev., X. Ср. также Starine, кн. XXXIII, 1—105.

развившимся вкусомъ къ національной письменности, завѣщанной св. первоучителями.

Съ этимъ знаменательнымъ теченіемъ хорватской библейской переводческой дѣятельности связывается какимъ-то, покамѣстъ, неяснымъ для насъ образомъ исторія нашей славянской Библіи въ концѣ XV вѣка, какъ мы о томъ упоминали въ началѣ нашихъ «Очерковъ», поэтому мы почитаемъ необходимымъ остановиться на доступныхъ намъ нынѣ, но еще не изученныхъ надлежащимъ образомъ ея проявленіяхъ. Извѣстны слѣдующіе хорватскіе переводы отдѣльныхъ частей Библіи.

1. *Лекціонаріи XIV—XV вѣковъ.* Древнѣйшій текстъ лекціонарія XIV вѣка сохранился только въ видѣ небольшого отрывка изъ францисканскаго курцоланскаго монастыря и изданъ два раза [1]). Другой полный лекціонарій первой половины XV или конца XIV вѣка, изъ францисканскаго монастыря въ Зарѣ, писанный латиницей, нынѣ хранится въ Придворной библіотекѣ въ Вѣнѣ. Онъ изданъ въ 1894 г., содержитъ чтенія ветхаго и новаго завѣтовъ [2]).

2. *Лекціонарій Бернардина Сплѣтянина*, напечатанный латиницей въ 1495 году. Перепечатки его были въ Венеціи въ 1543 г. и 1586 г. съ небольшими орѳографическими измѣненіями. Новѣйшее изданіе его сдѣлано въ Загребѣ въ 1883 г. проф. Маретичемъ [3]). Чакавское сѣверо-далматинское нарѣчіе перевода этого лекціонарія одинаково подходитъ и къ хорватскому и къ словинскому языкамъ. По словамъ проф. Решетара, переводъ лекціонарія опирается на латинскій оригиналъ [4]), но связь языка этого перевода съ церковно-славянскимъ побуждаетъ предполагать, не было ли здѣсь только переложенія обычнаго глаголическаго текста богослужебнаго лекціонарія. Этотъ первопечатный лекціонарій лежалъ въ основѣ почти всѣхъ богослужебныхъ библейскихъ текстовъ послѣдующихъ католическихъ изданій и переложеній.

3. *Ранинскій лекціонарій 1508 г.* Писанъ въ Рагузѣ ла-

---

[1]) Изд. Радичемъ въ сараевскомъ Гласникѣ зем. муз., III, 254—262 и въ Будапештѣ д-ромъ Мелихомъ Яносомъ подъ названіемъ „Misekönyv a XIV századból".

[2]) Изд. проф. Решетаромъ въ Загребѣ подъ названіемъ Zadarski i Raňinin Lekcionar, 1894 г., стр. 1—95.

[3]) И. В. Ягичъ, Die serbokroat. Uebers. 498—499.

[4]) Rad CXXXIV, S. 83.

тиницей на рагузинскомъ штокавскомъ нарѣчіи. Въ основѣ его оригинала лежалъ переводъ лекціонарія Бернардина Сплѣтянина. На послѣдующія изданія лекціонарія этотъ текстъ вліянія не оказалъ [1]).

4. *Лейпцигскій лекціонарій XVI в.* Въ тѣсной связи съ лекціонаріемъ Бернардина Сплѣтянина или неизвѣстной его переработкой стоитъ списокъ лейпцигской городской библіотеки XVI в., писанный босанскимъ кирилловскимъ письмомъ на смѣшанномъ штокавскомъ и чакавскомъ нарѣчіи. Онъ былъ въ употребленіи у католиковъ боснійцевъ, до XVII в., какъ извѣстно, пользовавшихся кирилловскимъ письмомъ (босанчица).

5. *Протестантскіе библейскіе переводы XVI в.* Протестантское церковное движеніе къ половинѣ XVI вѣка докатилось до юго-западнаго славянства. Руководителями этого движенія рѣшено было направить новую проповѣдь ко всему южному славянству, начиная съ Крайны. Но словинскій языкъ былъ мало пригоденъ, по своей необработанности, для новаго назначенія, и задача ознакомленія южныхъ славянъ съ новымъ ученіемъ возложена была на хорватскій языкъ, достаточно уже приспособленный къ христіанской терминологіи путемъ прежнихъ народныхъ переводовъ лекціонарія и церковно-славянской литургіи. Какъ и вездѣ, реформація начала съ перевода на народный языкъ книгъ Св. Писанія и прежде всего Новаго Завѣта. Душою протестантскаго просвѣщенія—въ интересахъ главнымъ образомъ словинскаго народа, былъ словинецъ Примусъ Труберъ. Самъ лично онъ не былъ въ состояніи дать хорватскій переводъ Новаго Завѣта и онъ пригласилъ къ себѣ для этой цѣли Истріянина Стефана Консула. Католическій священникъ съ протестантскими воззрѣніями, Стефанъ Консулъ вынужденъ былъ бѣжать въ Германію, гдѣ онъ въ 1552 году встрѣтился съ Трубероиъ, нѣкоторое время перебивался подлѣ него уроками и, наконецъ, по уговору Трубера, посвятилъ себя переводу Св. Писанія на хорватскій языкъ глаголическимъ письмомъ. Съ частью этой работы въ 1559 г. онъ отправился въ Любляны, гдѣ познакомился съ Антономъ Далматиномъ, занимавшимся подобной же работой. Свою работу, т. е. видимо переводъ Новаго Завѣта, они представили въ томъ же году на судъ знатоковъ, и съ ихъ одобреніемъ Кон-

[1]) Изданъ Ранинскій лекціонарій проф. Решетаромъ въ Загребѣ вмѣстѣ съ Задарскимъ лекціонаріемъ (стр. 128, прим. 2).

сулъ направился въ Германію для изданія перевода. Въ Урахѣ близъ Тюбингена, основана была (въ 1560—1561 гг.), н средства барона Ганса Унгнада глаголическая печатня, и в ней трудъ Консула и Далматина въ 1561 г. увидѣлъ свѣт Такъ какъ замыслы вдохновителей протестантскаго просвѣ щенія у славянъ обнимали не только хорватовъ, но и сербов и другихъ славянскихъ насельниковъ Турціи, которые польз вались кирилловскимъ письмомъ, то одновременно съ глаголи ческой печатней была основана (въ 1561 г.) кирилловская, тотъ же самый переводъ былъ изданъ въ кирилловскомъ текст Надъ этимъ изданіемъ трудился уже не одинъ Консулъ. Сил его были подорваны, онъ часто хворалъ, поэтому на помощ себѣ онъ вызвалъ (въ 1561 г.) изъ Люблянъ своего сорабо ника по переводу Антона Далматина, а вмѣстѣ съ нимъ и нѣ которыхъ другихъ помощниковъ. Далматину принадлежит трудъ изданія кирилловскаго текста. Сотрудниками его был Юрай Юричичъ и Цвѣтичъ [1]).

Заглавіе глаголическаго изданія Новаго Завѣта 1562 слѣдующее: «Први дел новога тестамента, ватом йесу св четири Евангелисти і Дѣн'е Апустолско, із мнозіхь ѣзико в'опчені садашні і разумні Хрвацкі ѣзік, по Антону Далм тіну, і Стіпану Істріану, спомотю другіх братов, сада пр стлмачен». Нѣмецкій переводъ этого заглавія и выход «В Тубінгі. Лето отъ Крстова ройства. 1562». Предъ второ частью Новаго Завѣта, предъ посланіями апостольскими, дав также особое заглавіе. Кирилловское изданіе согласно с глаголическимъ почти буквально. Каждое изданіе было вып щено въ 1000 экземляровъ, какъ видно изъ счетовъ Унгнад въ тюбингенской библіотекѣ.

Вслѣдъ за изданіемъ Новаго Завѣта, тѣми же лицам Консуломъ и Далматиномъ, было издано въ Тюбингенѣ то кованіе главнѣйшихъ отдѣловъ Евангелія въ 1562 г. глаг лическое, въ 1563 кирилловское. Это были бесѣды (постиль въ духѣ нашихъ Учительныхъ Евангелій: «Постила то е кратко истлмаченье всіх недельскіхь Еванеліовь і поглавитеіх Праздников', скроз все Лето, сада наіпрво Хрватскімі сло штампана». Въ 1568 г. u Ratisponi послѣдовало новое изд ніе Постилъ готическою латиницею: «Другі Дел Постілле, ј јест, Летні делі евангеліов... істумачені скрозі поштованої

[1]) Дополняемъ сказанное объ этомъ изданіи на стр. 58—59.

муза Госсподина *Івана Бренціа*»... Отношеніе второго изданія къ первому, равно какъ и самое происхожденіе отъ какого-либо оригинала—еще не выяснены. Лескинъ указывалъ на связь перваго изданія со стороны евангельскаго текста съ лекціонаріемъ Бернардина Сплѣтянина. Но этотъ лекціонарій содержитъ не всѣ евангельскія чтенія, и вопросъ о томъ, откуда восполненъ въ постилахъ текстъ, не читавшійся въ лекціонаріяхъ, стоитъ не затронутымъ. Существованіе, задолго до глаголическихъ переводовъ, боснійскаго богомильскаго кирилловскаго текста (болонское Хвалово Евангеліе) и другихъ кирилловскихъ текстовъ настоятельно требуетъ пересмотра глаголическихъ переложеній въ связи съ этими родственными текстами. Характерно, что появленіе глаголическихъ постилъ по времени совершенно совпадаетъ съ началомъ изданій въ Западной Руси Учительныхъ Евангелій [1]).

Изданіемъ постилъ 1568 года закончилась совмѣстная дѣятельность Консула и Далматина. Они разошлись въ разныя стороны: Консулъ направился къ хорватамъ въ комитатъ Эйзенштадтъ, а Далматинъ возвратился въ Любляны.

Одновременно съ изданіемъ Новаго Завѣта, протестантами приложены были старанія къ тому, чтобы всѣмъ славянамъ турецкой державы, понимавшимъ хорватскій языкъ, дать переводъ Ветхаго Завѣта. Работа въ этомъ направленіи шла, какъ и по переводу Новаго Завѣта, въ Люблянахъ и Тюбингенѣ. По свѣдѣніямъ изъ Люблянъ, въ 1563 году тамъ Юраемъ Юричичемъ готовился переводъ первой книги Моисеевой (Бытіе), а Цвѣтичемъ—переводъ Второзаконія. По тому же преданію, въ томъ же году Леонардъ Мерхеричъ Далмата перевелъ книгу пророка Исаіи. Болѣе точныхъ свѣдѣній объ этихъ переводахъ не сохранилось и, можетъ быть, въ этихъ преданіяхъ идетъ рѣчь о явившихся позднѣе словинскихъ переложеніяхъ Пятокнижія Моисеева (Любляны, 1578) и витенбергской Библіи 1584 г. Какъ бы то ни было, отъ того же, или вѣрнѣе всего отъ слѣдующаго 1564 года до насъ дошелъ хорватскій переводъ всѣхъ пророческихъ книгъ, который изданъ былъ латинскимъ шрифтомъ. Единственный, донынѣ извѣстный экземпляръ этого изданія найденъ былъ И. В. Ягичемъ въ одномъ изъ монастырей верхней Австріи и из-

[1]) Ср. выше, стр. 83—84.

данъ въ 1897 году на средства вѣнской академіи наукъ [1]). Сохранившійся экземпляръ не сохранилъ на себѣ никакого заглавія и предисловія, такъ что нѣтъ возможности узнать именъ переводчиковъ. На основаніи языка издатель предполагаетъ участіе въ переводѣ нѣсколькихъ лицъ. Можетъ быть, здѣсь мы имѣемъ трудъ тѣхъ же самыхъ сотрудниковъ Трубера—Консула и Далматина съ ихъ помощниками по переводческой дѣятельности. Изданіе сопровождается двадцатью гравюрами, за исключеніемъ одной совершенно сходными съ виттенбергскимъ изданіемъ пророческихъ книгъ лютерова перевода 1561 года. Несомнѣнно, мѣстомъ изданія этихъ книгъ какъ и протестантскаго Новаго Завѣта, былъ Тюбингенъ (или вѣрнѣе Урахъ, гдѣ помѣщалась типографія Унгнада) и изданіе вышло не позднѣе 1564 года. Въ этомъ году дѣятельность хорватовъ-протестантовъ въ Тюбингенѣ совершенно прекратилась. Неожиданная смерть барона Унгнада (27 дек. 1564 г.) нанесла непоправимый ударъ книжнымъ предпріятіямъ хорватскихъ гуманистовъ.

Отъ своихъ переводовъ Труберъ, Далматинъ и Консулъ, вмѣстѣ съ своими покровителями и приверженцами—барономъ Унгнадомъ и краинскою знатью, ожидали большихъ успѣховъ протестантизма среди всѣхъ южныхъ славянъ до Царьграда и даже до Руси. Не даромъ они одновременно издавали свои переводы глаголицею и кирилицею. Новый Завѣтъ 1561—1562 г., по ихъ намѣренію, долженъ былъ служить «всимъ словенскога язика людемь, наипрьво Хрьватомь и Далматіномь, потомь такаише Бошньакомъ, Безьякомъ, Србьломь и Булгаромь». И, дѣйствительно, переводы эти сначала нашли себѣ нѣкоторое распространеніе: глаголическія книги были приняты въ интеллигентныхъ кругахъ Хорватіи и Истріи. Одинъ истрійскій священникъ назвалъ Далматина и Консула «другими Кирилломъ и Меѳодіемъ, которые явили правду Св. Писанія хорватской рѣчи». Но въ народную среду протестантсткая «язва» не была допущена усиліями патеровъ и суровыми воздѣйствіями власти. Всѣ планы о распространеніи протестантизма среди южныхъ славянъ, среди словинцевъ и хор-

[1]) Заглавіе: Vsih prorokov stumačenje hrvatsko. Veteris Testamenti Prophetarum interpretatio istrocroatica saeculi XVI. Adjuvante Academiae litterarum Caesareae Vindobonensis liberalitate edidit V. Jagić. Изслѣдованіе Ягича объ этомъ переводѣ—Anzeiger der kais. Akademie der Wiss., Wien, Sitzung der philos. histor. Klasse, Jahrgang 1896, V—VI.

ватовъ, католической контрреформаціей вездѣ были уничтожены, за исключеніемъ одной части угорскихъ словинцевъ, которые остались протестантами. Еще меньше успѣха имѣли кирилловскія протестантскія книги. Только въ Босніи православные священники сербскихъ ускоковъ находили ихъ удобопонятными. Всѣхъ же остальныхъ православныхъ сербовъ и болгаръ отталкивалъ необычный языкъ этихъ книгъ, несходный съ привычнымъ имъ славяно-сербскимъ или славяно-болгарскимъ языкомъ церковныхъ книгъ цетиньскихъ, венеціанскихъ, бѣлградскихъ и др. выходовъ. И не смотря на усиленныя старанія распространить эти книги въ Литвѣ, Москвѣ, Молдавіи и Валахіи, Сербіи и Далмаціи, даже въ Царьградѣ, какъ дѣлали это протестанты при содѣйствіи, напр., вѣнскаго книгопродавца Фрёлиха, никакого успѣха не было. Если не вполнѣ, то въ значительной мѣрѣ близко къ истинѣ указалъ причину этой неудачи протестантовъ въ славянскихъ православныхъ странахъ Караманъ [1]), когда заявилъ, что богослужебный церковно-славянскій языкъ поставилъ преграду наплыву протестантскихъ теченій. Для православныхъ славянъ новые протестантскіе переводы, разумѣется, не представляли заманчивой новизны. Какъ бы по злой иронiи судьбы, самая типографія Унгнада перешла къ врагамъ протестантовъ—къ коллегіи римской пропаганды. Изъ Ураха и Тюбингена она перенесена была въ Градецъ (въ Штиріи), а потомъ въ 1621 г. подарена была императоромъ Фердинандомъ II новооснованной тогда коллегіи пропаганды [2]). Исторія отвела на долю протестантскимъ библейскимъ переводамъ только одно литературное значеніе. Въ развитіи языка и хорватской литературы они занимаютъ видное мѣсто.

Впрочемъ, неменьшую заслугу протестантскихъ переводовъ библейскихъ текстовъ можно усматривать въ ихъ моральномъ вліяніи на послѣдующую дѣятельность католиковъ въ этомъ направленіи. Подъ вліяніемъ протестантскаго движенія католики вынуждаются сами все болѣе и болѣе дѣлать доступными народу страницы Св. Писанія. Появляются, по примѣру протестантовъ, толкованія евангельскихъ чтеній, въ видѣ постилъ, и цѣлый рядъ новыхъ изданій и переложеній богослужебныхъ евангельскихъ чтеній.

[1]) Identità della lingua—выше стр. 124.

[2]) Дубровскій, Glagolitica; также ст. Кукулевича о Главиничъ (Knjževnici u Hrvatah, 118—119).

6. *Католическіе хорватскіе библейскіе переводы.* Ряд такихъ переводовъ началъ вараждинскій священникъ Антон Врамецъ въ 1586 г. изданіемъ на кайкавскомъ нарѣчіи об ясненій воскресныхъ и праздничныхъ евангелій на все лѣт въ двухъ частяхъ, латинскимъ шрифтомъ. Заглавіе этого весьм рѣдкаго изданія предъ первою частью слѣдующее: Postilla n vsze leto po nedelne dni vezda znovich szpravlena szlovenskii iezikom po Antonu Vramcze sz. P. doctore i czirkve Varas dinszke P. MDLXXXVI. Евангельскій текстъ весьма близок къ давнему чтенію лекціонарія Бернардина Сплѣтскаго. По явленіе этого изданія едва ли не объясняется тѣмъ, что нужн было устранить съ пути протестантскія кирилловскія и гла голическіе толкованія тюбингенской печати Консула и Дал матина.

Но болѣе всего поработали въ дѣлѣ переводовъ оо. фран цисканцы, неутомимые миссіонеры католицизма среди право славныхъ и патаренскихъ сербовъ въ Босніи и другихъ сла вянъ, способныхъ понимать хорватскую рѣчь. Множество из даній въ XVII и XVIII вв. выдержало новое переложені лекціонарія, сдѣланное боснійскимъ францисканцемъ из Скопле Иваномъ Бандулавичемъ для боснійскихъ католиковъ латинскимъ шрифтомъ, на боснійскомъ штокавскомъ нарѣчіе Въ основѣ лекціонарія лежитъ текстъ Бернардина Сплѣтя нина. Причину новаго переложенія Бандулавича тоже, пови димому, можно усматривать въ томъ, что прежній лекціона рій, назначенный для употребленія боснійскихъ католиковъ (лейпцигскій неизданный лекціонарій [1]) былъ написанъ бос нійско-кирилловскимъ шрифтомъ и его потребовалось замѣ нить латиницей. Изданія этого лекціонарія отмѣчаются от 1626, 1639, 1640 (?, 1645?), 1665, 1682, 1699, 1718, 1739 1749 (?), 1793 годовъ.

Большой трудъ по переводу Св. Писанія предпринятъ былъ въ первой половинѣ XVII в. хорватскимъ іезуитомъ (съ остров Пага) Варѳоломеемъ Кашичемъ. Онъ перевелъ на рагузанско нарѣчіе хорватскаго языка, повидимому, всю Библію, но со хранились до нашего времени только отдѣльныя ея части Пятокнижіе Моисеево и книги, слѣдующія послѣ Паралипо менонъ, за исключеніемъ пророковъ; остальныя книги въ ру кописи исчезли. Рукописи съ его переводомъ извѣстны въ

[1]) См. выше стр. 129.

Римѣ и въ библіотекѣ загребскаго университета. Изданы были изъ его переводовъ только чтенія Евангелія въ 1640 и 1641 г. въ предѣлахъ богослужебныхъ зачалъ въ служебникѣ и уставѣ. Текстъ Евангелія въ переводѣ Кашича близокъ къ прежнимъ переводамъ Бернардина Сплѣтянина и Бандулавича; по словамъ же самого Кашича, онъ руководствовался, кромѣ этого, и переводомъ нѣкоего Марка Андрюлича, Трогирянина, неизвѣстнаго хорватской библіографіи, и древнимъ глаголическимъ текстомъ [1]). Трудъ Кашича, очевидно, былъ назначенъ для сѣверной Далмаціи и острововъ, гдѣ была въ употребленіи славянская литургія. Обращеніе этого текста къ старымъ языковымъ традиціямъ цѣнилось впослѣдствіи; такъ въ 1784 г. рагузанскимъ издателемъ Карломъ Оти изданы были, подъ редакціею Салатича, Евангеліе и Апостолъ въ переводѣ Кашича, съ небольшими только особенностями въ правописаніи.

На основѣ тѣхъ же прежнихъ богослужебныхъ народныхъ переводовъ, въ половинѣ XVII вѣка созданъ былъ для потребностей загребской епископіи текстъ загребскаго евангеліарія. Это достигнуто было приспособленіемъ устарѣвшихъ и неупотребительныхъ выраженій прежнихъ переводовъ употребительными мѣстными. Передѣлка эта приписывается въ заглавіи тогдашнему епископу загребскому Петру Петретичу, но, вѣроятно, въ дѣйствительности она совершена была тогдашнимъ писателемъ Краячевичемъ. Загребскій текстъ въ первый разъ былъ изданъ въ Грацѣ въ 1651 г. Безъ существенныхъ измѣненій этотъ текстъ былъ перепечатанъ въ 1694 г. въ городѣ Тырнавѣ, въ Угріи, а также и позднѣе—въ 1730, 1778, 1787, 1807 гг. Былъ рядъ изданій этого текста, съ нѣкоторыми дополненіями и передѣлками [2]) въ XVIII и XIX вв. По примѣру этого приспособленія богослужебнаго текста къ потребностямъ мѣстнаго нарѣчія, произведена была въ концѣ XVII в. передѣлка текста для потребностей Славоніи на штокавское нарѣчіе. Такъ какъ нарѣчіе это близко къ боснійскому говору, то въ основу новаго мѣстнаго изданія положенъ былъ боснійскій текстъ Бандулавича. Переработка эта произведена была францисканцемъ Николаемъ Кесичемъ и издана на средства его брата, Антона Кесича, въ г. Офенѣ, въ 1740 г. И это мѣстное изданіе переиздавалось неоднократно; въ третій разъ

[1]) Dr. Fancev, Archiv f. slav. Philol. 1913, XXXIV, 3—4, S. 533.
[2]) И. В. Ягичъ, Die serbokroat. Uebersetzung. 511.

оно было переиздано въ Офенѣ, въ 1764 г. Эмерикомъ Павичемъ. Съ большею консервативностью въ языкѣ сравнительно съ переложеніями Кесича и Павича, съ большимъ обращеніемъ къ болѣе старымъ переводамъ—Бандулавича и даже къ глаголическому тексту, вышло въ 1794 г., въ Офенѣ, изданіе Евангелія Марьяна Ланозовича, а еще ранѣе, въ 1773 г., въ Венеціи переработка Бандулавича, сдѣланная долматинскимъ францисканцемъ Петромъ Кнеживичемъ († 1768): *Pistole i Evangelja Priko svegga Godiscta*...

Самое видное мѣсто въ ряду идейныхъ защитниковъ народнаго библейскаго текста въ XVIII вѣкѣ принадлежитъ упомянутому нами ранѣе рагузанскому священнику *Стефану Розѣ* (Ружичу). Извѣстна его горячая полемика противъ архіепископа Карамана, издавшаго въ 1741 г. римскій служебникъ на славянскомъ языкѣ русской редакціи. Одновременно съ теоретическими возраженіями противъ славянскаго языка въ богослуженіи и въ библейскихъ текстахъ, и съ уясненіемъ преимуществъ народнаго языка для богослужебныхъ цѣлей, Роза далъ новый переводъ того же служебника на народное рагузанское нарѣчіе (1747—1751); переводъ этотъ не былъ напечатанъ и хранится въ рукописи (въ францисканскихъ монастыряхъ въ Рагузѣ и въ Римѣ). Кромѣ служебника, Роза оставилъ переводъ всего Новаго Завѣта и критическое разсмотрѣніе переводовъ Бандулавича и Кашича, но и эти его труды хранятся не напечатанными въ архивѣ Пропаганды. Пропаганда стояла еще во время дѣятельности Розы на другой точкѣ зрѣнія относительно языка богослужебнаго и библейскаго текста: она защищала для богослужебныхъ цѣлей хорватскихъ глаголитовъ церковно-славянскій языкъ русской редакціи. Но голосъ Стефана Розы не пропалъ даромъ. Коллегія Пропаганды, какъ мы видѣли, отказалась отъ своего пристрастія, и библейскій хорватскій текстъ въ послѣдующей исторіи вполнѣ сталъ на почву сближенія съ народнымъ языкомъ.

Отвлеченіе въ сторону разсмотрѣнія народнаго хорватскаго библейскаго текста выходитъ изъ рамокъ исторіи славянской Библіи. Но такое отвлеченіе вызывается весьма существенными причинами. Хорватское теченіе славянскаго библейскаго перевода имѣетъ исключительную важность для древнѣйшаго періода славянской Библіи, а равно и для исторіи этой Библіи съ XV вѣка, какъ по своей постоянной связи съ древней, начальной основой Библіи, такъ и по неуясненному еще факту

соприкосновенія хорватскаго перевода съ моментомъ созданія полнаго текста нашей славянской Библіи въ Новгородѣ, въ концѣ XV вѣка. Пусть бѣглый обзоръ не раскрылъ нитей этого знаменательнаго единенія XV-го вѣка,—онъ все таки проясняетъ почву, на которой оно выросло. Ни у одного изъ славянскихъ народовъ, сохранившихъ кирилло-меѳодіевскій переводъ Библіи, мы не наблюдаемъ того духа религіозно-культурнаго прозелитизма, какой составляетъ сущность всей исторіи хорватской Библіи. Ни у болгаръ, ни у сербовъ, ни у русскихъ нѣтъ и тѣни миссіонерскихъ замысловъ къ ближайшимъ или отдаленнымъ родственнымъ по языку сосѣдямъ. Хорваты въ этомъ отношеніи представляютъ полное исключеніе. Духъ вѣроисповѣднаго посредничества—ихъ родная стихія. Одна изъ возможностей ихъ проникновенія въ концѣ XV в. на сѣверъ къ русскимъ для содѣйствія въ составленіи текста полной Библіи намъ чрезъ это наблюденіе становится ясной.

Острожское изданіе славянской Библіи 1580—1581 года опредѣлило собою всю дальнѣйшую судьбу этой Библіи въ московской Руси. Библейскій текстъ, установленный сотрудниками князя Острожскаго, и по языку и по составу, занимаетъ въ московской Руси господствующее положеніе до времени появленія первой на Москвѣ полной печатной Библіи въ 1663 году. Само московское изданіе 1663 года явилось почти буквальной перепечаткой Острожской Библіи. Не въ примѣръ другимъ юго-западнымъ изданіямъ, Острожская Библія не возбуждала въ Москвѣ никакихъ подозрѣній и свободно находила доступъ къ московскимъ книжникамъ. Это объясняется какъ высокимъ авторитетомъ на Москвѣ ея издателя, князя К. К. Острожскаго, пользовавшагося славой защитника православія въ юго-западной Руси, такъ главнымъ образомъ полнымъ соотвѣтствіемъ Острожской Библіи съ тогдашнимъ полнымъ московскимъ библейскимъ текстомъ. На Москвѣ хорошо знали, что Острожская Библія закрѣпила въ изданіи то, что было выработано и признано настоящимъ видомъ славянской Библіи въ Новгородѣ и въ самой Москвѣ [1]). И Острож-

[1]) Совершенно согласно съ преклоненіемъ XVII вѣка предъ Острожскою Библіею, современные намъ представители преданій XVII вѣка—старообрядцы, задумавъ обзавестись для своихъ надобностей самостоя-

ская Библія на Москвѣ, со времени ея появленія, была своимъ мѣстнымъ текстомъ, только получившимъ авторитетное закрѣпленіе на печатномъ станкѣ за предѣлами Москвы.

Выступалъ въ Москвѣ въ XVI вѣкѣ на замѣну получившаго господство Геннадіевскаго, впослѣдствіи острожскаго типа Библіи, новый изводъ. Онъ былъ пущенъ въ литературный оборотъ въ трудѣ извѣстнаго дѣятеля XVI вѣка—митрополита Макарія, въ его Великихъ Четь-Минеяхъ. Библейскія книги помѣщены здѣсь подъ тѣми числами мѣсяцевъ, на которыя падаетъ церковная память празднуемыхъ въ нихъ священныхъ писателей [1]). Книги помѣщены не всѣ: не достаетъ цѣлыхъ 15 книгъ—тѣхъ, которыя у Геннадія переведены съ латинскаго, хотя 1 и 2 Макк. и толкованія Брунона нашли себѣ мѣсто; Пятокнижіе приведено въ сокращеніи, не въ порядкѣ, съ свободнымъ пересказомъ. Сдѣланы исправленія, повидимому, въ духѣ постановленія Стоглаваго собора—преимущественно изъяснительнаго характера. Однѣ изъясненія чисто текстуальнаго характера, другія представляютъ толкованія и состоятъ изъ аналогій между ветхимъ и новымъ завѣтомъ. Повидимому, работа производилась по спискамъ типа Палеи, т. е. представляющимъ не чистый библейскій текстъ, а разбавленный толкованіемъ и вставками. Есть поправки по греческому тексту, но больше такихъ, которыя основываются на славянскихъ же чтеніяхъ иного вида, сравнительно съ Геннадіевскою Библіею. По языку многія мѣста библейскихъ чтеній отличаются особою выразительностью. По сдержанному, хотя и не строго вы-

---

тельнымъ изданіемъ Библіи, переиздали Острожскую Библію (изданіе московской старообрядческой книгопечатни, Москва, 7422=1914 года). Объ этомъ старообрядческомъ изданіи см. нашу замѣтку въ Церк. Вѣстникѣ 1914 г. и отд. отт.

[1]) 1 сентября—кн. Іисуса Навина, Судей, Руѳь; 4 сент.—Исходъ (неполн.); 5 сент.—кн. прор. Захаріи; 26 сент.—Евангеліе Іоанна съ толкованіемъ и толковый Апокалипсисъ; 18 окт.—Евангеліе отъ Луки съ толков. Ѳеофилакта и кн. Дѣяній ап. съ толкованіемъ; 16 нояб.—Евангеліе Матѳея съ толкованіемъ; 1 декабря—кн. прор. Наума, 2 дек. кн. прор. Аввакума, 3 дек. кн. прор. Софоніи, 16 дек. кн. прор. Даніила, повѣсти о Вилѣ и Сусаннѣ; 5 янв. кн. прор. Михея; 9 янв. кн. прор. Захаріи, 21 янв. кн. прор. Іоны, 25 янв. Евангеліе Марка съ толк.; 1 мая кн. прор. Іереміи, 6 мая—кн. Іова, 9 мая—кн. прор. Исаіи съ толков.; 15 іюня—кн. прор, Амоса, 30 іюня—Апостолъ съ толков.; 21 іюля—кн. прор. Іезекіиля; 31 іюля—Екклисіастъ съ толков.; 1 авг.—1 и 2 кн. Маккавейскія; 14 авг.—кн. пр. Михея, 20 авг.—1 и 2 кн. Царствъ, Псалтирь съ толк Аѳанасія, Брунона и Ѳеодорита.

держанному, отношенію труда Макарія къ книгамъ, переведеннымъ у Геннадія съ латинскаго, а равно по пользованію иными списками текста, чѣмъ у Геннаідя, и по всѣмъ вообще признакамъ редакціонной работы, видно, что трудъ м. Макарія назначался въ качествѣ замѣны Геннадіевскаго свода. Но такого успѣха библейскій сводъ м. Макарія, какъ и другія попытки времени Грознаго, не имѣлъ. Новгородско-геннадіевскій текстъ, закрѣпленный въ первомъ, всегда важномъ для исторической традиціи, изданіи славянской Библіи въ г. Острогѣ въ 1580—1581 гг., безповоротно и властно удержалъ за собою господствующее положеніе на все послѣдующее время.

Вліяніе острожскаго изданія проявилось на всей линіи славянскаго библейскаго текста—въ его печатномъ и рукописномъ видѣ. Нельзя сказать, чтобы всѣ тексты сразу объединились въ формѣ текста Острожской Библіи. Этого не могло произойти прежде всего потому, что всѣ печатныя изданія отдѣльныхъ частей библейскаго текста отъ 1581 до 1663 года воспроизводили церковно-богослужебный текстъ, отличный по переводу и по составу отъ сплошнаго библейскаго текста, даннаго въ острожскомъ изданіи. Эти два вида текста въ этотъ періодъ шли совершенно самостоятельно, не смѣшиваясь и не измѣняя своего состава. И вліяніе острожскаго текста сказалось въ этой категоріи церковно-богослужебныхъ печатныхъ текстовъ въ томъ, что они объединились въ одномъ типѣ славянскаго языка русской редакціи, въ центрѣ котораго стояло острожское изданіе. Въ нѣсколько иной формѣ выразилось вліяніе острожскаго изданія на рукописные библейскіе тексты. Не говоря о такомъ же объединеніи языка этихъ списковъ въ руслѣ, проложенномъ острожскимъ изданіемъ, какое наблюдается въ печатныхъ изданіяхъ, обаяніе перваго печатнаго изданія полной Библіи проявилось въ полномъ почти прекращеніи какого бы то ни было творчества въ этой области. Списки библейскихъ текстовъ славянскаго перевода конца XVI и XVII вѣковъ представляютъ, если не копіи острожскаго текста, то копіи другихъ печатныхъ или рукописныхъ текстовъ чисто ремесленнаго происхожденія. Переписка священныхъ книгъ, какъ равно и другихъ текстовъ, лежала въ это время, какъ и раньше, главнымъ образомъ на профессіональныхъ или подневольныхъ писцахъ, и сознаніе, что отъ новаго списка требуется не болѣе, какъ подражаніе механическому воспроизведенію готоваго печатнаго текста, въ корень подрывало са-

мостоятельность переписчика. Поэтому совершенно напрасно мы стали бы искать какихъ-либо систематическихъ исправленій, какой-либо разумной редакторской обработки въ этихъ позднихъ спискахъ. Подъ такимъ общимъ воздѣйствіемъ первой на славянскомъ языкѣ печатной Библіи развивались послѣдующіе печатные и рукописные библейскіе тексты.

Печатные библейскіе тексты русскаго происхожденія XVI—XVII вв. носятъ оффиціальный, церковный характеръ, такъ какъ всѣ они цѣликомъ относятся или къ группамъ церковно-богослужебныхъ или церковно-учебныхъ текстовъ. Этимъ объясняется большая устойчивость и, можно сказать, неподвижность этихъ текстовъ по ихъ существу. Если положенные для богослужебныхъ чтеній отдѣлы Библіи въ прежній періодъ далеко не оставались неизмѣнными по своему языковому облику и частію по составу, то въ XVI—XVII вв., наоборотъ, они становятся почти неприкосновенными. Въ этомъ отношеніи судьба библейскихъ текстовъ въ богослужебныхъ книгахъ существенно отличается отъ судьбы собственно богослужебныхъ чиновъ, съ которыми библейскіе тексты стояли рядомъ. Поскольку въ рядовыхъ богослужебныхъ чинахъ пытливая мысль московскихъ справщиковъ постоянно стремилась установить соотвѣтствіе идеальной церковно-богослужебной нормѣ, постольку здѣсь, въ церковно-богослужебныхъ библейскихъ чтеніяхъ, она пребывала въ увѣренности, что здѣсь нѣтъ надобности ни въ какой справѣ.

Нельзя указать ни одного изданія, гдѣ бы библейскій текстъ богослужебнаго типа подвергнутъ былъ какому-нибудь сознательному и значащему измѣненію, помимо исправленій языка, т. е. приспособленія славянскихъ формъ и оборотовъ къ господствующей языковой нормѣ. Жизнь библейскаго текста въ печатныхъ богослужебныхъ книгахъ проявляется въ этотъ періодъ почти исключительно въ измѣненіяхъ сопутствующей имъ внѣшней оправы церковныхъ чинопослѣдованій.

Кажется, можно указать только одно исключеніе, когда въ печатномъ изданіи XVI вѣка выступилъ не общепринятый, ходячій библейско-богослужебный текстъ, а старое и даже еще неизвѣстное въ наукѣ чтеніе. Мы разумѣемъ евангельскій текстъ въ упомянутомъ уже Заблудовскомъ изданіи учительнаго Евангелія 1569 года, т. е. текстъ еще до-острожскій, притомъ не сплошной, а отрывочный, связанный съ текстомъ толкованій и поученій. Повидимому сербскій переводъ этого

Евангелія 1343 г. [1]), хорошо обрусѣвшій и поправленный при печатаніи Иваномъ Ѳедоровымъ, представляетъ новую самостоятельную справу евангельскаго текста XIV в. Высказывалось мнѣніе о томъ, что евангельскій текстъ Учительнаго Евангелія совпадаетъ съ переводомъ святителя Алексія, но, по нашей провѣркѣ, это не подтверждается: на всемъ протяженіи книги, чтенія, при общей древней основѣ, самостоятельны и часто очень характерны. Напримѣръ, извѣстное мѣсто Мѳ. 2_6 читается такъ: и ты Виѳлеоме, земле июдова, не будеши худа весма во владыкахъ июдовахъ (слово на Рожд. Хр.). Въ Мр. 6_{27}: и абие пославъ царь мучителя; въ старыхъ переводахъ воина, въ переводахъ XIV в.—спекулятора. Подобныхъ евангельскихъ чтеній въ извѣстныхъ переводахъ не встрѣчается [2]).

Нельзя сказать, что библейско-богослужебныя чтенія, наканунѣ перваго увѣковѣченія ихъ на печатномъ станкѣ, представляли на Руси полное единство. На ряду съ подавляющимъ большинствомъ списковъ, совпадающихъ съ принятымъ тогда для печати текстомъ, библейско-богослужебныя чтенія изъ книгъ ветхаго завѣта въ небольшомъ рядѣ списковъ, повидимому, новгородскаго происхожденія XV—XVI столѣтія, содержатся въ особомъ изводѣ. Этотъ изводъ по всѣмъ признакамъ явился въ Новгородъ изъ Сербіи, гдѣ онъ могъ появиться въ XIV—

---

[1]) Есть слѣды сербскаго происхожденія этого перевода: мимоиде уже зима, пролѣтіе же вниде, и зримъ тварь всю ботѣющу. Л. 57 об.

[2]) Посланіе ап. Павла къ Евр. 13_{11} приводится такъ: повинуитеся игуменомъ вашимъ и покоряитеся. Особенный видъ евангельскаго текста Учительнаго Евангелія обратилъ на себя вниманіе московскихъ издателей этого Евангелія 1652 г., и они сдѣлали попытку привести его къ виду общепринятаго текста. Въ послѣсловіи къ этому изданію (лл. 536 об.—537) сказано, что въ прежнихъ трехъ выходахъ этой книги (1629, 1633, 1639 гг.), одни евангельскіе тексты были напечатаны согласно съ чтеніемъ напрестольнаго евангелія, а другіе несогласно съ нимъ; „и по благословенію и свидѣтельству п. Іосифа и всего съ нимъ собора“ нынѣ текстъ на 15 недѣлю изданъ согласно съ евангеліемъ напрестольнымъ, а толкованіе на эту недѣлю взято изъ повседневнаго толковаго печатнаго евангелія, а другое мѣсто взято изъ евангельскихъ бесѣдъ св. Іоанна Златоустаго, предисловіе же и нравоученіе въ концѣ оставлено прежнее. „Къ сему же да не усумнишися, православный читателю, егда обрящеши въ книзѣ сей исправленія рѣченій, въ клоненіихъ измѣненія и другая таковая, и возмниттися нова быти самосмышлена, но нѣсть сице: понеже за ихъ святительскимъ благословеніемъ со многихъ переводовъ свидѣтельствованнѣ исправлена суть“.

XV-мъ вѣкѣ. Эта, повидимому, не общераспространенная даже въ Новгородѣ, справа библейскихъ чтеній не имѣла дальнѣйшей исторіи въ періодъ печатныхъ книгъ и является только любопытнымъ историческимъ фактомъ изъ исторіи на Руси смѣны церковныхъ чиновъ и исторіи литературнаго взаимообщенія Новгорода съ Сербіей въ XIV—XV вв. [1]).

Представить полную и подробную характеристику печатнаго библейскаго текста богослужебныхъ и учебныхъ книгъ, дать полную исторію печатнаго текста XVI—XVII вѣковъ, покамѣстъ, невозможно. Въ библіографіи еще точно не установлено количества изданій отдѣльныхъ богослужебныхъ книгъ [2]), тѣмъ болѣе не было произведено подробнаго сравненія и уясненія сходства и разности соотвѣтствующихъ однородныхъ текстовъ. Приходится довольствоваться частію отдѣльными историческими сообщеніями, частію общими наблюденіями надъ наиболѣе типичными изданіями и показаніями предисловій и послѣсловій въ подвергнутыхъ исправленіямъ книгахъ, изъ чего уясняется иногда исторія исправленія той или иной книги, а также причины и ходъ этого исправленія и пособія, какими при этомъ пользовались.

И переходъ отъ переписки богослужебныхъ библейскихъ текстовъ къ печатанію и вся исторія печатныхъ текстовъ до 40-хъ годовъ XVII столѣтія стоятъ въ самой близкой связи съ удовлетвореніемъ простой, неотложной, жизненной потребности въ этихъ богослужебныхъ текстахъ, въ освобожденіи ихъ отъ искаженій и неисправностей, свойственныхъ спискамъ рыночнаго происхожденія, а вовсе не вытекаютъ изъ какихъ-нибудь высокихъ идейныхъ соображеній. Была элементарная нужда въ понятномъ и неискаженномъ текстѣ, открыто заявленная въ Москвѣ на Стоглавомъ Соборѣ 1551 г., и печатный станокъ признанъ былъ лучшимъ средствомъ къ возможному улучшенію текстовъ или, по крайней мѣрѣ, пріостановленію вольныхъ или невольныхъ ихъ искаженій. Любопытный разсказъ о безпомощности даже лучшихъ людей въ уразумѣніи и самостоятельномъ наивномъ осмысленіи священнаго текста передаетъ изъ времени предъ самымъ началомъ нашего

---

[1]) Въ нашемъ изслѣдованіи о кн. прор. Даніила, стр. XLIII—XLVI, проф. А. В. Михайловъ, Опытъ изученія текста книги Бытія пророка Моисея въ древне-славянскомъ переводѣ, Варшава 1905, стр. 428—444.

[2]) Перечень богослужебныхъ книгъ московской печати этого времени собирается дать въ описаніи Типографской Библіотеки А. А. Покровскій.

книгопечатанія извѣстный социніанскій писатель и дѣятель XVI в. Симонъ Будный [1]). Въ Супрасльскомъ монастырѣ, гдѣ и раньше проявлялась вдумчивая традиція къ священному библейскому тексту, въ половинѣ XVI-го вѣка былъ выдающійся по своему времени архимандритъ Сергій Кимбаръ [2]). Его смутили непонятныя для него еврейскія и греческія слова, оставленныя въ Евангеліи безъ перевода, какъ осанна, корвана, Кифа, Варіона. Онъ не догадывался объ иностранномъ происхожденіи этихъ словъ и предполагалъ, что эти слова славянскія, только искаженныя. По созвучію онъ придумалъ себѣ близкія къ этимъ словамъ русскія замѣны и вставилъ ихъ въ свои напрестольныя евангелія. Вмѣсто евангельскаго, напр., чтенія «блаженъ еси, Симоне, Вар-Іона» въ исправленномъ Кимбаромъ текстѣ слышалось такъ: «блаженъ еси, Симоне, говори о нихъ». Послѣднія слова, по разумѣнію Кимбара, обозначали повелѣніе Іисуса Христа ап. Петру молиться за другихъ апостоловъ. Всѣ монахи были довольны и прославляли остроту ума своего архимандрита, только одинъ монахъ, Арсеній, не соглашался съ пониманіемъ архимандрита и даже убѣждалъ его оставить въ покоѣ священныя книги, особенно напрестольныя. Но Кимбаръ не только не унимался, а посадилъ даже безпокойнаго монаха въ заключеніе. Арсенію удалось убѣжать изъ своего невольнаго затвора, и онъ донесъ о соблазнительныхъ домыслахъ архимандрита патрону Супрасльскаго монастыря, брестскому старостѣ Александру Ходкевичу, а затѣмъ митрополиту Макарію. Архимандритъ потребованъ былъ на соборъ и тамъ ему разъяснена была необоснованность его измышленій [3]). Къ обезпеченію отъ такихъ вольныхъ домысловъ, а еще болѣе невольныхъ промаховъ переписчиковъ и выдвинута была работа печатнаго станка. Вмѣстѣ съ этимъ первостепеннымъ удобствомъ—сравнительною исправностью текста, печатаніе давало еще другую незамѣнимую выгоду—давало возможность легко изготовлять любое количество книгъ,

[1]) Въ предисловіи къ его изданію польскаго перевода Новаго Завѣта, Лоскъ, 1574 г.—Nowy Testament, znowu przełożony, a na wielu miejscach za pewnemi dowodami od przysad przez Simona Budnego oczyściony y krotkiemi przypiskami po kraiach objasniony. Przydane też są na koncu tegoz dostatecznieysze przypiski, ktore każdey jakmiarz odmiany przyczyny ukazuią.

[2]) О Кимбарѣ—Макарій, Ист. Рус. ц., IX, 333—334.

[3]) Wiszniewski, Historia literatury Polskiéj, Krakow 1840—57, VI, 585—586. Харламповичъ К. В., Западно-русскія православныя школы XVI и начала XVII вѣка, Казань 1898, 195—196 стр.

достаточныхъ для какой-угодно настоятельно и быстро возникшей потребности. Такія бытовыя побужденія для начала книгопечатанія на Москвѣ отмѣчены, какъ мы уже упоминали, Стоглавымъ соборомъ и ясно указаны первымъ московскимъ печатникомъ, Иваномъ Ѳедоровымъ въ предисловіи къ его изданію Апостола 1564 года. Онъ говоритъ, что Иванъ Грозный, взявши Казань, настроилъ тамъ церквей и велѣлъ закупить для этихъ церквей книгъ на различныхъ рынкахъ. Оказалось весьма мало исправныхъ книгъ: большая часть ихъ была искажена невѣжественными переписчиками. Грозный, посовѣтовавшись съ митрополитомъ Макаріемъ, приказалъ построить печатню и завести печатаніе книгъ, чтобы навсегда обезпечить московское царство достаточнымъ числомъ исправныхъ богослужебныхъ книгъ.

Въ силу неразрывной связи изданій библейскихъ чтеній съ печатаніемъ книгъ церковно-богослужебныхъ, старопечатныя изданія библейскихъ текстовъ не имѣютъ особой исторіи отъ книгъ богослужебнаго круга: эта исторія у нихъ одна. Даже болѣе: такъ какъ библейскіе тексты печатались только для богослужебныхъ и церковно-учительныхъ цѣлей, въ составѣ богослужебныхъ книгъ, то они совершенно погружаются въ своей исторіи въ русло богослужебной и церковно-учительной печати. И самый выборъ библейскихъ книгъ для печати (Евангеліе, Апостолъ, Псалтирь, паремія изъ разныхъ библейскихъ книгъ въ Тріодяхъ и Минеяхъ), и степень исправности ихъ текста и самая судьба ихъ—такое или иное отношеніе къ нимъ читающаго общества—все это совершенно одинаково какъ для богослужебныхъ книгъ, такъ и для текстовъ, заимствованныхъ изъ Библіи. Они выходили изъ однихъ рукъ и направлялись на одни и тѣ же церковныя полки и аналои.

Выборъ для печати библейскихъ текстовъ, или самый составъ и объемъ ихъ былъ предрѣшенъ издавна, ранѣе работы печатнаго станка, указаніемъ церковнаго устава. Тѣ чтенія изъ Евангелія, Апостола, Псалтири и другихъ книгъ, какія входили въ богослужебный кругъ еще въ домосковскій періодъ и опредѣлялись господствовавшимъ въ церкви церковнымъ уставомъ, оставались безъ существенныхъ измѣненій и въ это время. Самое большее, если, по патріотическимъ соображеніямъ, московское правительство изъ готовыхъ, ранѣе существовавшихъ богослужебныхъ чиновъ, составляло новые богослужебные сборники,—выбирало службы русскимъ свя-

тымъ, устраивало изъ нихъ особыя книги, и такимъ образомъ библейскіе отрывки въ этихъ чинахъ попадали въ нѣсколько новую обстановку, въ богослужебную книгу новаго наименованія. Таковы Трефолои 1637—1638 гг., служба и житіе Николая Чудотворца 1640, 1643, 1662, 1694, 1699 гг., Саввы Сторожевскаго 1646 г., преп. Сергія и Никона Радонежскихъ 1646 г., служба на положеніе ризы, еже есть хитонъ, около 1625 г.

Степень исправности библейско-богослужебнаго текста въ печатныхъ изданіяхъ XVI—XVII вѣка стоитъ въ зависимости отъ ближайшихъ исполнителей изданій — печатниковъ, впослѣдствіи, при патріархахъ, справщиковъ, чтецовъ—и отчасти ближайшаго досмотра высшей церковной власти; какихъ-либо особыхъ редакторовъ издаваемыхъ книгъ московскій печатный дворъ XVI—XVII вѣка не зналъ. Идеалъ исправности богослужебныхъ печатныхъ книгъ—согласіе съ старыми, принятыми на Руси, чинами или вѣрнѣе—соотвѣтствіе съ господствующими церковно-уставными понятіями и настроеніями, а также, съ половины XVII вѣка, согласіе ихъ съ греческими текстами — суживался въ примѣненіи къ библейско-богослужебнымъ текстамъ до степени точнаго воспроизведенія установившихся незадолго до начала печатанія въ Москвѣ библейскихъ богослужебныхъ чтеній. Языкъ старопечатныхъ изданій и въ библейскомъ и въ богослужебномъ отдѣлахъ совершенно одинаковъ: это церковно-славянскій языкъ русскаго извода, прочно облюбованный и укоренившійся въ Москвѣ въ XV—XVI вв., освященный въ библейскомъ употребленіи знаменитой Острожской Библіей и съ теченіемъ времени введенный въ рамки церковно-славянской грамматики. Личность печатниковъ и другихъ исполнителей и усовершителей печатнаго текста больше отражалась на сравнительно текучей и гибкой богослужебной части, чѣмъ на библейской. И прилежаніе, и внимательность печатниковъ и ихъ небрежность, при установившихся условіяхъ, проявлялись на библейско-богослужебныхъ чтеніяхъ только во внѣшней исправности языка, тщательности и отчетливости набора, а отнюдь не въ какомъ-либо значительномъ измѣненіи ихъ содержанія. Впрочемъ, печатники въ этой области остались въ исторіи далеко не съ одинаковыми именами. Для примѣра мы укажемъ на двухъ первыхъ начинателей московскаго книгопечатанія.

Вотъ предъ нами первый русскій печатникъ и первый страдалецъ за русское печатное слово — достопамятный діаконъ

Иванъ Ѳедоровъ. Долгіе годы сидитъ онъ за изготовленіемъ и приспособленіемъ къ священному дѣлу своего печатнаго станка, выбираетъ и правитъ текстъ рукописнаго служебнаго Апостола [1]), наконецъ выпускаетъ своего первенца на церковную потребу. Его труды не только не оцѣнены, напротивъ, зависть готова очернить и погубить его. Онъ бѣжитъ въ западную Русь, тамъ просвѣщенное вниманіе гетмана Г. А. Ходкевича даетъ ему возможность снова приложить свои силы къ обогащенію русскаго народа священными письменами посредствомъ изданія весьма важной учительной книги — Учительнаго Евангелія 1569 г. Тщательная обработка этой книги, ея чистый церковно-славянскій языкъ русскаго типа — создали ей славную исторію во всѣхъ краяхъ русской земли и даже за ея предѣлами [2]), больше раздвинули предѣлы литературнаго въ то время русскаго слова, чѣмъ какая-нибудь другая книга московской печати. Изъ Заблудова, послѣ смерти Ходкевича (1569 г.), Иванъ Ѳедоровъ переѣхалъ во Львовъ, тамъ снова издалъ Апостолъ (1573—74 г.), по тексту и шрифту похожій на московскій Апостолъ 1564 г., снабдилъ этотъ Апостолъ большимъ количествомъ статей и предисловіемъ, съ изложеніемъ своихъ неудачъ въ печатномъ дѣлѣ въ Москвѣ; этотъ Апостолъ также легъ въ основу послѣдующихъ русскихъ изданій этой книги, также послужилъ укорененію и господству русскаго типа церковно-славянскаго текста далеко за предѣлами Москвы. Такое же значеніе имѣли и изданіе Ивана Ѳедорова въ Острогѣ Псалтири съ Новымъ Завѣтомъ 1580 г. и въ особенности Острожская Библія. Мы уже говорили ранѣе о высокомъ культурно-историческомъ значеніи текста Острожской Библіи, какъ о цѣлой эпохѣ въ библейской и церковно-бытовой области не только для Руси, но и для всего славянства. Безъ мудрыхъ замысловъ и государственныхъ потрясеній, волею проникновеннаго печатника, при содѣйствіи высокаго покровительства и добраго сотрудничества, созданъ былъ великій церковный и національный монументъ—сокровище и оплотъ языка, мысли и духа на цѣлыя столѣтія и цѣлыя

[1]) Можетъ быть, еще и другихъ книгъ.

[2]) Извѣстенъ фактъ, что въ 1637 г. молдавскій митрополитъ Варлаамъ просилъ у московскаго правительства книгу патріарха Каллиста (Бесѣды на Святое Евангеліе) для перевода на молдавскій языкъ и чтенія въ церквахъ (Труды новгородскаго церк.-археологическаго общества, Новгородъ 1914, стр. 55, ст. архіеп. Арсенія).

страны. Имя вдохновеннаго начинателя печатныхъ изданій священныхъ текстовъ окружено въ исторіи заслуженной благодарностью и неувядаемой славой. Можно указывать на благопріятныя внѣшнія обстоятельства, помогавшія дѣятельности перваго печатника: онъ былъ начинателемъ дѣла, его не стѣсняла пережившая свой вѣкъ традиція; онъ могъ пользоваться въ Москвѣ руководствомъ и содѣйствіемъ тогдашняго просвѣщеннаго митрополита всероссійскаго Макарія; могъ имѣть подъ руками всѣ лучшіе списки подлежавшихъ изданію книгъ и несомнѣнно пользовался исправленіями въ этихъ книгахъ, сдѣланными Максимомъ Грекомъ. Но все это не заслоняетъ и не умаляетъ заслугъ и достоинствъ первопечатника: всѣ эти благопріятныя обстоятельства только способствовали улучшенію, а не создавали его дѣло. Достаточно сравнить съ нимъ его непосредственныхъ продолжателей печатнаго дѣла въ Москвѣ— трехъ представителей фамиліи Невѣжиныхъ, бывшихъ печатниками въ Москвѣ съ 1568 по 1609 гг., чтобы видѣть, что личная настроенность и способность имѣютъ здѣсь незамѣнимое значеніе. Невѣжины [1]) свыше сорока лѣтъ стояли у печатнаго станка въ Москвѣ, когда уже не нужно было бѣгать съ этимъ станкомъ ни въ Литву, ни въ Польшу, и тѣмъ не менѣе они не только не продолжили дѣла Ивана Ѳедорова въ томъ же направленіи, не дали исправныхъ и надолго пригодныхъ текстовъ, но навлекли на себя въ исторіи обвиненіе въ рѣшительной небрежности, давшей опору впослѣдствіи обрядовымъ заблужденіямъ. Они внесли въ свои печатныя изданія массу погрѣшностей даже противъ прежнихъ рукописныхъ книгъ [2]). Могъ быть печатникъ въ своемъ родѣ художникъ—по

---

[1]) Невѣжа Тимоѳеевъ 1568 г.. Андроникъ Тимоѳеевъ Невѣжа 1576—1602, Иванъ Андрониковъ Невѣжа 1592—1609.

[2]) Съ именами въ выходахъ печатниковъ Невѣжиныхъ извѣстно три изданія общей минеи, и ни одной описи въ нихъ не исправлено; въ псалтирь внесены молитвы сомнительнаго характера; въ синаксаряхъ цвѣтной тріоди перемѣшаны всѣ недѣли противъ старыхъ списковъ тріоди; конечныя славословія въ молитвахъ во всѣхъ богослужебныхъ книгахъ измѣнены съ нарушеніемъ смысла молитвъ и духа православія; чрезъ неправильную постановку знаковъ препинанія измѣненъ и затемненъ смыслъ рѣчи; допущены описки въ словахъ и внесены цѣлыя выраженія, содержащія еретическую мысль. Путемъ неосмотрительныхъ домысловъ и привносовъ печатниковъ Невѣжиныхъ вложено было много кирпичей въ зданіе съ теченіемъ времени образовавшагося раскола.— Исправленіе церковно-богослужебныхъ книгъ при патр. Филаретѣ, проф.

его трудамъ учатся и прославляютъ Бога цѣлыя поколѣнія, могъ быть печатникъ—ремесленникъ, и его небрежность и ошибки отзываются смутой и несчастіемъ такого же ряда поколѣній.

Развитіе московскаго книгопечатанія вызвало къ жизни, сверхъ труда отвѣчавшаго за все печатника, еще другой спеціальный досмотръ за исправностью книги. Къ двадцатымъ годамъ XVII столѣтія на печатномъ дворѣ въ Москвѣ появились справщики, чтецы, чаще стали упоминаться свидѣтельствованія печатавшихся книгъ самими московскими патріархами. Но всѣ усилія этихъ лицъ направлялись къ усовершенію богослужебныхъ чиновъ и уставно-бытовыхъ предписаній, библейскій же текстъ затрогивалъ ихъ вниманіе только съ точки элементарной исправности его языка. Наиболѣе внимательный досмотръ въ старопечатныхъ библейскихъ текстахъ, послѣ изданій первопечатника, наблюдается въ изданіяхъ времени патріарховъ Филарета и Никона; наименьшею исправностью отличаются изданія времени патріарха Іоасафа [1]).

Обычное корректурное исправленіе библейско-богослужеб-

П. С. Казанскаго (Чт. О. И. Др. Р. 1848, № 8). Московскій печатный дворъ при патріархѣ Никонѣ, прот. П. Ѳ. Николаевскаго, Хр. Чт. 1890, II, 438—439.

[1]) Вотъ имена первыхъ тружениковъ по библейскому печатному тексту въ Москвѣ, печатниковъ до 20-хъ годовъ XVII столѣтія, какъ онѣ отмѣчены въ выходахъ старопечатныхъ изданій: первопечатникъ, гостунскій діаконъ Иванъ Ѳедоровъ и помощникъ его Петръ Тимоѳеевъ Мстиславцевъ (1563—1565 г.), Никифоръ Тарасьевъ и Невѣжа Тимоѳеевъ (1568), Андроникъ Тимоѳеевъ Невѣжа (1576—1602), Иванъ Андрониковъ Невѣжа (1592—1609), Онисимъ Михайловъ Родышевскій, волынецъ (1605—1610), Никита Ѳедоровъ Фофановъ псковитянинъ (1606—1618), Іосифъ Кириловъ изъ повольскаго града Плеса (1616—1617), Петръ Васильевъ Федыгинъ (1618), софійскій попъ Никонъ (1619—1621), Кодратъ Ивановъ (1620—1623). Строевъ, Описаніе старопечатныхъ книгъ; Сахаровъ, Обозрѣніе славяно-русской библіографіи, Спб., 1849, Каратаевъ, Описаніе славяно-русскихъ книгъ, Спб. 1883, Родосскій А. С. Описаніе старопечатныхъ и церк.-славянскихъ книгъ, хранящихся въ библіотекѣ Спб. Дух. Акад. Спб. 1891. П. Ѳ. Николаевскій, Хр. Чт. 1890, II, 438. Перечень именъ справщиковъ съ 20-хъ годовъ XVII столѣтія, извлеченный изъ расходныхъ книгъ типографскаго архива, данъ И. Мансвѣтовымъ въ брош.—Какъ у насъ правились церковныя книги, М. 1883 (отт. изъ Приб. къ твор. свв. оо. 1883, IV, 1884, I), 23—29 стр. Среди этихъ справщиковъ выдѣляются лучшіе люди того времени: Антоній Крыловъ, Арсеній Глухой, Богоявленскій игуменъ Илья, протоіерей Михаилъ Роговъ, ключарь Иванъ Насѣдка, старецъ Евѳимій, Арсеній и Діонисій Греки, Александръ Мезенецъ, Сильвестръ Медвѣдевъ, Каріонъ Истоминъ, іеродіаконъ Ѳеофилъ, іеромонахъ Тимоѳей, Ѳедоръ Поликарповъ.

ныхъ текстовъ въ старопечатныхъ московскихъ книгахъ не представлялось окончательнымъ идеаломъ, особенно печатникамъ и справщикамъ патріаршескихъ изданій. Этимъ упрощеннымъ исправленіемъ довольствовались только по необходимости, такъ какъ не было иной возможности довести текстъ до большей ясности и исправности. Какъ только эта возможность представлялась, такъ немедленно московскіе печатники улучшаютъ свой трудъ. Даже нетребовательный печатникъ Невѣжа въ изданіи Псалтири 1592 г. почелъ для себя обязательнымъ заглянуть въ Псалтирь Максима Грека, правленную по греческому тексту. Темный переводъ Псалтири особенно доставлялъ заботу московскимъ справщикамъ, и она, дѣйствительно, первая изъ всѣхъ библейско-богослужебныхъ книгъ была исправлена при первой представившейся возможности, при патріархѣ Никонѣ.

Исправленіе богослужебныхъ книгъ составляетъ центральное мѣсто въ дѣятельности патріарха Никона. Ему первому изъ всѣхъ московскихъ патріарховъ удалось дѣло исправленія книгъ поставить на опредѣленную почву сличенія ихъ съ греческими текстами, и это обстоятельство рѣшительно выдѣлило его дѣятельность изъ ряда предшествующихъ исправленій. Видное мѣсто въ этой книжной справѣ отводилось на долю Библіи. По первоначальному замыслу правительства, при самомъ устроеніи этого дѣла при помощи кіевскихъ ученыхъ, еще до патріаршества Никона, имѣлось въ виду главнымъ образомъ исправить Библію. Когда въ Москвѣ сознана была потребность пригласить для книжной справы свѣдущихъ въ греческомъ языкѣ кіевскихъ ученыхъ, то приглашеніе объяснялось необходимостью въ исправленіи славянской Библіи. 30 сентября 1648 года царь Алексѣй Михайловичъ въ грамотѣ черниговскому епископу Зосимѣ писалъ: «вѣдомо намъ, великому государю, нашему царскому величеству, учинилось, что учители, священноиноки Кирило Замойскій, и Арсеній и Дамаскинъ Птицкій еллинскому языку навычны, и съ еллинскаго языку на словенскую рѣчь перевести умѣютъ и латинскую рѣчь достаточно знаютъ. А нашему царскому величеству таки люди годны... И вамъ бы, епископу, тѣмъ намъ, великому государю, послужити, нашего царскаго жалованья къ себѣ поискати, приговорить и прислати къ намъ, великому государю, къ нашему царскому величеству, *для справки библіи греческое на словенскую рѣчь* на время ис тѣхъ выше именованныхъ учителей

кто изъ нихъ похочетъ намъ, великому государю, послужити. И на Москвѣ у нашего царскаго величества побыти ему вольно по его воли и хотѣнью»... [1]). Въ виду неполученія отвѣта отъ епископа Зосимы, 14 мая 1649 года, Алексѣй Михайловичъ вторично послалъ подобную грамоту къ митрополиту кіевскому Сильвестру Коссову [2]), и митрополитъ прислалъ въ Москву Арсенія и Епифанія Славинецкаго (вмѣсто Дамаскина). Такимъ образомъ, ученые кіевляне должны были исправить славянскую Библію. По какимъ соображеніямъ московское правительство пришло къ мысли о преимущественной важности исправленія Библіи, когда у него на очереди стоялъ практически болѣе неотложный вопросъ объ исправленіи богослужебныхъ книгъ, сказать трудно. Можно думать, что въ этомъ отношеніи на правительство оказывали воздѣйствіе стороннія вліянія: сношенія съ южно-русскими и греческими выходцами, голосъ кіевскаго митрополита Петра Могилы, предлагавшаго въ 1640 г. московскому правительству устроить въ Москвѣ учительный монастырь, особенно же общеніе съ инославными учителями по дѣлу о сватовствѣ королевича Вольдемара. Во всякомъ случаѣ, рѣшимость московской власти о пересмотрѣ Библіи не была особенно твердою, и вызванные въ Москву кіевскіе ученые занимались переводами—по порученію духовной власти—разныхъ потребныхъ для того времени книгъ, исправленіемъ богослужебныхъ текстовъ, а библейскіе тексты доходили до ихъ рукъ постольку, поскольку они стояли въ кругу богослужебныхъ потребностей. И самый просмотръ учеными исправителями библейскихъ текстовъ нисколько не выдѣляется по своему качеству изъ обычной, усвоенной московскою властію, рамки исправленія богослужебныхъ книгъ. Это видно на изданіяхъ всѣхъ библейско-богослужебныхъ текстовъ времени патріарха Никона. Такъ Евангеліе въ никоновскомъ исправленіи затронуто весьма слабо: исправленіе въ изданіи 1657 г. ограничилось раздѣленіемъ прежняго текста на главы и стихи. Такая же судьба постигла Апостолъ въ никоновскомъ изданіи 1653 года. Нѣсколько больше оказались затронутыми исправленіемъ ветхозавѣтныя библейскія чтенія въ исправленной при Никонѣ

[1]) Труды черниговской ученой архивной коммиссіи, VIII, 1911, 107—108.

[2]) Собр. госуд. грам. и договоровъ III, № 136. Подробно исторія вызова кіевскихъ ученыхъ изложена у проф К. В. Харламповича, Малороссійское вліяніе на великорусскую церковную жизнь, I, Казань 1914, стр. 119—138

Постной Тріоди 1656 года, но и это исправленіе не выходило изъ круга обычныхъ грамматическихъ замѣненій [1]). Изъ всѣхъ богослужебныхъ библейскихъ текстовъ исправленію была подвергнута одна Псалтирь. Въ изданіи Псалтири Слѣдованной 1658 года—*Псалтиръ Давида Пророка и Царя и Часословъ съ прочими различными возслѣдованіи*—въ предисловіи твердо заявлено: *нынѣ же с прилѣжнымъ исправленіемъ с греческихъ книгъ исправися* и, вмѣсто прежняго устарѣвшаго текста псалмовъ, дается новый, болѣе удобопонятный переводъ, оставшійся потомъ и во всѣхъ послѣдующихъ изданіяхъ. Вотъ въ какомъ видѣ произведено это новое никоновское исправленіе:

Пс. 6 *по стар. пер.:* покажеши мене; яко смутишася кости моя; обрати Господи изми душу мою.

— *по нов. пер.:* накажеши мене; яко смятошася кости моя; обратися Господи, избави душу мою.

Пс. 13 *по стар. пер.:* Рече безуменъ въ сердцы своемъ нѣсть Бога. Растлѣша и омразишася въ начинаніяхъ.

— *по нов. пер:* Рече безуменъ въ сердцѣ своемъ, нѣсть Богъ. Растлѣша и омерзишася въ начинаніихъ.

Пс. 34 *по стар. пер.:* Суди Господи обидящыя мя, возбрани борющыя мя. Изсуни оружіе и заври сопротивъ гонящихъ мя.

— *по нов. пер.:* Суди Господи обидящыя мя, побори борющыя мя. Изсуни мечъ и заключи сопротивъ гонящыя мя.

Это исправленіе Псалтири составляетъ самый цѣнный вкладъ въ исторію библейскихъ славянскихъ текстовъ изъ всей

---

[1]) Въ послѣсловіи къ Тріоди 1656 г. дается любопытное описаніе и оцѣнка исправленія этой книги самими справщиками. Богъ, по словамъ издателей, „дарова духъ разума и усердіе на дѣло тѣма великима государема (т. е. царю Алексѣю Михайловичу и патр. Никону) ...еже елико мощно исправити съ греческихъ и сербскихъ книгъ въ чинѣхъ и реченіихъ и въ ореографіи, во именахъ же и глаголѣхъ и прочихъ частехъ словеснаго любомудрія, первую такову изданную исправленіемъ, якоже въ книзѣ сей видѣти есть“... Читатель предупреждается, что исправители отъ себя ничего не внесли въ книгу: „далече бо отъ нихъ таковая дерзость“,—они даютъ только то, что содержитъ православная церковь.— На самомъ дѣлѣ никоновское изданіе Постной Тріоди правлено по кіевскому изданію Тріодіона 1627 г. Петра Могилы, отъ прежнихъ изданій московской печати въ богослужебной части разнится весьма значительно, поэтому предупредительное извѣщеніе справщиковъ нужно понимать какъ вынужденную форму литературнаго самооправданія.

дѣятельности патріарха Никона по исправленію этихъ текстовъ. Послѣ Максима Грека и дѣятельности первопечатника, это исправленіе Псалтири самый крупный фактъ въ дѣлѣ усвоенія и усовершенія славянскаго библейскаго текста въ московской Руси за цѣлое столѣтіе. Кто изъ никоновскихъ ученыхъ справщиковъ велъ дѣло исправленія Псалтири, мы не знаемъ [1]). Въ одну линію съ этимъ исправленіемъ библейско-богослужебнаго текста за весь патріаршій періодъ русской церкви можетъ быть поставлено только іоакимовское изданіе Апостола 1679 года, исправленное чрезъ сличеніе съ «древними апостолы рукописными и харатейными, славянскими, съ кіевскими, кутейнскими, виленскими,—съ Бесѣдами Апостольскими и со иными переводы». Но это изданіе уже выходитъ изъ ряда изданій перваго столѣтія нашего книгопечатанія, представляетъ болѣе повышенную ступень требованій, связанныхъ послѣ 1663 года съ мыслью о библейскомъ текстѣ безотносительно къ его богослужебному употребленію [2]).

Весь первый младенческій періодъ русскаго издательства славянскихъ библейскихъ текстовъ, отъ 1564 до 1663 года, смотритъ на библейскій текстъ исключительно съ точки зрѣнія его богослужебнаго примѣненія, пользуется тѣми же пріемами исправленія и улучшенія текста, какіе прилагались къ текстамъ богослужебнымъ. Обобщеніе и систематическое исправленіе библейскихъ текстовъ, данное въ Острожской Библіи, не затрогивало во всей глубинѣ умовъ московскихъ читателей библейскаго текста, какъ бы не находило среди нихъ подготовленной почвы, и оказывало только косвенное вліяніе параллельнымъ развитіемъ въ московскомъ издательствѣ того же языка, какой былъ принятъ и введенъ въ широкій оборотъ Острожскимъ изданіемъ. Впрочемъ, здѣсь едва ли было вліяніе только острожскаго изданія: здѣсь можно усматривать проявленіе историческаго параллелизма, счастливо обусловленнаго московскимъ происхожденіемъ основы острожскаго текста. Москва

---

[1]) Справщиками при п. Никонѣ были: инокъ Евѳимій, Арсеній Грекъ, протопопъ Адріанъ, старецъ Іосифъ. Сочувственно относился къ книжной справѣ Никона и постоянно исполнялъ книжныя порученія Никона Епифаній Славинецкій, хотя справщикомъ онъ не былъ. Прот. П. Ѳ. Николаевскій, Московскій печатный дворъ при патріархѣ Никонѣ, Хр. Чт. 1891, II, стр. 161 сл.

[2]) Объ іоакимовскомъ изданіи Апостола мы скажемъ послѣ, въ изложеніи судьбы библейскаго текста въ слѣдующій періодъ.

выработала особенную, упрощенную судьбу библейскаго текста. Она не чувствовала нужды допрашивать этотъ текстъ по его существу, какъ это сознавалось на боевомъ юго-западѣ, и чрезъ это естественно понизила степень своего проникновенія въ слова Вѣчной Книги.

Судьба отдѣльныхъ изданій церковнаго библейскаго текста этого періода самымъ наглядным образомъ отражаетъ ихъ неразрывную органическую связь съ жизнью родственныхъ имъ богослужебныхъ книгъ. Самое большее напряженіе церковной мысли этого времени, особенно второй ея половины, проявлялось въ ея отношеніи къ своеобразному укладу русскаго обрядовѣрія. Цѣнность церковно-богослужебной книги въ это время опредѣлялась степенью соотвѣтствія ея господствующему или излюбленному тою или другою стороною церковныхъ людей принятому обряду или богослужебному чину. Такая же мѣрка въ опредѣленіи достоинства текстовъ установилась и въ отношеніи евангелій, апостоловъ и псалтирей этого времени. Написаніе имени Іисусъ, съ однимъ иже, въ іоасафовскихъ и іосифовскихъ изданіяхъ евангелія поднимало эти изданія въ глазахъ приверженцевъ стараго обряда на недосягаемую высоту, несмотря на то, что изданія патріарховъ Іоасафа и Іосифа въ общемъ не обладаютъ никакими достоинствами. Болѣе исправныя изданія евангелія патріарха Никона, наоборотъ, тѣми же ревнителями старины всемѣрно зазирались, потому что божественное имя Іисусъ изображалось въ нихъ съ двумя иже, что, будто бы, обозначало иного бога, антихриста. Особенно выразительно отразились бытовыя церковно-обрядовыя предубѣжденія на судьбѣ Псалтири. Извѣстно, что, когда излюбленная ревнителями старины на Москвѣ іосифовская Псалтирь, въ полдесть, съ статьею о двуперстномъ перстосложеніи принесена была на Аѳонъ, то тамъ эта *Псалтирь была сожжена монахами*, вмѣстѣ съ Кирилловой книгой и книгою о чести св. иконъ и поклоненіи имъ, не за какія-либо недочеты въ библейскомъ текстѣ, а изъ-за сторонней для Псалтири статьи о двуперстіи—главномъ символѣ убѣжденій русскихъ обрядовѣровъ [1]). Противоположное вниманіе вызвала Псалтирь въ Никоновскомъ изданіи 1653 года. 9 октября 1652 года на

[1]) Свѣдѣнія объ этомъ идутъ отъ Арсенія Суханова, именно изъ его „преній съ греками“, изданныхъ С. А. Бѣлокуровымъ въ Хр. Чт. 1883, II, 670—721, а потомъ въ 21 выпускѣ „Православнаго Палестинскаго Сборника“, Спб. 1889, проф. Н. И. Ивановскимъ.

печатномъ дворѣ, въ Москвѣ, былъ объявленъ указъ о приготовленіи къ печати «налойной», или слѣдованной псалтири съ изданія которой положено было патріархомъ Никономъ начать самыя исправленія богослужебныхъ книгъ; въ новомъ изданіи этой псалтири рѣшено было выпустить внесенную въ нее при патріархѣ Іосифѣ статью о 12 великихъ поклонахъ вмѣсто прежнихъ четырехъ, при чтеніи молитвы св. Ефрема Сирина, и статью о двоеперстіи для крестнаго знаменіе (вмѣсто троеперстія), какъ несогласныя съ древлепечатными и рукописными книгами. Печатный дворъ пришелъ въ волненіе: половина прежнихъ іосифовскихъ справщиковъ, въ числѣ трехъ человѣкъ, вышла изъ состава справщиковъ, по всей вѣроятности, изъ-за несогласія ихъ совѣсти съ новыми пріемами справы: невмѣстно святой Руси обращаться за помощью къ грекамъ, которые «по грѣху позакоснѣли отъ перваго преданнаго имъ чина и въ неволи пребываютъ»; тѣмъ болѣе неудобно въ исправленіи московскихъ книгъ пользоваться греческими печатными книгами, которыя, по ихъ мнѣнію, перепорчены латинами [1]). Справщики не ограничились безмолвнымъ протестомъ противъ новаго направленія патріарха въ книжной справѣ, а открыто стали на сторону противниковъ Никона. Когда новоисправленная книга вышла изъ печати 11 февраля 1653 года, то она вызвала большое смущеніе въ народѣ, особенно среди московскаго духовенства. Многія лица сразу открыто отдѣлились отъ патріарха и церкви; недовольные бывшіе справщики усилили общее волненіе. Съ весны 1653 г. до глубокой осени продолжался въ Москвѣ, по распоряженію патріарха, розыскъ и слѣдствіе. Новоизданной Псалтири суждено было вызвать начало церковнаго раскола.

Первое столѣтіе московскаго церковнаго издательства библейскихъ текстовъ (1564—1663 г.г.) въ общемъ не представляетъ какого-нибудь замѣтнаго движенія впередъ въ дѣлѣ улучшенія текстовъ и тѣмъ болѣе проникновенія въ народное сознаніе библейскаго духа по сравненію съ предшествующимъ временемъ, начиная съ Библіи Геннадія. Въ заслугу ему можно вмѣнить только использованіе преимуществъ печатнаго станка для элементарнаго устраненія домысловъ

---

[1]) Такова была доступная для нашего наблюденія психологія одного изъ справщиковъ—старца Іосифа Насѣдки. Хр. Чт. 1891, № 1—2, стр. 160—161.

ошибокъ, неизбѣжныхъ въ рукописныхъ текстахъ, а также для удобнаго распространенія въ церквахъ достаточнаго количества печатныхъ богослужебныхъ книгъ. Для дѣла духовнаго просвѣщенія, разумѣется, эта заслуга не маловажная. Но все таки печатный станокъ не сдѣлалъ всего, что отъ него можно было бы ожидать. Эпоха Геннадія, Максима Грека, Андрея Курбскаго и по одухотворенности и по широтѣ использованія библейскихъ текстовъ несравненно богаче и содержательнѣе библейско-богослужебныхъ изданій московскаго печатнаго двора, удовлетворявшихъ скромные практическіе запросы церковнаго богослуженія. Рѣшительное устраненіе съ церковнаго кругозора полной четьей Библіи, пренебреженіе тѣмъ, что могло бы ближе подойти къ сердцу народа, какъ толкованіе или приближеніе Библіи къ народному языку, исключительное пользованіе одними только богослужебными чтеніями библейскаго текста—съузило мощный захватъ Библіи до степени сакральнаго преклоненія предъ отдѣльными отзвуками небеснаго призыва...

Безъ какого-нибудь открытаго распоряженія, по властному бытовому укладу, голосъ Библіи долженъ былъ безповоротно склониться предъ богослужебнымъ чиномъ. При общей скудости тогдашняго просвѣщенія и подъ вліяніемъ недостатка другихъ источниковъ духовнаго развитія это ненамѣренное ограниченіе столь важнаго духовно-просвѣтительнаго источника, какъ Библія, съузило общій духовный горизонтъ церковныхъ круговъ и всего русскаго народа, а отсюда — естественный и неизбѣжный наклонъ къ уродливой церковно-обрядовой исключительности второй половины XVII вѣка.

Полоса русской исторіи отъ Іоанна Грознаго до Алексѣя Михайловича, съ которою связано первое столѣтіе библейскаго издательства, признается средоточіемъ самобытнаго московскаго строительства, временемъ наиболѣе яркаго проявленія національныхъ сторонъ русскаго духа. Одновременно это была эпоха расцвѣта московской государственной и церковной сильной власти. И этотъ золотой вѣкъ московскаго царства внесъ наименѣе цѣнный вкладъ въ исторію славянской Библіи сравнительно со всѣми другими эпохами ея развитія на русской почвѣ. О Библіи во всемъ величіи ея объема и силы въ это время не только не думали, но она сознательно и планомѣрно приспособлялась къ выраженію господствовавшихъ тогда церковно-практическихъ потребностей и временныхъ настроеній духовной власти. Конечно, возможность истиннаго вліянія биб-

лейскаго духа на удрученную человѣческую совѣсть не исключалась и въ это время, но это была область частныхъ усилій и личныхъ настроеній, независимыхъ отъ пожеланій и намѣреній соотвѣтственной бытовой обстановки. Цѣннѣйшее пріобрѣтеніе человѣческой культуры того времени—книгопечатаніе въ примѣненіи его въ Москвѣ къ служенію Слову стало на путь, совершенно противоположный тому, что оно дало человѣчеству на мѣстѣ своего появленія, на западѣ. У насъ оно не помогло развитію духа, его свободному воспитанію въ струяхъ вѣковѣчной библейской истины, а наоборотъ освятило закрѣпощеніе этого духа въ рамки церковно-обрядовой исключительности. Печатный станокъ на западѣ снялъ съ Библіи лежавшія на ней до того времени тяжелыя желѣзныя цѣпи, у насъ печатный московскій дворъ, по косности своей мысли, наоборотъ, посадилъ ее на цѣпь. Исключительнымъ изданіемъ только богослужебныхъ-библейскихъ текстовъ онъ заслонилъ Библію, удалилъ ее съ принадлежащаго ей мѣста, несправедливо урѣзалъ свойственное ей вліяніе. Судьба отчасти исправила ошибку Москвы. На болѣе вдумчивыхъ къ источникамъ христіанскаго просвѣщенія окраинахъ русскаго духа—на западѣ и юго-западѣ Руси—московская односторонность и косность въ отношеніи Библіи были значительно исправлены Острожскимъ изданіемъ Библіи и дѣятельностью кіевскихъ и другихъ южно-русскихъ тружениковъ. Острожская Библія была и для Москвы такой же недосягаемой вершиной библейскаго просвѣщенія, какъ для другихъ нашихъ южныхъ и западныхъ соплеменниковъ. Одно обстоятельство нѣсколько возвышало дѣятельность московскаго печатнаго двора надъ скромными изданіями сербовъ, молдаванъ и хорватовъ того времени—это русскій изводъ ихъ славянскаго текста. Въ этомъ отношеніи московскія изданія имѣли большое національное значеніе: они все больше и больше укрѣпляли господство русскаго вида священныхъ текстовъ на всемъ пространствѣ славянскаго богослужебнаго языка, т. е. продолжали и поддерживали мощное вліяніе московско-русской традиціи въ общекультурномъ смыслѣ, на ряду съ Острожской Библіей. Библейско-богослужебное издательство московскаго печатнаго двора XVI—XVII в.в. и Острожская Библія—въ этомъ отношеніи явленія родственныя, и національно-государственное значеніе ихъ, какъ объединителей и воспитателей старо-русской духовной культуры, принадлежитъ имъ въ одинаковой степени.

Недостатокъ ясности и вмѣстѣ съ тѣмъ духа приспособительности библейско-богослужебныхъ текстовъ перваго печатнаго періода къ пониманію и жизненнымъ требованіямъ народа возмѣщался различными средствами. Въ большинствѣ случаевъ это оживленіе и приспособленіе текстовъ ложится на частную изобрѣтательность и предпріимчивость, стоитъ внѣ связи съ оффиціальнымъ издательствомъ московскаго печатнаго двора и вообще находится за предѣлами принимавшейся на себя церковью заботливости объ усовершеніи и приспособленіи къ неотложнымъ народнымъ потребностямъ библейскаго текста. Исторія западной Руси выдвигала, какъ мы видѣли, въ это время на помощь мало вразумительному славянскому библейскому тексту переводы этихъ текстовъ на народный языкъ. Эта помощь шла со стороны, главнымъ образомъ, недруговъ церкви—еретиковъ и иновѣрцевъ. Въ Москвѣ этого не было. Здѣсь можно указать на слѣдующіе главные виды этой вспомогательной дѣятельности въ уясненіи и распространеніи въ народномъ сознаніи содержанія библейскихъ церковно-славянскихъ текстовъ: лицевые списки библейскаго текста, поясннтельныя статьи и толкованія текста, приспособленія библейскаго текста для учебныхъ цѣлей и болѣе или менѣе новыя, самостоятельныя обработки текста, въ видѣ стихотворныхъ переложеній и новыхъ переводовъ. Главнымъ образомъ вся эта дѣятельность по усовершенію библейскаго текста сосредоточивалась вокругъ наиболѣе употребительной книги—Псалтири.

Лицевые библейскіе тексты въ XVI—XVII вв. на русской почвѣ развивались на прочномъ и богатомъ преданіи прежняго времени. Изображенія священныхъ сюжетовъ, на ряду съ библейскимъ текстомъ, издавна признавались на Руси, какъ и у южныхъ славянъ, незамѣнимымъ средствомъ для непосредственнаго уразумѣнія читателемъ не всегда яснаго славянскаго текста, въ особенности для наученія не умѣвшихъ читать любителей божественнаго писанія. Миніатюра рукописи выполняла въ книгѣ то же назначеніе, какое имѣла у восточныхъ христіанъ икона въ храмахъ. Удовлетворяла она и другой, болѣе общей потребности—эстетическаго воспитанія, связаннаго въ то время съ обстановкою храма или священнымъ, духовно-учительнымъ текстомъ. Источникомъ художественнаго подражанія для славянскихъ и русскихъ миніатюристовъ была Византія, а съ XIV в. наши посредники по

сношеніямъ съ Византіею—южные славяне—болгары и сербы, а также молдаване. Въ мѣру приближенія византійскихъ оригиналовъ къ древнимъ классическимъ образцамъ стиля, и наши славянскіе и русскіе подражатели этихъ образцовъ отражали иногда на страницахъ своихъ лицевыхъ изображеній, хотя и въ несовершенномъ видѣ, типы стараго классическаго искусства, но въ большинствѣ случаевъ это была болѣе или менѣе только удачная русская переработка копіи иконографическаго памятника, имѣвшаго связь съ лучшими традиціями искусства. Съ XVI-го вѣка къ прежней славяно-византійской основѣ въ нашу русскую миніатюру привносятся черты западнаго, фряжскаго искусства, но въ священныхъ лицевыхъ изображеніяхъ, въ библейскихъ книгахъ, это западное вліяніе до второй половины XVII вѣка не получило особеннаго развитія: здѣсь для его примѣненія было много существенныхъ ограниченій [1]).

Расцвѣтъ лицевыхъ библейскихъ рукописей въ XVI—XVII вв. относится ко времени дѣятельности митрополита Макарія и царя Іоанна Грознаго. Къ этому времени, къ половинѣ XVI вѣка, относится знаменитый, единственный въ своемъ родѣ, лицевой списокъ Библіи, соединенный съ хронографическимъ повѣствованіемъ по всемірной исторіи—списокъ, бывшій, повидимому, въ библіотекѣ Грознаго [2]).

---

[1]) Старыя лицевыя рукописи идутъ съ начала русской письменности. Древнѣйшія между ними—это списки Евангелія и Псалтири: Евангеліе Остромирово 1057 года, Мстиславово нач. XII в., Пантелеймоново, Софійской библ. № 1 XIII в., Евангеліе ярославскаго архіерейскаго дома XIII в., Евангеліе 1232 года, ризницы Троице-Сергіевой Лавры № 9, Евангеліе Типографской библіотеки въ Москвѣ № 5 XIII—XIV в., Евангеліе Антоніева Сійскаго монастыря 1339 г., Евангеліе Московской Синодальной библіотеки № $^{24}/_{68}$ 1357 г. и др.; въ большинствѣ этихъ списковъ даны только изображенія евангелистовъ; Псалтири: Хлудовская—Симоновская, ок. 1280. Румянцевскаго Музея № 327 XIV в., Императорскаго Общества любителей древней письменности 1397 г., Онежскаго Крестнаго монастыря 1395 г., писанная Лукою Смольянинымъ; сюжеты Псалтири разработаны весьма обстоятельно и подробно. Сербскія рукописи съ миніатюрами: Евангеліе XIV в. Британскаго музея и Мюнхенская Псалтирь XIV—XV в., изданная И. В. Ягичемъ. Летопис Матице Српске 1898, кн. 195, ст. П. А. Сырку. Болгарское лицевое Евангеліе—елисаветградской единовѣрческой Покровской церкви, XV вѣка.

[2]) Этотъ знаменитый списокъ времени Іоанна Грознаго, почти совсѣмъ не затронутый изученіемъ, содержится въ трехъ отдѣльныхъ рукописяхъ: 1) Императорскаго Историческаго Музея въ Москвѣ, инвентарный № 34541; въ немъ содержатся книги: Пятокнижіе Моисеево съ вставками

Съ этого времени устанавливается типъ лицевыхъ Апокалипсисовъ, новая разработка лицевыхъ Евангелій и лицевыхъ Псалтирей. Правда, наканунѣ эпохи Грознаго извѣстна художественная обработка сюжетовъ Библіи въ псковской Толковой Палеѣ 1477 года [1]); лицевая Псалтирь, кромѣ старой традиціи до XIV в,, представлена была за полстолѣтія до Грознаго великолѣпной Углицкой Псалтирью 1485 года съ массою символическихъ изображеній [2]). Это даетъ основанія предполагать, что развитіе живописнаго искусства въ библейскихъ рукописяхъ совершалось послѣдовательно, и вѣкъ Грознаго только продолжалъ обычную традицію, унаслѣдованную отъ прежняго времени. Но внимательное наблюденіе усматриваетъ особый подъемъ и планомѣрность въ этой дѣятельности въ вѣкъ Грознаго: весь предшествующій лицевой библейскій матеріалъ былъ заново переработанъ (Библія, Псалтирь); лицевыя Евангелія и Апокалипсисъ почти цѣликомъ созданы въ это время. Въ общемъ все это побуждаетъ смотрѣть на время Грознаго, какъ на особую эпоху въ дѣлѣ сближенія живописнаго искусства съ библейскими сюжетами. Полную лицевую Библію въ связи съ такимъ же изображеніемъ всемірной исторіи—мы имѣемъ отъ времени Іоанна Грознаго, и

изъ Палеи, кн. Іисуса Навина, Судей, отрывки изъ кн. Іова и повѣсть о Троянской войнѣ; всѣхъ листовъ 1031, рисунковъ на нихъ въ краскахъ 1677 (проф. Щепкинъ, Изв. Отдѣл. рус. яз. и слав. Императ. Ак. Н. 1899, IV, 1345—1385), 2) отрывокъ изъ рукописи въ 13 л. при лицевомъ житіи Св. Николая Чудотворца Румянцевскаго Музея въ Москвѣ, собр. Большакова № 15; содержитъ Быт. VII$_{20}$—XI; на ряду съ библейскимъ текстомъ здѣсь содержится текстъ Еллинскаго Лѣтописца (= Кир. Вѣлоз. собр. сп. $^1/_8$, лл. 21—26) со вставками изъ Хронографа I ред. (А. Е. Прѣсняковъ, Московская историческая энциклопедія XVI в.— Извѣстія Отдѣл. русск. яз. и слов. Императ. Ак. Н. 1900, I, 827); 3) библіотеки Императорской Академіи Наукъ, № 17. 17. 9, лицевой сборникъ на 1476 лл. съ текстомъ книгъ—Руѳь, I—IV Царствъ, Товитъ Паралипоменонъ неполн., Есеирь, Дан. (А. Е. Прѣсняковъ, Изв. Отдѣл. русск. яз. и слов. Импер. Ак. Н. 1900, I, 824—876; Н. П. Лихачевъ, Палеографическое значеніе бумажныхъ водяныхъ знаковъ, гл. IV, Описаніе бумажныхъ водяныхъ знаковъ, стр. 300—318).

[1]) Обычно Палея Московской Синодальной Библіотеки № 210, 1477 г. почитается новгородскою, хотя въ записи есть прямое указаніе, что она писана во Псковѣ. Издана Импер. Общ. любителей древней письменности, Спб. 1892 г.

[2]) Снимки съ миніатюръ Углицкой Псалтири и описаніе ихъ даны у А. И. Успенскаго. Очерки по исторіи русскаго искусства, томъ первый. Русская живопись до XV в. включительно, М. 1910, стр. 351—370.

это, разумѣется, не случайность. Эта Библія возникла въ эпоху, когда московское царство, упоенное высокимъ положеніемъ, какого оно достигло—по крайней мѣрѣ въ умахъ своихъ государственныхъ людей и своихъ книжниковъ—подъ властью Грознаго царя, подводило итоги своимъ историческимъ воспоминаніямъ, выискивая въ нихъ оправданія притязаніямъ, шедшимъ далеко за предѣлы Москвы... Увѣковѣченныя въ краскакъ повѣствованія Библіи, чрезъ хронографъ и возможно полный сводъ старыхъ русскихъ лѣтописей, должны были завершиться подробнымъ изоженіемъ событій счастливаго царствованія великаго государя, царя и великаго князя Ивана Васильевича.

Величію замысла московскихъ книжниковъ XVI вѣка соотвѣтствовало и исполненіе этой громадной библейской и исторической энциклопедіи: текстъ ея писанъ на лучшей бумагѣ, какую въ то время можно было достать; въ частяхъ, дошедшихъ до насъ, сохранилось 9700 съ лишнимъ листовъ и болѣе 16000 раскрашенныхъ иллюстрацій; весь этотъ матеріалъ въ дошедшей до насъ части состоитъ изъ 10 фоліантовъ, разсѣянныхъ по разнымъ книгохранилищамъ. Сохранилось 5 томовъ копіи, сдѣланной въ XVII вѣкѣ съ нѣкоторой части этого лицевого свода и 1 томъ XVIII вѣка, содержащій копію съ отрывка того же свода. Возникалъ вопросъ объ отнесеніи происхожденія этой энциклопедіи къ XVII вѣку. Разборъ основаній для такого предположенія далъ Н. П. Лихачевъ. Изъ ряда его соображеній—кромѣ установленія имъ важнаго, рѣшающаго факта о томъ, что бумага лицевого библейскаго свода относится къ XVI вѣку—укажемъ на слѣдующія. Въ хронографической компиляціи совершенно не видно вліянія польскихъ источниковъ, столь обычнаго въ XVII в. Часть лицевой Библіи, сохранившаяся съ Житіемъ Николая Чудотворца, была приплетена къ этому Житію уже въ XVII вѣкѣ и въ XVII в. ходила по рукамъ. Въ XVII же вѣкѣ часть свода, хранящаяся въ библіотекѣ Императорской Академіи Наукъ, была скрѣплена слѣдующею записью по листамъ: «лѣта 7169 (1661) сию книгу положилъ въ домъ святаго живоноснаго воскресенія Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа Новаго Іерусалима смиренный Никонъ, Божиею милостию патріархъ, а кто восхощетъ ю усвоити яко-же ахавъ хармиевъ или утаитъ яко-же ананіа и сапфира, да отиметъ отъ него Господь Богъ святую свою милость и затворитъ двери святыхъ своихъ щедротъ

и да придетъ на него неблагословеніе и клятва и казнь Божія душевная и тѣлесная въ нынѣшнемъ вѣцѣ и въ будущемъ вѣчна мука, а кто сіе писаніе какимъ злымъ умышленьемъ испишетъ отъ книги сея, да испишетъ его имя Господь Богъ отъ книги животныя». Все это заставляетъ думать, что въ XVII в. этотъ несомнѣнно царскій, по роскоши, сводъ былъ уже разрозненъ и былъ въ разныхъ мѣстахъ. Естественно предположить, что эта катастрофа съ нимъ случилась въ Смутное время. Будь этотъ сводъ произведеніемъ первыхъ Романовыхъ—его судьба была бы иная: онъ въ XVII в. былъ бы цѣлымъ и новымъ, да и до насъ дошелъ бы въ большей сохранности.

Художественное объясненіе миніатюръ библейскаго свода Грознаго еще ожидаетъ своего изслѣдователя. Въ настоящее время происходитъ только собираніе этого матеріала съ его непосредственнымъ продолженіемъ и частичное его изученіе. Въ ряду непосредственныхъ представителей или продолжателей стиля и направленія этой царской школы времени Грознаго слѣдуетъ поставить лицевыя Евангелія и Апокалипсисы въ спискахъ XVI—XVII вѣковъ и т. наз. Годуновскія лицевыя Псалтири, хотя о строгой преемственности въ развитіи искусства этого времени еще не можетъ быть рѣчи: это—эпоха заимствованій и подражаній и при томъ не послѣдовательныхъ, а скрещивающихся.

Лицевыя Евангелія съ значительной разработкой евангельскихъ сюжетовъ идутъ на смѣну древнихъ, ранѣе указанныхъ списковъ, скудно иллюстрированныхъ, съ XVII вѣка. Вотъ наиболѣе извѣстные списки: Евангеліе въ ризницѣ костромскаго Ипатьевскаго монастыря 1605 года, вкладъ Д. И. Годунова; Евангеліе сійскаго Антоніева монастыря второй половины XVII в., содержитъ 2130 изображеній; Евангеліе петропавловскаго собора въ Петроградѣ, 1678 года, съ 1200 рисунковъ [1]); рисунки на поляхъ печатнаго Евангелія 1681 г. въ ипатьевскомъ монастырѣ. Болѣе древнее, тоже богато иллюстрированное—Евангеліе елисаветградской единовѣрческой Покровской церкви, XV вѣка, какъ мы указали, не русскаго, а болгарскаго происхожденія и представляетъ другую художественную школу. Списковъ Годуновскихъ лицевыхъ Псалтирей извѣстно одиннадцать: списокъ Ипатьевскаго монастыря

[1]) Объ окладѣ Евангелія см. Старые Годы 1915, іюль—августъ, стр. 27.

1591 г. (описанъ въ Хр. Чт. 1883 г. Н. В. Покровскимъ—особаго состава); библіот. Петроградской Дух. Акад. 1594 г., Ипатьевскаго монастыря 1594 г., московскаго Архангельскаго собора того же года, Московской Духовной Акад. 1600 г., Чудовскаго мон., моск. архива мин. ин. д., Калязина мон. и др. [1]) Лучшее изслѣдованіе по иконографіи Евангелія принадлежитъ проф. Н. В. Покровскому—Евангеліе въ памятникахъ иконографіи, преимущественно византійскихъ и русскихъ, СПБ. 1892, а также Стѣнные росписи въ древнихъ храмахъ греческихъ и русскихъ (Труды VII археологическаго съѣзда въ Ярославлѣ, М. 1890, т. I). Въ послѣднемъ трудѣ отмѣчается, что библейскіе сюжеты, извѣстные на стѣнахъ храмовъ, съ древняго времени, въ XVI—XVII вв., также какъ и въ лицевыхъ рукописяхъ, переработаны, обновлены и замѣнены новыми. Подъ вліяніемъ западной иконографіи, въ это время на стѣны храмовъ занесены сложные иконографическіе библейскіе сюжеты, какъ твореніе міра, Пѣснь Пѣсней, апокалипсическія видѣнія, страсти Христовы. Такимъ же путемъ въ это время получили доступъ въ храмы изображенія реалистическаго характера (Сусанна), изображенія языческихъ мудрецовъ и сивиллъ, сближавшихся на западѣ съ представителями библейской традиціи и частію успѣвшихъ въ это время проникнуть даже въ наши библейскіе списки (ср. книга Менандра въ Библіи Матвѣя Десятаго 1502—1507 г.). Богатый художественный и историко-культурный матеріалъ, связанный съ лицевымъ Апокалипсисомъ, изслѣдованъ у Ѳ. И. Буслаева—Русскій лицевой Апокалипсисъ, М. 1884, и альбомъ къ этому изслѣдованію—Сводъ изображеній лицевыхъ Апокалипсисовъ по русскимъ рукописямъ съ XVI по XIX вѣкъ, СПБ. 1884.

Выполненіе библейскихъ сюжетовъ въ лицевой Библіи Грознаго въ общемъ остается на почвѣ русской передачи византійскаго искусства: одновременная передача послѣдовательныхъ событій, условная перспектива съ стилизованнымъ изобра-

---

[1]) Годуновскіе Псалтири изготовлены были по порученію Димитрія Годунова, завѣдывавшаго царскими дворцовыми иконописцами, при царѣ Ѳедорѣ Ивановичѣ, послѣ того какъ оказалось, что царь ни къ чему не проявляетъ никакого интереса и совершенно равнодушенъ къ ихъ широко задуманному при I. Грозномъ предпріятію—лицевому изображенію всемірной исторіи.

женіемъ горъ и деревьевъ—все это особенности, хорошо извѣстныя въ нашей старой иконографіи предшествующихъ вѣковъ. Изображается повѣствованіе книги Бытія, 1 гл. 4 ст.: и родишася Адаму сынове: Каинъ и Авель, Каинъ бѣ дѣлая землю, Авель же бысть пастырь овцамъ. Въ облакахъ, вверху надъ землею помѣщенъ Господь Вседержитель съ благословляющей рукой, съ Богомъ Сыномъ и Духомъ Святымъ (въ видѣ голубя) на лонѣ. На верхнемъ фонѣ земли, среди деревьевъ, изображенныхъ въ видѣ трилистниковъ, радостно встрѣчаются Адамъ и Ева. Внизу, въ правомъ и лѣвомъ углахъ отъ зрителя, даются двѣ одинаковыя картины: рожденіе Каина налѣво и рожденіе Авеля направо; и въ томъ и въ другомъ изображеніи одинаковыя пещеры въ горахъ, Ева съ младенцемъ и Адамъ; разница только въ томъ, что при рожденіи Каина Адамъ лѣвою рукою производитъ жестъ печали, при рожденіи Авеля проявляетъ радость. Выше, за горами и деревьями, изображены занятія Каина и Авеля: Каинъ на полѣ лопатою копаетъ землю; Авель въ долинѣ, между горами, пасетъ овецъ: онъ трубитъ въ рогъ, овцы прислушиваются къ его звуку. Непосредственное чувство съумѣло умѣстить—и при томъ не безъ красоты и живости—на скромной страницѣ книжнаго листа цѣлый рядъ сложныхъ сюжетовъ изъ жизни двухъ человѣческихъ поколѣній, развивающейся при особомъ Божіемъ промышленіи объ этихъ поколѣніяхъ. Божіе наблюденіе за добромъ и зломъ въ человѣческой жизни, начиная съ самаго рожденія человѣка, придаетъ всему изображенію величественный характеръ: жизнь—не случайное стеченіе обстоятельствъ, а осмысленное выполненіе высшаго предназначенія; добро не можетъ быть лишено награды, а зло не можетъ избѣжать заслуженнаго возмездія; жизнь полна глубокаго смысла и высокаго значенія. Рисовальщикъ одухотворилъ священный текстъ, вдохнулъ въ него свое проникновенное религіозное чувство. Къ начальнымъ словамъ книги Левитъ—възва Господь Моисея, рече ему ис храма свидѣнія господня: глаголи къ сыномъ израилевомъ и рцы къ нимъ—дано слѣдующее изображеніе: въ верхнемъ углу Господь Саваоѳъ съ благословляющей рукой; ниже—скинія свидѣнія въ видѣ шатра, съ крестомъ на верху, на завѣсѣ—херувимъ; кругомъ скиніи горы съ покрывающими ихъ облаками, справа и слѣва горъ, у ихъ подошвы—толпы народа; въ серединѣ, у входа изъ скиніи стоитъ Моисей, вѣщающій народу слова Божіи, обращенный

лицомъ къ Господу Савао҃у, какъ бы благоговѣйно выслушивающій повелѣнія Господа съ неба [1]).

Еще болѣе наивно и своеобразно истолкованіе нелегкаго для пониманія текста псалмовъ въ лицевыхъ Псалтиряхъ. Къ словамъ 21-го псалма: «юнцы тучни одержаша мя. Отверзоша на мя уста своя» представленъ Спаситель (съ надписью «Іс. Хс.»), а по сторонамъ Его четыре воина съ воловьими рогами на головахъ. При текстѣ того же 21-го псалма: «яко обыдоша мя пси мнози» — Спаситель стоитъ посреди четырехъ воиновъ, представленныхъ съ собачьими головами. Къ стиху 40-му 104 псалма—просиша и пріидоша крастели и хлѣба небеснаго насыти я—представлена группа людей съ простертыми вверхъ руками, въ которыя стремительно сами летятъ желтыя птицы съ черными ножками. Внизу дана другая картина: пылаетъ костеръ, на огнѣ черноволосый юноша поджариваетъ на двухъ вертелахъ куски мяса [2]). Къ тексту пс. 16$_{13}$— воскресни Господи, предвари я и запни имъ—дается изображеніе: царь Давидъ съ короной на головѣ, къ нему поспѣшно идетъ Іисусъ Христосъ, за Христомъ—два бѣса, пытающіеся Его обогнать [3]).

Основной задачей нашихъ старыхъ миніатюристовъ XVI—XVII вв. въ передачѣ библейскихъ сюжетовъ было вѣрное истолкованіе текстовъ Св. Писанія по прямому или внушенному толкованіемъ смыслу этихъ текстовъ. Здѣсь дѣйствовало то же благоговѣніе къ точному изображенію священнаго сюжета, какое вообще наблюдается въ христіанской иконографіи, съ тѣмъ лишь различіемъ, что иконописецъ долженъ былъ неуклонно слѣдовать своимъ установленнымъ вѣками образцамъ письма, а книжный иконникъ имѣлъ нѣсколько большую свободу для выраженія своихъ образовъ: ему предоставлялось право

---

[1]) Часть рисунковъ изъ лицевой Библіи Грознаго, по списку Историческаго Музея, воспроизведена въ старообрядческой перепечаткѣ Острожской Библіи, М. 7422 (1914) года. На ряду съ этими рисунками помѣщены также рисунки изъ западныхъ изданій—совершенно другого стиля и значенія. Самое воспроизведеніе старообрядческой перепечатки не точное: рисунки приспособлялись къ тенденціямъ издателей. См. нашу замѣтку объ этой перепечаткѣ въ Церк. Вѣстн. 1914 г. и отт.

[2]) Изъ Углицкой Псалтири 1485 г. А. И. Успенскій, Очерки по исторіи русскаго искусства, М. 1910, стр. 355, 363.

[3]) Годуновская Псалтирь 1594 г., Кир. бѣл. библ. № 7/12.

по своему излагать подробности текста, не данныя прямо въ писаніи или толкованіи. Иконописецъ изготовлялъ священное изображеніе для цѣлей молитвы, иконникъ-миніатюристъ давалъ матеріалъ для частныхъ благочестивыхъ размышленій въ часы досуга безграмотнымъ любителямъ слова Божія и для углубленія въ смыслъ откровенныхъ истинъ грамотнымъ—эти различія въ дѣятельности того и другого объясняютъ и оправдываютъ расширеніе предѣловъ дозволеннаго для замысловъ и вдохновенія иконника-миніатюриста. Ветхій завѣтъ въ лицевыхъ изображеніяхъ, особенно въ Псалтири, находилъ свое изъясненіе главнымъ образомъ въ сопоставленіи съ событіями и отношеніями новозавѣтными. Неясное мѣсто изъяснялось по толкованію или по освященному церковію сближенію съ новозавѣтнымъ или церковно-историческимъ событіемъ; нерѣдко дѣло переносилось на почву мистическаго освѣщенія текста. Въ порывѣ благочестиваго увлеченія миніатюристъ не отказывался изображать не только доступныя обычному взору повѣствованія священнаго текста о земныхъ отношеніяхъ, но и прикровенныя изложенія возвышенныхъ небесныхъ событій, напр., видѣнія Апокалипсиса, грандіозныя повѣствованія о страшномъ судѣ, пророческія видѣнія Даніила. Ограниченность изобразительныхъ средствъ миніатюриста съ избыткомъ возмѣщалась въ его одухотворенной работѣ его изобрѣтательностью въ примѣненіи выработанныхъ еще ранѣе византійскимъ искусствомъ условныхъ пріемовъ—символизаціи, стилизаціи, орнамента и т. п. Нельзя не преклоняться предъ высотою благороднаго воодушевленія, съ которымъ миніатюристъ смѣлыми полетами своей фантазіи и традиціонныхъ условностей пытается овладѣть величественными образами творческаго вдохновенія, всюду разсыпанными въ таинственныхъ видѣніяхъ Іоанна Богослова. Перомъ миніатюриста здѣсь могла водить только самая непоколебимая вѣра въ точныя соотвѣтствія вышедшихъ изъ подъ его пера образовъ съ небесною дѣйствительностью, вѣра въ полное подчиненіе міра непреложнымъ законамъ божественнаго промышленія, въ незыблемость и непререкаемость нравственнаго міропорядка. Недаромъ миніатюра сопутствовала библейской книгѣ только въ эти вѣка цѣльной вѣры. Новое время, съ конца XVII вѣка, уже потеряло этотъ чудный даръ: привносомъ трезвой, реалистической струи изъ западнаго искусства и мышленія оно навсегда прогнало отъ себя старую лицевую эпопею нашихъ рукописей. Въ лучшемъ случаѣ оно

замѣнило ее злободневной кощунственной карикатурой [1]) или иностранной гравюрой [2]). Художникъ утратилъ чуткость непосредственнаго пониманія и проникновенія въ Священное Писаніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ утратилъ и религіозное вдохновеніе, откуда онъ почерпалъ животворные идеи для своихъ художественныхъ созданій.

Старое время не дало нашимъ предкамъ живого, проникновеннаго самостоятельнаго истолкованія библейскихъ писаній и самыя писанія, по условіямъ времени, могло предоставить только въ неполномъ, недостаточномъ видѣ. Это время учило и училось по скуднымъ отрывкамъ, которые доходили до Руси въ переводахъ съ давно уже угасшей Византіи, по церковнымъ чинамъ и преданіямъ, постепенно воспринятымъ нами отъ болѣе счастливыхъ временъ и народовъ. На ряду съ этими способами передачи нашему старому русскому обществу библейскихъ идей и понятій, лицевые библейскіе списки XVI—XVII вв. занимаютъ почетное мѣсто.

[1]) Старообрядческіе лицевые Апокалипсисы XVIII—XIX вв.—съ отнесеніемъ грѣховныхъ апокалипсическихъ олицетвореній къ царю Алексѣю Михайловичу, Петру, Екатеринѣ II и т. п.

[2]) Съ XVII в. особеннымъ вниманіемъ пользовалась у насъ иноземная Библія Пискатора. Въ иллюстраціяхъ этой Библіи, какъ равно и въ другихъ изображеніяхъ новаго времени, нѣтъ органической связи съ текстомъ и разумѣніемъ славянской Библіи, поэтому онѣ относятся къ исторіи искусства, а не Библіи (Ж. М. Н. Пр. 1912, іюнь, стр. 33—34).